ДИАЛОГ ВРЕМЕН

Амурский краеведческий альманах

№ 1

2018

ДИАЛОГ ВРЕМЁН

Амурский краеведческий альманах

Выпуск 1 *2018*

Амурская областная научная библиотека имени Н.Н. Муравьёва-Амурского

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Долгорук Наталья Григорьевна

Заместитель главного редактора:
Праскова Оксана Сергеевна

Члены редакционной коллегии:
Телюк Татьяна Николаевна,
Кобзарь Валентина Петровна,
Сахончик Станислав Митрофанович,
Никиткин Павел Маркелович,
Чеснокова Марина Константиновна,
Дымова Ирина Владимировна

Графическая модель, обложка, вёрстка:
Гнускова Марина Ивановна

Отпечатано в типографии
АОНБ им. Н.Н. Муравьёва-Амурского,
675000, Благовещенск, ул. Ленина. 139.
Подписано в печать 07.12.18
Формат 60×84/8
Бумага офсетная
Гарнитура с засечками Times New Roman
Усл. печ. л. 11.63
Дата выхода в свет 18.12.18
Тираж 50 экз.
12+

Содержание

Слово редактора
Долгорук Н.Г. ……... 3

Коллекция /Коллекционеры. Музеи. Находки. Археология/

Трухин В.И. Развитие крепостных сооружений Албазинского острога в исторической ретроспективе и некоторые аспекты реконструкции его объёмно-планировочной структуры……..... 5

Коваленко А.И. Повседневная история амурского казачества в работах краеведов……... 18

Энциклопедия /Люди. Биографии. Судьбы/

Пушкарёв В.А. Русский флаг над Амуром……. 23

Чепелев В.Р. Тайна «Зелёного креста» ……... 28

Хронограф /Даты. События. Мероприятия/

Тарасов Ю.А. Загадки Чудиновского боя…….. 37

Самохвалова В.А., Федотова О.С.
100-летию органов внутренних дел Приамурья посвящается... 49

Архив /Документы. Исследования. Редкие книги/

Кобзарь В.П., Чеснокова М.К. «В другой раз буду осторожнее…». Прижизненные издания А.П. Чехова в фонде Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьёва-Амурского…….. 62

Быкова Г.В. О спасении языка эвенков Приамурья и его топонимической системе …….. 69

Быкова Г.В. Топонимический словарь нового типа…….. 80

Художественное слово

Никиткин П.М. Старая заимка……... 86

63.3(2Рос–4Аму)
Д 44

Диалог времен : амурский краеведческий альманах / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; под ред. Н. Г. Долгорук. – Благовещенск : Изд-во АОНБ, 2018. – 30 см.
Вып. 1. – 2018. – 100 с. : ил., портр. – 50 экз.

Амурский краеведческий альманах «Диалог времен» является научно-популярным периодическим изданием. Основная цель издания – поддержание, приумножение и сохранение исторического и краеведческого потенциала Амурской области; популяризация культурного наследия региона и его развития. Первый выпуск амурского краеведческого альманаха содержит исследовательские статьи, очерки краеведов и исследователей, занимающихся изучением истории Амурской области.

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Н. Г. Долгорук,
директор Амурской областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьёва-Амурского,
заслуженный работник культуры
Амурской области

Краеведение является ведущим направлением деятельности Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьёва-Амурского.

Мы работаем в тесном сотрудничестве с учёными и преподавателями учебных заведений, краеведами-любителями и краеведческими объединениями. За последние годы в библиотеке проведено много мероприятий по продвижению краеведческих знаний, но в планах у нас кроме традиционных форм работы есть и новые творческие идеи.

Одним из новых проектов Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьёва-Амурского является издание Амурского краеведческого альманаха «Диалог времён».

Страницы альманаха позволят нам сохранить информационно-публицистические материалы, отражающие историю развития Амурской области, и в дальнейшем использовать накопленные знания в образовательной и просветительской деятельности на территории Амурской области и за её пределами. Планируется издавать альманах в печатной форме с периодичностью не менее 1 раза в год.

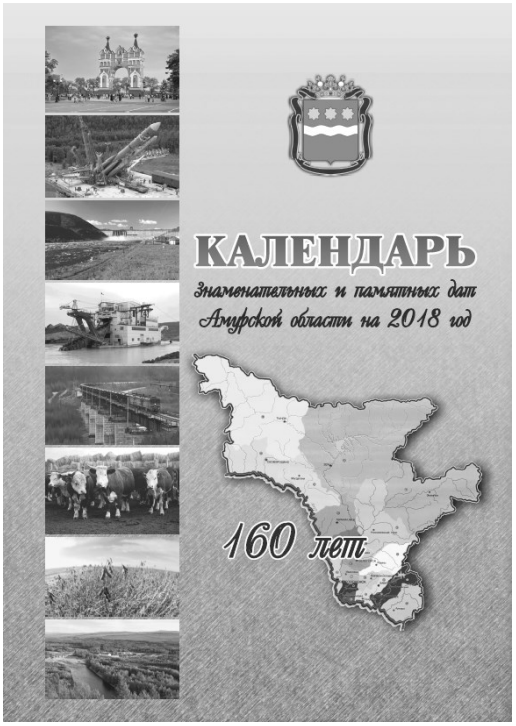
Мы приглашаем к творческому диалогу учёных-историков, краеведов и литераторов, имеющих предметом своих исследований историческое и культурное наследие Амурской области и смежных территорий, а также общественных и политических деятелей, тех, кому дорог наш регион.

Выражаю огромную благодарность членам редколлегии и авторам, чьи материалы опубликованы в первом номере Амурского краеведческого альманаха «Диалог времён».

Альманах начинает свою жизнь в год 160-летия со дня образования Амурской области и надеюсь, найдёт своего читателя, станет достойной частичкой в общей истории сохранения важных основ и ценностей прошлого и настоящего в будущем нашего региона.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

«Календарь знаменательных и памятных дат на 2018 год» посвящён 160-летию Амурской области и является подарком тем, кому интересна и небезразлична история своей малой Родины.



Календарь включает юбилейные и памятные даты, отражающие важнейшие исторические события, события общественно-культурной жизни, экономического развития области, значительный вклад видных деятелей прошлого и настоящего в становление области. К большинству дат дана справка со ссылкой на источники – книги, статьи или интернет-ресурсы.

К юбилейному изданию создана электронная коллекция «История Амурской области», в которой представлены краеведческие документы в виде книг, альбомов, календарей, отчётов, справочников, газетных публикаций, статистических сборников, изданных в период с 1859 по 1926 годы. В подобранных изданиях дана наиболее полная характеристика Амурской области тех лет.

Юбилейное издание Амурской областной научной библиотеки отмечено Дипломом Дальневосточной выставки «Печатный двор» в номинации «Лучший просветительский проект библиотеки», Дипломом конкурса «Лучшее краеведческое издание» в номинации «Библиотечное краеведение» на Сахалинской областной выставке-ярмарке издательской продукции «Книжное ожерелье Тихого Океана».

В. И. Трухин,
ведущий инженер Амурского научного центра ДВО РАН

РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЕГО ОБЪЁМНО-ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ

Ключевые слова: Албазинский острог, церковь, крепость, башня, столбчатые фундаменты, реконструкции, маньчжурский рисунок, исторические источники.

В статье прослеживается история Албазинского острога как оборонительного сооружения. На основе анализа опубликованных ранее научных работ и введения в научный оборот новых письменных источников автор детально описывает развитие фортификационных сооружений Албазинского острога в исторической ретроспективе, реконструкции плана и внешнего вида острожной Воскресенской церкви, а также рассматривает некоторые иные аспекты реконструкции объёмно-планировочной структуры крепости, построенной русскими первопроходцами.

В конце прошлого столетия в ряде научных работ, посвящённых изучению Албазинского острога, была прослежена история его развития и созданы графические реконструкции этого оборонительного сооружения. Это, прежде всего, труды А.Р. Артемьева [1], В.И. Кочедамова [5], Н.П. Крадина [6]. Вместе с тем, дополнительный анализ ранее опубликованных и введение в научный оборот новых письменных источников позволяет более детально проследить развитие этого фортификационного сооружения в течение всего периода его существования, а так же рассмотреть некоторые новые аспекты реконструкции его объёмно-планировочной структуры.

(В документах, связанных с походом Е. Хабарова, Албазин упоминается как городок тунгусского князца Албазы. Из этих же документов известно, что этот городок был казаками Е. Хабарова захвачен, а после ухода отряда вниз по Амуру сожжён и никогда не возобновлялся. В ряде исследований по истории похода Е. Хабарова высказано предположение, что после захвата Албазинского городка отрядом Хабарова, он им был укреплён и перестроен. Раскопки, проведённые на Албазинском городище, следов существования

тунгусского городка Албазин и каких-либо укреплений, построенных Хабаровым, не обнаружили. Поэтому в данной статье речь идёт о фортификационном укреплении Албазинский острог, существовавшем в период 1665–1685 годов, остатки которого обнаружены археологическими раскопками в селе Албазино. – В.Т.).

Впервые Албазинский острог, как построенный, фигурирует в «Отписке Нерчинского воеводы Иллариона Толбузина в Сибирский приказ»: «...В прошлом, великие государи, во 175 [1666] году, сентября в 28 день, писал ко мне из Албазинского острогу приказной человек Микифорко Черниговской...» [8, с. 144]. То есть, к 28 сентября 1666 года острог уже существовал. Точная дата прибытия казаков Никифора Черниговского к месту постройки острога не установлена. Вполне вероятно, что это была поздняя осень 1665 года. Первые строения острога могли быть возведены практически сразу по прибытии отряда на место. Однако, если ограда острога была выполнена в форме тына, то завершить строительство острога можно было только в тёплый период 1666 года, после оттаивания земли. В этом регионе такой период наступает в конце мая – июне месяце. Поэтому наиболее вероятное время, когда первый Албазинский острог принял свой окончательный облик – это июнь 1666 года.

В архиве Санкт-Петербургского института истории РАН в фонде 96 «Нерчинская воеводская изба» отложились «Документы о нападении китайских войск и тунгусов на Албазинский острог в 1669 году, о ликвидации последствий нападения и возведении новых укреплений» [13, с. 65]. До настоящего времени они не были опубликованы, и их ещё предстоит изучить. Но их наличие может говорить о том, что Албазинский острог в 1669 году мог подвергнуться значительному разрушению. О серьёзности предпринятой попытки уничтожения Албазинского острога говорит отписка в Сибирский приказ Якутского воеводы И. П. Барятинского [14, с. 281], составленная по расспросам пришедших в Якутский острог тунгусов. Вот, что в ней говорится о, возможно, первой осаде Албазинского острога: «... и тот де Черниговский Никифорко в острожке обсажен накрепко от богдойских людей, а на реке де на Амуре под тем острожком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди, и около де того острожку сделали вал земляной». Поэтому облик Албазинского острога, построенного к июню 1666 года, мог значительно отличаться от его описания, зафиксированного «Росписным списком Албазинскаго острога» 1674 года [12, с. 137–140].

В челобитных царю 1670 [8, с. 157–159] и 1672 [8, с. 180–182] годов Албазинские служилые люди особо подчёркивали как свою заслугу постройку Албазинского острога. Возможно, в них идёт речь о перестройке этого оборонительного сооружения после нападения маньчжуров и тунгусов в 1669 году. В них так же особо подчёркивается, что вокруг острога был выкопан ров. Это может свидетельствовать о том, что первый Албазинский острог рва не имел. В отписке 1672 года говорится ещё и об устройстве вокруг острога надолбов, видимо установленных в этом году.

Первое подробное описание Албазинского острога было сделано в 1674 году в «Росписном списке Албазинскаго острога», составленном Семёном Вешняковым при его приёмке от Никифора Черниговского. До настоящего времени текст этого списка был известен только по книге В. Паршина «Поездка в Забайкальский край». Удалось установить,

что оригинал этого документа сохранился. В настоящее время он находится в фондах отдела рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки [10, с. 54]. Документ находится в ветхом состоянии и имеет утраты. Тем не менее, сличение текста этого документа с текстом, приведённым В. Паршиным, позволяет утверждать, что это «Росписной список Албазинского острога» 1674 года, по которому осуществлялась публикация.

К сожалению, при подготовке к печати в книге «Поездка в Забайкальский край», документ переписывался очень небрежно и имеет около ста как значительных, так и не влияющих на содержание текста отличий от оригинала. Из наиболее важных потерь стала строка, касающаяся одной из башен Албазинского острога. Из текста, приведенного В. Паршиным, было известно, что к этому времени Албазинский острог состоял из трёх башен. Две башни были построены вдоль реки Амур и имели шатровые крыши, покрытые тёсом. Третья башня была одновременно и приказной избой, над которой был построен караульный чердак, также крытый тёсом. Из более поздней «Росписи Албазинского острога» 1684 года было известно, что третья башня была и проездной. Однако из текста, воспроизведённого В. Паршиным, этого не следовало. В оригинальном тексте росписи эта башня описана так: «... А третьяя башня *з горне стороны проежжия.* А на той башне приказ. Верх приказу чердак караульной покрыт [тё]сом» [10, л. 1]. Ещё одна деталь, которая всегда вызывала вопросы при прочтении «Росписного списка» из книги В. Паршина, это описание колодца. У него это было сделано так: «...а в остроге колодец на вододейке...» [12, с. 138]. В оригинале же написано: «...а в остроге колодец *не в доделке*...», то есть его строительство не завершено [10, с. 54].

Как следует из более поздней «Росписи Албазинского острога» 1684 года, этот острог был четырёхугольным, а его размеры были 18×13 саженей (38,9×28 м.) [7, с. 110]. Несмотря на большое количество государственного имущества, отмеченного «Росписным списком Албазинскаго острога» 1674 года, наличие в нём государева амбара не подтверждается. Вероятно, государев казённый амбар был построен в промежутке между 1674 и 1684 годами. В «Росписном списке Албазинскаго острога» 1674 года внутри острога отмечен только Воскресенский амбар. Название этого амбара созвучно с названием Воскресенской церкви, построенной в Албазинском остроге. Благодаря сохранившейся грамоте митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия, известно, что благословление на строительство этой церкви во имя «Воскресения Христова, да о пределех Пресвятыя Богородицы Владимирския, да собор Архистратига Михаила» было получено в 1673 году [2]. Вероятно, строительство Воскресенского амбара стало следствием получения благословления на строительство церкви, а сам амбар впоследствии станет её основанием. Практика такого строительства в XVII веке была широко распространена. Учитывая это, можно предположить, что Албазинская Воскресенская церковь находилась на территории крепости, перестроенной после нападения маньчжуров и тунгусов в 1669 году. Целесообразность такого решения очевидна. Как правило, первые острожные церкви, даже при наличии посада, возводились во внутреннем периметре крепостных сооружений.

Несмотря на то, что Воскресенский Амбар был построен к 1674 году, подготовительные работы для возведения самой церкви продолжались ещё, как минимум, два года. Кроме

этого, строительство церкви задерживалось из-за недостаточного количества в Албазинском остроге «варовых» снастей *(канатов, обработанных варом, смолой, просмоленных – В.Т.)* [17, с. 22].

По «Росписному списку Абазинскаго острога» 1674 года в остроге было более 100 метров («сорок семь сажен») «варовых» снастей, но характеристики строящейся церкви, видимо, были таковы, что этого количества такелажа было недостаточно. Поэтому весной 1676 года албазинцы настойчиво требовали от Нерчинских властей вернуть им «подчал дощаничной, что взял у нас Ларион Борисович Талбузин для ради церковнаго подъёму на время» [12, с. 158].

Быстро решить этот вопрос им не удалось. В конце 1676 – начале 1677 года албазинцы были вынуждены повторно, через только что назначенного на приказ в Албазинский острог Алексея Ларионовича Толбузина, просить Нерчинского воеводу П.Я. Шульгина о возврате «варовых» снастей. В своей отписке А. Толбузин писал: «... В н(ы)нешнем же во 185 году (1676.09.01–1677.08.31) служилые люди зачинают строить ц(а)рьское б(о)гомолье ц(е)рк(о) вь. А снастей варовых нет, подымать лесу нечем. И ты, Павел Яковлевич, прикажи прислать Г(о)с(у)д(а)ревы варовые снасти из Нерчинского острогу, было б чем то ц(а)рьское б о)гомолье состроить. А те варовые снасти в прошлых годех взяты из Албазинского острогу» [11, с. 56]. Других письменных источников, способных охарактеризовать ход строительства Воскресенской церкви, на сегодняшний день не выявлено.

Рис.1. Воскресенская церковь и колокольня. Картографический рисунок «Luosha» из рукописного атласа 17 века библиотеки Конгресса США.

Некоторое представление о внешнем облике Албазинской Воскресенской церкви можно составить по маньчжурскому рисунку «Luosha» из рукописного атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu» [9]. Два центральных строения русской крепости можно идентифицировать как церковь и колокольню, одновременно являющуюся и проездной башней (рис. 1). Главной приметой любой русской церкви являются шарообразные главы и кресты. И они, действительно, на рисунке есть, только главка над церковью превратилась в небольшой шарик над кровлей, а крест был изображен горизонтально. Если учесть, что на рисунке север расположен слева, то алтарная часть церкви не видна. Собственно, сама церковь изображена круглой (в реальности, вероятнее всего, восьмигранной).

Перед храмом виден прямоугольный в плане объём притвора, сопоставимый по ширине с шириной самой церкви. Справа и слева от него видны два прируба, ширина которых примерно в два раза меньше притвора. На переднем плане видна лестница, а также элементы ограждения – это паперть. Исходя из этого, можно констатировать, что строители выполнили предписание грамоты митрополита Сибирского и Тобольского Корнилия о строительстве церкви с двумя приделами. Такая компоновка православных храмов, имеющих восьмигранную в плане центральную часть, с расположением с запада притвора, с восточной стороны алтаря и одного или двух приделов, с севера и юга, известна в России с XIII

века. Храмы с такой пространственной композицией называли «о двадцати стенах» или «круглыми», так как они имели центрическую композицию в плане.

Чтобы определить размеры церкви, обратим внимание на то, что диаметр колокольни и церкви на рисунке примерно одинаков. В отписке сына Нерчинского воеводы Фёдора Воейкова – Андрея, бывшего на приказе в Албазинском остроге в 1681 году, указывалось, что в планах перестройки крепости проездную башню «от слободы на увале» планировалось построить размером «четырёх сажен» [12, с. 146]. Тогда, исходя из этого, диаметр церкви должен находиться в пределах 4 саженей (8–8,5 метров), размер трапезной 6×6 м., а приделов 6×3 м., что позволяет составить предполагаемый план Воскресенской церкви (рис. 2).

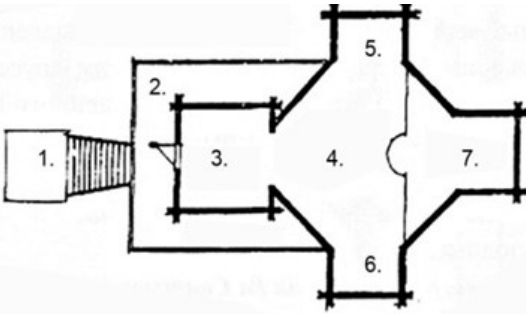


Рис.2. План Воскресенской церкви (реконструкция): 1 – лестница; 2 – паперть; 3 – притвор; 4 – церковь; 5, 6 – приделы; 7 – алтарь.

Изображение лестницы, по которой люди поднимаются в церковь, может говорить о том, что под церковью был высокий подклет. Это подтверждает гипотезу о том, что упомянутый в «Росписном списке» 1674 года Воскресенский амбар был составной частью церкви. Ещё одна деталь, имеющаяся на рисунке – соединяющий церковь и башню мост даёт возможность определить уровень пола Воскресенской церкви. Обычно церковь и колокольня соединяются на уровне пола церкви, но, в данном случае, необходимость сохранения возможности въезда в острог через башню оказывает влияние на его уровень, и он должен составлять не менее 3- 4 метров от уровня земли.

Судя по рисунку, по высоте Воскресенская церковь была немного выше проездной башни, расположенной в южной стене острога. В «Росписи Албазинского острога» 1684 года даётся подробное описание этой башни: «А круглая проезжая башня рублена в восемь стен, а стены двойные. От земли до розвалу вышина четыре сажени, а розвал рублен брусчатой, вышина два аршина, а на розвале мост, а кругом тое башни перила забраны в косяк и с окны, и покрыты перила двойным тесом и с зубцами. Да на той же башне на розвале нарублена колокольня круглая в лапу до первых зупцов вышина четыре сажени и с розвалом, а на розвале шестнадцать столбов, а перила забраны в косяки кругом, а на столбах шатёр. Розвал рублен брусчатой, вышина розвалу два аршина, а подволока – забрана в косяк. А с розвалу шатру вышина полпяты (4,5) сажени печатных, а на шатре крест и с маковицей, а в той башне четыре моста» [7, с. 109].

Это описание в целом совпадает с общей конструкцией башни, изображённой на рисунке – башня изображена круглой, с надстроенной на ней колокольней с окнами и перилами, шатровой кровлей. Несложный подсчёт позволяет определить, что высота башни, а соответственно, и высота церкви без креста и маковицы составляла не менее 12,5 саженей печатных и 2 аршинов (12,5×2,16м+2×0,72м=28,44м), а вместе с крестом и маковицей была около 30 метров. При такой высоте Воскресенская церковь в Албазинском остроге была главной вертикальной доминантой.

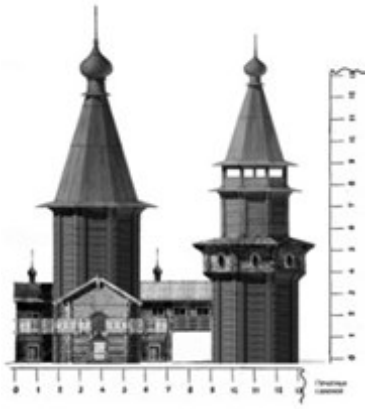


Рис.3. Западный фасад Воскресенской церкви (реконструкция).

Данные обмеров рубленых храмов конца XVI и XVII столетий свидетельствуют, что строительство восьмериковых церквей с шатровым покрытием высотой более 30 метров было обычной практикой и Албазинская Воскресенская церковь может быть к ним отнесена (рис. 3).

Точное время окончания строительства Воскресенской церкви не известно. Но, поскольку, в наиболее значительной перестройке Албазинского острога, запланированной осенью 1681 года, приказным человеком Албазинского острога А. Воейковым, она не упоминается, вероятно, к этому времени её строительство было полностью завершено.

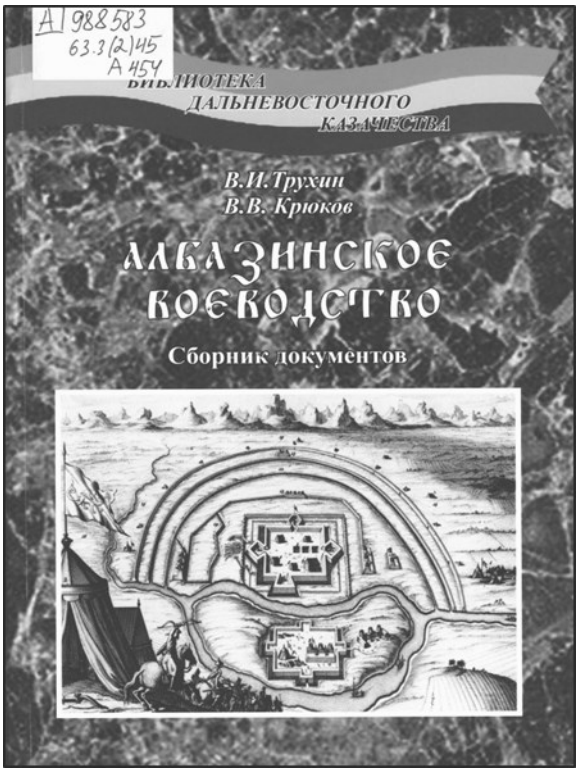
По совету его отца, Нерчинского воеводы Ф.Д. Воейкова, Андреем Фёдоровичем Воейковым были разработаны предложения по перестройке и расширению Албазинской крепости. В ноябре 1681 года описание всех укреплений, которые предстояло построить, с указанием их размеров он послал в Нерчинск. По существу, планировалось построить новый острог. Вместе с тем, существующий острог так же был сохранен. Суть предложений А. Воейкова выглядела так: «...как промышленные и всяких чинов люди с промыслов выйдут, и я тотчас велю башни рубить, и как земля растает, велю ров копать и честнок бить и надолбы делать; а мерою тот Албазинской острог кругом в длину и ширину сто шестьдесят пол-шесты сажени печатных с башнями, а башни проезжая от слободы на увале будет четырёх сажен, другая проезжая башня будет сполевую сторону полчетверты сажени, три угловых башней будут по три сажени, а в верхнюю сторону Амура на яру в углу поставлен воеводской двор...» [12, с. 145–147].

Весной 1682 года казаки, крестьяне и промышленные люди приступили к его возведению. Вот как описывали свою работу промышленные люди, привлечённые к возведению острога: «... И мы, сироты ваши, стали при Ондрие Фёдоровиче Воейкове с албазинскими казаками и с пашенными крестьянами [острог] достраивать, верх нарубать. И огородка, и полати, и верхной бой готовы ...» [15, л. 143)].

Однако полностью перестройка Албазинского острога была завершена уже другими приказными людьми – Иваном Войлошниковым и Василием Тульчиным [16, л. 11–18, 49–52]. Причем И. Войлошников для решения вопросов по перестройке острога действовал весьма жёстко. В ноябре 1683 года он задержал в Албазинском остроге и задействовал на работах по перестройке крепости более 80 промышленных людей: «...и с того числа албазинский приказной Иван Семёнов нас, сирот ваших, в Албазинском отроге задержал, велел нам, сиротам вашим, албазинской новой острог [ставить]... И острог, и... башни нарубать, и ров копати, честнок бити**,** засыпати из острогу засыпь и крепить для осадного времени неприятельских богдойских людей. И мы, сироты ваши, в Албазинском остроге с албазинскими казаками с пашенными крестьяны вам, Великим Государям, [рабо]тали острог и башни нарубали кругом, и ров копали, и всю острожную поденну робили до готова на своих проторях своими статченки» [15, л. 143–144].

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Авторы-составители сборника:
В.И. Трухин, сотрудник Амурского научного центра ДВО РАН,
потомок забайкальских казаков,
В.В. Крюков, член-корреспондент РАЕН, почётный атаман
Амурского казачьего войска (г. Хабаровск).



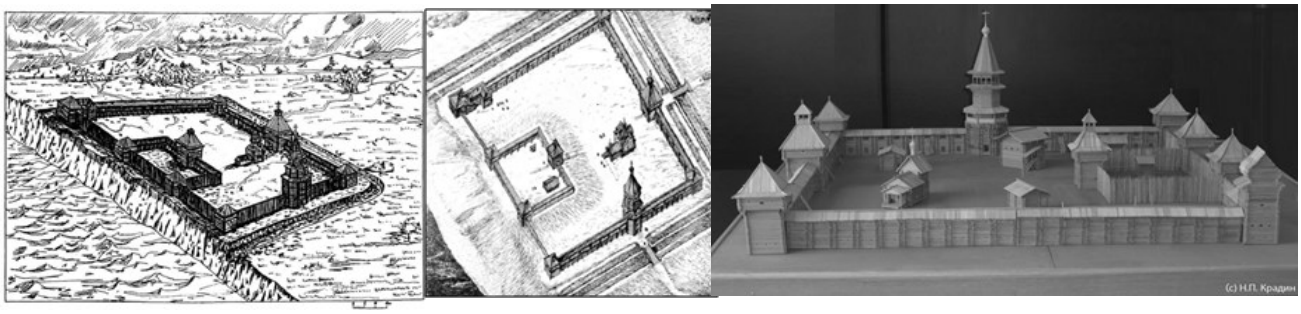
Сборник включает в себя тексты исторических документов, относящихся к истории Албазинского острога. Всего в сборник включено сто двадцать шесть документов. Некоторые из них, в свою очередь, включают в себя ещё ряд документов, объединенных общим названием и тематикой, а так же разные редакции одного и того же документа, сохранившиеся в различных архивах и фондах. Хронологически коллекция охватывает период с 1651 по 1755 г. Основной массив грамот относится к 70–90-м годам XVII века.

Книга издана в Хабаровске книжным издательством «Юпитер»
в серии «Библиотека дальневосточного казачества» – крупнейшего
энциклопедического издательского проекта, включающего более 20 изданий,
автором которого является Владимир Викторович Крюков.

О неправомерных, по мнению промышленных людей, действиях приказчика они подали Нерчинскому воеводе Ф.Д. Воейкову челобитную. Однако, благодаря таким, можно сказать, чрезвычайным мерам, в 1683 году работы по переустройству острога были, в основном, завершены, о чём незамедлительно был проинформирован Нерчинский воевода: «...за помощею праведнаг(о) б(о)га Албазинской новой острог и з башнями, и острожными крепи построен весь до готова. Верх острога нарублен нагороднею и покрыт двойным тёсом в зубцы. И полати под верхним боем намощены и з земли лесницы зделаны. А с нутряную сторону подле острожное стены плетен(ь) таловой в колье заплетён и землёю, и хрящем подле стены осыпан. С подошвы в вышину отсыпь в печатную сажень, поперёг полсажени. А с вольную сторону круг острогу выкопан ров. Глубина рву полчетверта аршина. В ширину ров три сажени печатных. За рвом бит честнок...» [16, л. 49].

Однако, несмотря на то, что в целом Албазинский острог был завершён, работа по совершенствованию его оборонительных сооружений продолжалась. Сразу после приёмки Албазинского острога А. Л. Толбузиным в июне 1684 года кроме рва вокруг Албазинского острога был устроен земляной вал, а глубина рва была увеличена практически в два раза: «А около де Албазинского острогу служилые люди учинили вал земленой и кругом валу выкопали ров две сажени косых» [3].

Вероятнее всего, при углублении рва на его внешнем периметре был сформирован небольшой вал – первая линия обороны, увеличивающая её глубину. Очевидно, это было одно из первых мероприятий по укреплению острога, осуществленных А.Л. Толбузиным уже в ранге Албазинского воеводы. Поэтому эта интересная деталь, к сожалению, не нашла отражения в «Росписи Албазинского острога», составленной при приёмке Албазинского острога А.Л. Толбузиным, но вал отчетливо виден на Маньчжурском рисунке «Luosha» из рукописного атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu». Это может говорить о том, что в случае нападения противника казаки не планировали просто закрыться в крепости, а, наоборот, рассчитывали вести активную оборону. В случае необходимости, обороняющиеся, укрывшись за этим валом, могли вести ружейный огонь по противнику. Этот внешний рубеж обороны раскрывал в полной мере могущество ружейного огня при отражении штурма, и, в какой-то степени, снижал скученность обороняющихся в самой крепости. Интересно, что этот приём был повторен при строительстве Албазинской деревоземляной крепости в 1686 году.



1 2 3

Рис. 4. Реконструкция Албазинского острога по «Росписи Албазинского острога» 1684 года: 1 – реконструкция А.Р. Артемьева; 2 – реконструкция В.И. Кочедамова; 3 – реконструкция Н.П. Крадина.

Подробное описание крепости в «Росписи Албазинского острога» 1684 года, сделанное при приёмке острога Албазинским воеводой А.Л. Толбузиным [7, с. 109–110], свидетельствует о том, что план реконструкции острога, предложенный А. Воейковым, был полностью реализован. Подробное описание устройства крепостных башен позволило создать не только графические реконструкции, о которых шла речь выше, но создать несколько макетов разной детализации (рис. 4).

Предложенные А.Р. Артемьевым, В.И. Кочедамовым, Н.П. Крадиным реконструкции Албазинского острога опираются на описание крепости из «Росписного списка Албазинскаго острога» 1674 года и «Росписи Албазинского острога» 1684 года, и поэтому предлагают единообразное решение объёмно-планировочной структуры этого фортификационного сооружения.

Однако, такая реконструкция не бесспорна. Все ранее сделанные реконструкции Албазинского острога не отражают реальный рельеф местности и носят скорее схематический характер. Плато Албазинского городища было сформировано рекой Амур и безымянной речкой, впадающей в него. В настоящее время речка пересохла, но крутой берег её устья вдоль южной границы Албазинского городища сохранился. Сегодня оно представляет собой неправильный четырехугольник, ранее, вероятно, бывший по форме близким к ромбу. Поэтому и Албазинский острог в плане не был прямоугольным, о чём, прежде всего, свидетельствует маньчжурский рисунок, на котором отчётливо прослеживается вытянутая к юго-востоку форма контура стен острога. Топографическая съёмка Албазинского городища так же это подтверждает (рис. 5). Кроме того, как сегодня, так и триста лет назад, береговая линия Амура не была прямолинейной. Она несёт на себе следы водной эрозии. Поэтому прибрежная стена острога, возможно, так же не была прямолинейной, а повторяла береговой контур, сложившийся к тому времени.

На маньчжурском рисунке «Luosha» из рукописного атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu», изображающем оборону Албазинского острога 1685 года, круглая проездная башня соединяется с Воскресенской церковью мостом (рис. 1).

Рис. 5. Топографическая съёмка Албазинского городища. Жёлтым цветом выделены сохранившиеся валы Албазинской крепости.

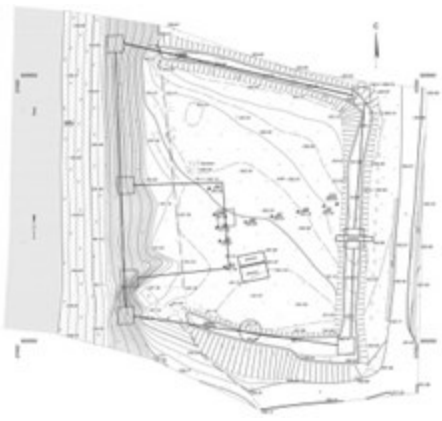


Рис. 6. Предполагаемое размещение контура Албазинского острога в соответствии с сохранившимися валами Албазинской крепости.

А в «Росписи Албазинского острога» 1684 года указывается, что эта проездная башня находилась в южной стене острога. Во всех предложенных реконструкциях Албазинского острога, сделанных по этой росписи (рис. 4), в случае размещения церкви рядом с проездной круглой башней, она ни при каких условиях не может попасть в пятно малой крепости.

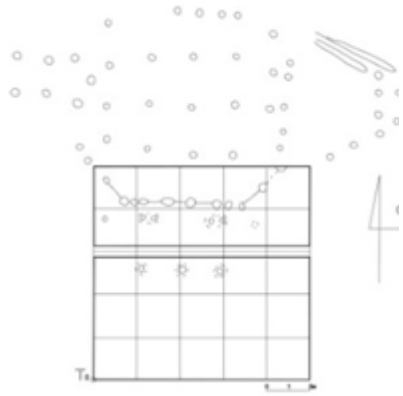


Рис. 7. Албазинский острог. План углублений на территории острога. Реконструируемый план сооружения.

Устранить выявленное противоречие могло бы несколько иное размещение башен и пятна острога. Если же расположить башни, построенные Никифором Черниговским, вдоль реки Амур не длинной, а короткой стороной, и сдвинуть их к югу, то тогда вплотную к предполагаемому контуру острога попадают деревянные столбчатые фундаменты, обнаруженные Албазинской археологической экспедицией в 2012 году (рис. 6). Форму сооружения, основанием для которого послужил обнаруженный фундамент, удалось зафиксировать по рядам небольших углублений, которые располагались как в раскопе, так и рядом с ним (рис. 7). Общая конфигурация строения представляет собой в плане восьмиугольник с небольшими подпрямоугольными пристройками к югу и к западу, а также полукруглой пристройкой к востоку [4]. Такой фундамент мог принадлежать церкви, однако доказать его принадлежность к храму XVII века на данном этапе не удалось. Тем не менее, такое совпадение может дополнительно свидетельствовать в пользу сделанного предположения.

Если тенденции в изменении контура береговой линии 1684 года соответствуют её сегодняшнему состоянию, то обнаруженные фундаменты могут полностью попасть в контур острога (рис. 8). Но даже и в этом случае проездная круглая башня, находящаяся в створе южной стены, вряд ли могла быть соединена с церковью переходом. Это противоречие может разрешить маньчжурский рисунок. На нём видно, что на линии стены изображена конструкция, напоминающая ворота, в то время как сама башня расположена во внутреннем пространстве острога (рис. 1).

Причиной такого размещения башни могло быть то, что строилась она, прежде всего, как церковная колокольня и была максимально приближена к церкви. Кроме того, из-за большой высоты башни казаки могли просто побояться поместить её очень близко к обрывистому берегу речушки, протекающей вдоль южной стены острога. Если это предположение верно, то круглая проездная башня могла замкнуть юго-восточный угол малой крепости постройки Никифора Черниговского. Это усилило существующую крепость на период строительства новой, что выглядит вполне логичным. Южная же стена острога была сформирована позднее в 1683 году и пристраивалась к уже построенной к тому времени башне (рис. 8).

Рис. 8. Предполагаемое размещение строений Албазинского острога:1 – Башни Албазинского острога, построенные в 1681–1683 гг.; 2 – Башни Албазинского острога, построенные в 1665–1674 гг.; 3 – Круглая проездная башня с колокольней 1681–1682 гг.; 4 – Албазинская Воскресенская церковь, построенная в 1674–1677 гг.; 5 – мост, соединяющий церковь и колокольню; 6 – воротная конструкция в Южной стене острога, примыкающая к круглой проездной башне.

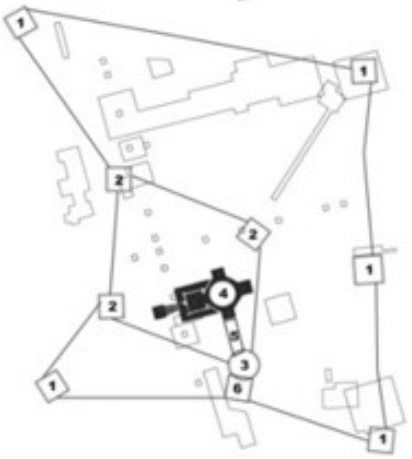


Рис. 9. Схема размещения контуров археологических раскопов на Албазинском городище и предполагаемого размещения строений Албазинского острога.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что проведённые в предыдущие годы раскопки на Албазинском городище позволили зафиксировать местоположение лишь одной северо-восточной башни острога, а также фундаменты, предположительно, Воскресенской церкви. Предложенный вариант объёмно-планировочной композиции Албазинского острога удовлетворяет всем известным на сегодняшний день сведениям об Албазинском остроге и показывает, что его башни могли располагаться на ещё не изученных археологами участках городища (рис. 9). А это значит, что реконструкция его внешнего вида может претерпеть значительные изменения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев, А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев ; отв. ред. Н. В. Кочешков ; РАН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. – Владивосток : [б. и.], 1999. – 335 с.

2. Берх, В. Н. Подвиги боярского сына Ерофея Хабарова и водворение россиян на берегах Амура : отрывок из истории геогр. открытий россиян / В. Н. Берх // Сын Отечества. – 1821. – № 9/12. – С. 203.

3. Дополнения к актам историческим. Т. 11, № 55. – Санкт-Петербург, 1869. – С. 173–174.

4. Исследования Албазинской археологической экспедиции в 2011–2012 годах / А. Н. Черкасов, А. О. Беляков, С. Б. Вальчак, В. Н. Чхаидзе // Традиционная культура Востока Азии : сб. ст. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. – Вып. 7. – С. 226.

5. Кочедамов, В. И. Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. – Москва : Стройиздат, 1978. – 190 с.

6. Крадин, Н. П. Албазин – русская крепость на Амуре : (из истории оборон. зодчества XVII в.) / Н. П. Крадин // Чтения им. Г. И. Невельского : сб. Приамурского (Хабаровского) фил. Геогр. о-ва СССР, 24–25 сент. 1987 г. – Хабаровск, 1987. – Ч. 1. – С. 56–62.

7. Крадин, Н. П. Роспись Албазинского острога 1684 г. / Н. П. Крадин // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 109–110.

8. Красноштанов, Г. Б. Никифор Романов Черниговский : док. повествование / Г. Б. Красноштанов. – Иркутск : Репроцентр А1, 2008.

9. LibraryofCongress // Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu [Электронный ресурс]. – URL: http://www.loc.gov/item/gm71005078/ (дата обращения 15.02.2018).

10. Опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. 5 : Годы 1514 г. – XVIII в. / Рос. нац. б-ка. – Шифр № 4595. – Л. 1.

11. Опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. 5 : Годы 1514 г. – XVIII в. / Рос. нац. б-ка. – Шифр № 4618. – С. 56.

12. Паршин, В. П. Поездка в Забайкальский край : в 2 ч. Ч. 2 : История города Албазина / В. П. Паршин. – Санкт-Петербург, 1844. – 212 с.

13. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. – Ленинград : Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1958. – С. 65.

14. Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и док. Т. 1 : 1608 –1683. – Москва : Наука, 1969. – С. 281.

15. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 23.

16. РГАДА. Ф. 1142. Д. 26.

17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 (В–Волога). – Москва 1975. – С. 22.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
«АМУРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ»
(открыта в апреле 2016 года)

Участники проекта:

ГБУК «Амурская областная научная библиотека имени Н.Н. Муравьёва-Амурского», «Амурское окружное казачье общество» Уссурийского казачьего войска (г. Благовещенск), «Союз амурских казаков» Амурского казачьего войска (г. Хабаровск).

***Коллекция включает*:**

- печатные и электронные документы ГБУК «АОНБ им. Н.Н. Муравьёва-Амурского»,
- документы ГБУ «Государственный архив Амурской области»,
- фотоколлекцию из жизни современного казачества,
- образцы форменной одежды,
- награды и знаки отличия,
- предметы быта казаков,
- образцы оружия.

Приглашаем на экскурсии:

- Албазинские истории,
- Редкие и ценные издания об Амурской области и г. Благовещенске,
- Исследователи Приамурья и др.

Справки по телефону:
8-4162-77-38-35
эл. почта: kraeved@libamur.ru

А.И. Коваленко,
заведующий кафедрой гуманитарных наук
Амурской государственной медицинской академии,
доктор исторических наук

ПОВСЕДНЕВНАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РАБОТАХ КРАЕВЕДОВ

Ключевые слова: краеведение, исследования краеведов, повседневность, станичный быт, персонализация станичной жизни.

В статье на основе воспоминаний представителей казачьих семей, их краеведческих исследований рассматривается организация повседневной жизни казаков Албазинского, Черняевского и Поярковского станичных округов. Представлены типичные характеристики жилья, пищи, одежды, праздничной культуры, а также специфика семейного образа жизни в зависимости от приоритетов хозяйственной деятельности, природных условий места проживания.

На постсоветском пространстве история казачества стала одной из самых разрабатываемых учеными проблем. Среди её авторов известные на Дальнем Востоке исследователи О.И. Сергеев, С.Н. Савченко, Г.Г. Ермак, Ю.В. Аргудяева, В.А. Пушкарёв и др. История персоналий стала известна широкому кругу исследователей и читателей благодаря поисковой работе В.Н. Абеленцева и А.А. Гаршина. Значительный вклад в изучение повседневной жизни амурского казачества, поселений казаков, занятий и организации досуга, системы взаимоотношений в семье, личности отдельных казаков внесли краеведы.

В числе первых по праву следует назвать Агриппину Николаевну Дорохину из станицы Албазино. В 2001 году с последующим переизданием вышла её книга «Станица Албазин. Записки о былом» [3]. Станица Албазинская была заселена в течение 1858–1859 годов. Она стала административным центром, в который вошли посёлки: Покровский, Амазарский, Игнашинский, Сгибневский, Свербеевский, Орловский, Рейновский. С 1872 года с введением общественного самоуправления в Амурском казачьем войске Албазинская стала центром станичного округа. За полвека станица разрасталась, став одним из крупных казачьих поселений на Амуре. Улицы застраивались вдоль реки, назывались порядковыми числами, а переулки носили имена казаков, проживающих на них: Кашкаровский, Федотовский, Антипьевский, Самсоновский и др.

Достойное место в работе А.Н. Дорохиной занимает описание трудовой деятельности казаков. Полевые работы, скотоводство и коневодство, промыслы и ремёсла были очень трудоёмкими, требовали значительных трудовых ресурсов. Поэтому успехов добивались большие патриархальные семьи. Привлекался и наёмный труд. Постепенно в станице сложились крепкие зажиточные хозяйства: Кашкаровых, Портнягиных, Самсоновых, Тонких, Суриковых, Антипьевых, Танаевых, Птициных. Дети беднейшего казачества батрачили в хозяйствах богатых станичников.

Много усилий вкладывали казаки в посевы и сбор урожая. Агриппина Николаевна пишет: «Сколько нужно положить труда, чтобы поесть вкусного хлеба нового урожая…. Вызревший хлеб жали серпами, вязали в снопы, ставили на просушку в суслоны, а затем свозили в одно место, складывали в скирды, зимой молотили…. Разложив рядами снопы, с размаха бьют цепами по колосьям, зерно высыпается, солому вытряхивают, мякину с зерном собирают в кучу и веют лопатами. Сухая мякина отлетает в сторону, а зерно остаётся на месте. Повторяют эту операцию несколько раз и, если ещё остаётся мякина в зерне, толкут в деревянной ступе. После этого хозяйка подсевает зерно на решете…».

Большое место в рационе питания занимали огородные культуры и дикоросы. Выращивали и солили на зиму огурцы, помидоры, капусту. Заготавливали картофель, редьку, морковь, репу, лук, чеснок, хмель и др.

Но самым необходимым для выживания, и, пожалуй, самым доходным для казаков с верховья Амура, в том числе и Албазина, было коневодство. А.Н. Дорохина вспоминает организацию таких видов деятельности как извоз и гоньбу. Содержание лошадей, уход за ними породили новые потребности: изготавливать сбрую, телеги, сани, верёвки из конопли, арканы из конского волоса. В станицах появились свои смолокурни и кузницы. Агриппина Николаевна, а также старший сотрудник Албазинского филиала областного музея В.Н. Андреева [1] пишут о большом авторитете в казачьей среде кузнецов Симонова, И.П. Портнягина, И.И. Протопопова.

Большое внимание в книге уделено организации станичного и семейного быта. Индивидуальный труд в хозяйствах дополнялся коллективным. При выполнении особенно тяжёлых работ на лесозаготовках, строительстве, заготовке сена организовывали так называемые помочи, когда станичники поочерёдно помогали друг другу в выполнении трудоёмких работ. Поработав, албазинцы умели хорошо и весело отдохнуть. Массовые гуляния организовывали на Новый год, Рождество, Святки, Масленицу, Троицу, Пасху. Прочтение книги А.Н. Дорохиной позволяет погрузиться в повседневный быт станицы Албазинской.

С благодарностью вспоминает А.Н. Дорохина своих знаменитых земляков: станичного атамана К.А. Богданова, войскового старшину Г.Д. Скобельцина. Особой славы заслужил Д.Н. Пешков, совершивший конное путешествие в Петербург. Память о своём родственнике с теплотой сохранили племянницы Д.Н. Пешкова и сын одной из них Н.Г. Суриков, передав в Албазинский музей воспоминания о дяде.

Историю повседневной жизни казачьей семьи рода Сенотрусовых продолжает ученица Агриппины Николаевны Пугачёва Валентина Павловна, в девичестве Сенотрусова, ныне проживающая в Новочеркасске [5].

«Пятистенный родительский дом состоял из двух жилых половин и почти таких же по размеру больших сеней. Строили добротно и красиво, для себя, с резьбой и наличниками. Во дворе конюшня, баня, другие хозяйственные постройки. Баню топили по необходимости…. Была традиция договариваться с близкими родственниками, кто какую неделю у себя баню проводит». В большой семье все обязанности между её членами были поделены: женщины вели хозяйство, мужчины – тяжёлую работу и службу. Дети помогали родителям. Мужчину поздравляли с рождением сына-казака, а если рождалась девочка, дух поднимали присказкой: «Вот и хорошо. Сначала – нянька, потом – лялька». В работе описывается ритуал рождения ребёнка в семье, много суеверий и оберегов, чтобы ребёнок рос здоровым.

Тема казачества, его истоков и проблем возрождения всегда привлекала внимание Георгия Николаевича Шохирева. Он собрал для музея поистине уникальный материал о своих предках, казаках Черняевского станичного округа [2]. Шохиревы были в числе первых десяти семей, переселившихся в 1858 году из Забайкалья на Амур. Георгий Николаевич гордился своим казачьим родом, положил начало современному изучению истории Черняевского станичного округа, но не успел довести начатое дело до конца. После смерти атамана в бывшей станице Черняево был открыт музей, первыми экспонатами которого стали записки Г.Н. Шохирева.

Кроме станицы в округ входили 10 населённых пунктов: посёлки Толбузинский, Ольгинский, Кузнецовский, почтовые станции Ваганова, Торой, Цагаян, заимки Дроздова, Весёлая, Нижне-Ермаковская, выселок Ермаковский. Тяжёлым трудом осваивался далёкий край: корчевали тайгу, вводили в оборот ранее неосвоенные земли, строили жильё, несли пограничную службу. Станичный быт у черняевцев имел много общего со всеми первопоселенцами, пришедшими на Амур волею Н.Н. Муравьёва-Амурского.

Однако географическое положение обусловило появление несельскохозяйственных источников дохода от поставки дров на пароходы, перевозки грузов на золотые прииски. В станице была открыта таможня, осуществлялся контроль торговых связей с Китаем.

Некоторые казаки занимались предпринимательской деятельностью. Например, казак Семён Баженов имел торговую баню с четырьмя номерами, в которой торговал квасом. Казак Антон Савин занимался торговлей, имел в станице бакалейную лавку, большой магазин. Совместно с китайцами владел четырьмя домами, которые сдавал в аренду.

В 1860 году в станице Черняевой был построен полевой лазарет, а в 1915 открылся фельдшерский пункт. Первым фельдшером был назначен Поликарп Семёнович Баженов.

Бытописанию казаков Поярковского станичного округа посвящены труды Н.П. Лягиной [4]. Округ был основан в 1858 году казаками поярковской сотни, переселенной с Аргуни, под командованием командира первого конного полка Михаила Чеснока. В состав округа входили станица Поярковская, посёлки Сычевский и Константиновский, хутора Чесноковский, Димский, Коврижка, Ключевский, Новопетровский, Золотоножский и Кавказ. Автор пишет, что Поярково было одним из самых зажиточных селений в Приамурье.

Уже в конце 1870-х годов старожильческое население строило себе добротные деревянные дома, украшенные резными карнизами и ставнями. Внутри дома комнаты отделя-

лись крашеными перегородками, стены белились. В переднем углу размещался иконостас. К богатым относились семьи Номоконова Кирика Петровича и его сыновей Фомы, Льва, Григория; братьев Кореневых – Филиппа, Тимофея, Семена, Василия, Николая, во владении которых находились конный завод, водяные и паровые мельницы, магазины; Муромова с сыновьями, собственниками магазинов; братьев Шемелевых – Семёна и Григория и др. Крепкими хозяевами считались Гуровы, Поповы, Симоновы. Беднейшие казаки (Шандины, Кайдаловы и др.) поднимали собственное хозяйство и, вместе с тем, батрачили в домах богатых поярковцев. В станице Поярковской была создана необходимая для жизни казаков инфраструктура: хлебозапасный магазин, церковь, соляная стойка, оружейный склад, водяная мельница, школа с двумя учителями. С 1909 года в станице работали метеорологическая станция и почтово-телеграфная контора. В разные годы учителями служили Николай Николаевич Минин, Алексей Яковлевич Гуров, Иван Елизарович Харин, Василий Гаврилович Перебоев, Михаил Николаевич Астафьев, Михаил Иванович Бородин, Александр Михайлович Воротников, Василий Алексеевич Кайдалов.

Проанализировав труды местных краеведов, следует сделать вывод, что авторы, проживающие в исторически сложившихся казачьих селениях, проявили неподдельный интерес к жизни своих земляков и внесли неоценимый вклад в изучение истории повседневности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, В. И. Кузнечное производство в Албазине / В. И. Андреева // Амурский краевед. –1996. – № 1 (13). – С. 54–64.

2. Ворон, Л. В. Страницы истории станицы Черняевой / Л. В. Ворон // Амурский краевед – 2001. – № 1 (18). – С. 11–14.

3. Дорохина, А. Н. Станица Албазин : записки о былом / А. Н. Дорохина. – Благовещенск, 2001. – 65 с.

4. Лягина, Н. П. Страницы истории Поярковского станичного округа / Н. П. Лягина // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. – Благовещенск, 1996. – Вып. 8. – С. 37–45.

5. Пугачева, В. П. История повседневной жизни казачьей семьи рода Сенотрусовых / В. П. Пугачёва // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. : сб. науч. ст. – Хабаровск, 2011. – Вып. 3. – С. 78–85.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Татьяна Иннокентьевна Гладких – потомок амурских казаков Кореневых. «Большим был род Кореневых. И многое хранит его история. Было всё: первые муравьёвские сплавы…; были трудные годы освоения новой российской земли; потом пришли достаток и благополучие, потом войны и революции, эмиграция, ссылки, репрессии…».

Эта книга – летопись жизни трёх поколений амурских казаков Кореневых на протяжении более сотни лет – от создания Амурского казачьего войска во второй половине XIX века до уничтожения и рассеяния казаков по чужим странам в XX веке. В судьбе этого большого казачьего рода отразилась вся история амурского казачества со всеми славными и трагическими, горькими страницами.

Написана книга на основе семейных воспоминаний, архивных и литературных источников. В книге использованы фотографии из семейного архива потомков Кореневых.

Книга издана в Хабаровске в 2017 году при финансовой поддержке потомков амурских казаков Кореневых Бориса Иннокентьевича Гладких и Юрия Владимировича Комаровского.

В.А. Пушкарёв,
директор Духовно-просветительского центра
Благовещенской епархии Русской православной церкви,
кандидат исторических наук

РУСКИЙ ФЛАГ НАД АМУРОМ

Ключевые слова: Приамурье, государственный флаг, имперский флаг, торговый флаг, Андреевский флаг.

В статье рассматривается история формирования цветовой символики Российского государства, а также обстоятельства её утверждения в Приамурье. Автор акцентирует внимание на малоизвестных фактах региональной истории середины XIX – конца XX вв.

Петровское разноцветье. Цветовая символика появляется у российского государства в конце XVII века вместе с амбициями великой морской державы, поскольку для обозначения государственной принадлежности кораблей нужны были специальные знаки. Создатель российского флота Петр I разработал для своего детища сразу несколько флагов.

Прежде всего – это так называемый флаг царя Московского, которым юный царь пользовался в 1690-е годы. Это было полотно, состоявшее из трёх горизонтальных полос белого, синего и красного цветов с вышитым в центре золотым двуглавым орлом. Золотой орёл вскоре исчез с этого триколора. Морским уставом 1720 г. за ним был закреплён статус флага гражданских и торговых судов. Этим же уставом утверждался особый флаг для военных кораблей – белое полотно с голубым крестом апостола Андрея (Андреевский флаг).

Авторству Петра I принадлежит также царский штандарт – изображение чёрного двуглавого орла на золотом (жёлтом) поле. Этот флаг был торжественным знаком императорского присутствия. От него берёт своё начало чёрно-жёлтая имперская символика, дополненная вскоре белым цветом.

При этом ни один из названных флагов на протяжении долгого времени не имел официального статуса национального символа Российского государства. Вплоть до середины XIX века в ходе торжественных мероприятий в России использовались два триколора – бело-сине-красный и чёрно-жёлто-белый.

Именно в это время в состав Российской Империи вошло Приамурье. В этой связи весьма интересным представляется вопрос, какой же флаг впервые был поднят над Амуром?

Амурский вопрос. Но прежде следует напомнить, что этому грандиозному событию предшествовала эпопея бюрократических сомнений с одной стороны и патриотических дерзновений – с другой. Российское правительство долго пыталось решить так называемый амурский вопрос, т. е. разграничить свою территорию с Китаем. А для этого нужно было удостовериться в судоходности реки Амур.

Поставить точку в этом вопросе должна была экспедиция поручика Гаврилова 1846 г. В утверждённой Николаем I инструкции говорилось: «Главная цель ваша заключается в тщательном исследовании устья реки Амура, о котором существует мнение, что вход в него из-за наносных песков не только затруднителен, но и невозможен даже для самых мелкосидящих шлюпок, то есть, что река как бы теряется в песках». Исследования необходимо было проводить с максимальной осторожностью. Так, одним из пунктов названной инструкции предписывалось «флаг иметь какой-либо разноцветный, чтобы китайцы не могли подозревать, что судно русское, и чтобы через это не подать повода к каким-либо с их стороны на нас неудовольствиям, ибо правительство желает сохранить с ними тесную дружбу» [5, с. 65].

Что это был за разноцветный флаг, которым пользовался поручик Гаврилов и был ли он вообще – не известно. Да, в общем, это и не важно, поскольку данная экспедиция была организована настолько плохо, что ей не удалось провести полноценные исследования, о чём Гаврилов честно доложил в своем рапорте. Однако высшие чиновники представили императору Николаю I информацию таким образом, что он наложил на отчёте резолюцию: «весьма сожалею, вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить» [5, с. 71]. Российское государство фактически было готово оставить весь Амурский бассейн Китаю, а границу провести по южному склону Станового и Хинганского хребтов.

Но в этот момент на исторической сцене появился молодой морской офицер Г.И. Невельской. Взволнованный амурским вопросом с курсантской скамьи, он искал любой возможности принять участие в его разрешении. Заручившись поддержкой генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва и морского министра князя А.С. Меншикова в 1849 г. он предпринял собственную экспедицию в устье Амура.

Экспедиция эта проводилась в режиме ещё большей секретности, причём не только от китайцев, но и от высокопоставленных российских чиновников. В результате тщательных исследований Невельской развеял миф о мелководье Амура и доказал, что Сахалин – остров. Блестящее открытие вызвало в Петербурге неоднозначную оценку. Министр иностранных дел К.В. Нессельроде и военный министр А.И. Чернышев были возмущены самочинными действиями никому не известного капитана. Однако за Невельского заступился сам император, повелев продолжить исследования амурского бассейна, которые по-прежнему должны были проводиться с максимальной геополитической осторожностью.

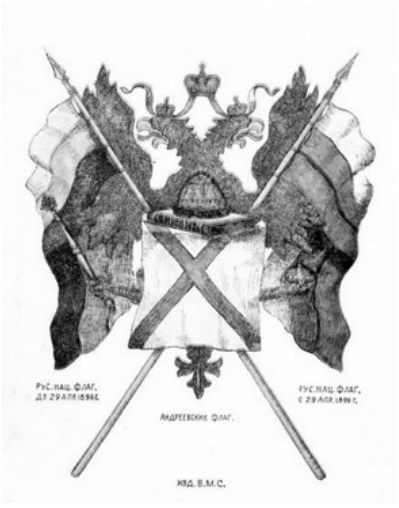
Но неутомимый капитан вновь проявил своеволие. В 1850 году он тщательно обследовал побережье верхнего Амура. От местного населения – гиляков, он узнал, что они не подчиняются китайским властям, но испытывают обиды от иностранных пришельцев, которые заходят в устье Амура на больших судах. Тогда Невельской принял историческое решение: «1 августа 1850 года я достиг мыса Куегда и здесь, в присутствии собравшихся из окрест-

ных деревень гиляков и при салюте из фальконета и ружей, поднял *русский военный флаг*» [5, с. 125]. При флаге был основан Николаевский военный пост (ныне – г. Николаевск-на-Амуре). Гилякам и приехавшим к ним маньчжурским торговцам Невельской объявил, что отныне Россия считает весь этот край с островом Сахалином «своей принадлежностью».

Нессельроде был в ярости и подал на подпись императору указ о разжаловании Невельского в матросы. Однако Николай I посчитал поступок Геннадия Ивановича «молодецким, благородным и патриотичным» и произнес хрестоматийную фразу: «где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен» [5, с. 129]. Но, что же это был за флаг? С однозначной уверенностью можно утверждать – Андреевский.

Достояние Российской Державы. «Молодецкий поступок» Невельского фактически заставил царское правительство возобновить работу по разграничению территории с Китаем. В этом деле ключевую роль сыграл главный покровитель и защитник Невельского – генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв. Он развернул активную деятельность по заселению левого берега русскими переселенцами, а 16 мая 1858 года в китайском городе Айгун подписал договор об установлении российско-китайской границы по фарватеру Амура.

17 мая Н.Н. Муравьёв вернулся из Айгуна в Усть-Зейскую станицу (ныне – г. Благовещенск), где его встречало всё местное население во главе с архиепископом Иннокентием (Вениаминовым). В честь подписания Айгунского договора был отслужен благодарственный молебен. А на следующий день благовещенцы прошли крестным ходом к походной Свято-Никольской церкви. Здесь, по сообщениям очевидца, «Муравьёв и владыка Иннокентий, преклонив колени, воздали благодарение Богу за возвращение в достояние Российской Державы Приамурского края. В знак этого события в двух саженях от церкви, на южной стороне, было воздвигнуто *государственное знамя*, показывающее, что эта страна отныне навсегда принадлежит русскому царю и русской православной Державе» [2, с. 33].



Почтовая карточка 1896 года.

С большой долей вероятности можно считать, что «государственным знаменем» назван чёрно-жёлто-белый флаг. Именно этот триколор в середине XIX века стал доминировать в официальной государственной символике. Более того, буквально через месяц после подписания Айгунского договора 11 июня 1858 года указом Александра II чёрно-жёлто-белый флаг был утверждён как государственный. Однако в этом качестве он просуществовал всего четверть века.

В 1883 г. накануне своей коронации Александр III, не отменяя отцовского указа, повелел украшать улицы бело-сине-красными флагами. Опять в России возникла путаница с официальной символикой. И только накануне коронации Николая II в 1896 году бело-сине-красный триколор окончательно был утвержден в качестве государственного флага Российской империи.

Впрочем, в амурском Благовещенске, вероятно, он всегда пользовался большей популярностью, чем имперский триколор. Город был вольный, купеческий, на реках Амуре и Зее активно развивалось судоходство. А эти виды деятельности ещё с петровских времён имели своим символом бело-сине-красный флаг.

Триколор против советов. В XX веке русский национальный флаг кардинально поменял своё значение, став символом борьбы с большевизмом. Красное революционное знамя утвердилось в Приамурье весной 1920 года. Однако далеко не все амурчане с этим смирились.

В начале 1924 года в Амурской области вспыхнуло Зазейское восстание, участники которого – зажиточные крестьяне и казаки были недовольны грабительской политикой большевиков. По настоянию казаков символом восстания стал бело-сине-красный флаг. Как вспоминает очевидец, мужики, увидев его над волостным правлением Константиновки, поснимали шапки, начали креститься со словами: «Слава Богу, теперь будет у нас царь-батюшка». Люди с шумом выражали свою радость, видя развевающийся царский флаг, кричали, что настал конец коммунистам и что они вновь станут казаками, раздавались лозунги: «Долой советскую власть», «Да здравствует царь Николай!» [4, с. 353]. Ликование это длилось не долго – восстание вскоре было подавлено.

Ещё раз русский триколор взвился над Амуром через 14 лет. Правда, произошло это не на левом, а на правом берегу пограничной реки. 28 июля 1938 г. эмигрантская колония в маньчжурском Сахаляне (ныне – китайский город Хэйхэ) праздновала 950-летие крещения Руси. В полдень после окончания церковной службы все присутствующие с хоругвями, иконами и национальными русскими флагами вышли на берег реки Амур на специально приготовленную площадку. В центре её возвышался большой деревянный крест. На белой стене какого-то высокого здания большими буквами было написано: «Да воскреснет святая Русь». На крыше того же здания, на высоких столбах гордо развевались два русских триколора вместе с японским и маньчжурским флагами. Между ними была натянута проволока с закреплённой на ней надписью: «950 лет крещения Руси». Декораторы постарались устроить всё так, чтобы площадка со всеми украшениями отчётливо была видна зрителям с противоположного берега.

Набережная Сахаляна 28 июля 1938 года.

«Пусть видят и знают наблюдавшие с той стороны наши враги, что мы, эмигранты живы, объединены между собой верой Христовой и надеждой на лучшее будущее и, может быть при помощи Божией, на скорое возвращение на родину» – писал по этому поводу руководитель эмигрантской общины в Сахаляне П.А. Карпов [1, л. 25–26].

Разноцветные ветви власти. Надеждам белоэмигрантов не удалось сбыться, но русский национальный флаг все-таки вернулся в Россию. Произошло это на рубеже 80–90-х годов XX века на волне бурных демократических преобразований. Как известно, 22 августа 1991 года Постановлением Верховного Совета РСФСР бело-сине-красный триколор был признан официальным флагом Российской республики.

Однако в регионах он утвердился не сразу. Первый постсоветский губернатор Амурской области А. А. Кривченко оставил по этому поводу интересные воспоминания. 20–21 ноября 1991 г. в Благовещенске проходила очередная сессия Областного совета народных депутатов (высшего законодательного органа в регионе). Под председательством ярого коммуниста А.Н. Белоногова депутаты заседали в большом актовом зале на первом этаже Дома Советов: «Интерьер здесь был скромный, но приличный, а точнее – стандартный для таких деловых залов. Мягкие откидывающиеся кресла, микрофоны в проходах, полированная мебель для президиума, кумачовое убранство сцены и, конечно, огромный портрет Ильича на заднем плане». В этом же здании, но только тремя этажами выше располагалась возглавляемая Кривченко Администрация Амурской области, высший исполнительный орган региона, недавно пришедший на смену упраздненного облисполкома: «Там больше не было никаких Ильичей, серпов и молотов, заседания проходили на фоне огромного трёхцветного полотнища российского флага, под гербом России в виде двуглавого орла» [3, с. 204]. Таким образом, две ветви региональной власти управляли Амурской областью из одного здания, но под разными флагами.

Благовещенский кафедральный собор.

По мере отмирания советских институтов исторический триколор всё больше утверждался в России. В Благовещенске это произошло при особых обстоятельствах. Вначале 2000-х гг. на месте первого городского храма – Свято-Никольской церкви был построен новый кафедральный собор. В августе 2003 года по благословению преосвященного Гавриила, епископа Благовещенского и Тындинского возле храма был установлен флагшток и в торжественной обстановке поднят флаг Российской Федерации – в память о том государственном знамени, которое 145 лет назад здесь подняли генерал-губернатор Муравьёв и святитель Иннокентий. Национальный триколор развевается над Благовещенским собором и поныне, напоминая всем жителям и гостям города, что Амурская земля была, есть и будет русской.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 1. Д. 16.

2. История Благовещенска, 1856–1917 : [в 2 т.]. Т. 1 / [отв. ред. А. В. Телюк ; редкол.: В. Н. Абеленцев и др.]. – Благовещенск-на-Амуре : Амур. ярмарка, 2009. – 459 с. : фот., табл. – (Благовещенск. Из века в век).

3. Кривченко, А. А**.** Схватка над пропастью : зап. губернатора : полит. мемуары, очерки, статьи, интервью, выступления / А. А. Кривченко. – Благовещенск : РИО, 2005. – 591 с. : ил.

4. Макий, В. П. ...И был год 1924-й / В. П. Макий // Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. – Благовещенск : Зея, 2004. – Т. 3. – С. 337–379.

5. Невельской, Г. И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России / Г. И. Невельской. – Хабаровск, 1969. – 418 с. : ил.

В.Р. Чепелев,
учёный секретарь Амурского филиала
Военно-научного общества
при культурном центре Министерства обороны РФ

ТАЙНА «ЗЕЛЁНОГО КРЕСТА»

Ключевые слова: освоение Приамурья, Амурская экспедиция, Амурские сплавы, паровой катер «Надежда», Буриндинский утёс, «Зелёного Креста скалы», памятник природы.

Статья посвящена памятнику природы, находящемуся в Магдагачинском районе на левом берегу реки Амур – Буриндскому утёсу. На вершине утёса, напоминающего своей формой круглую башню, установлен восьмиконечный православный крест, окрашенный в зелёный цвет. Об этом месте, имеющем название «Зелёный Крест», ходит много легенд, но ни одна из них не соответствует исторической истине. Автор приводит документальные свидетельства о событиях, которые в действительности происходили здесь зимой 1855–1856 годов.

В Магдагачинском районе Амурской области на левом берегу Амура в районе 556 километра, между селом Толбузино и ныне уже не существующим селом Бекетово (почти посредине между ними), есть памятник природы – Буриндинский утёс. Название утёсу дала река Буринда, которая впадает в Амур несколько ниже по течению, в четырёх километрах от Толбузино. Буриндинский утёс представляет собой живописные скалы высотой до 20 метров, образованные гранодиоритами и мраморами. В целом беловато-серый, утёс местами окрашен в красноватый цвет – результат воздействия гидроокислов марганца и железа [1].

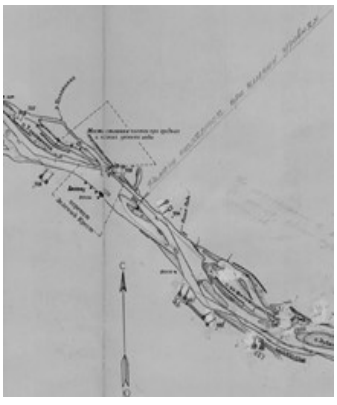
Но у этого памятника природы, который на вид подобен полукруглой башне, далеко выдавшейся в Амур, есть и другое название, – «Зелёного Креста скалы» (иначе «Зелёный Крест» или «мыс Малой Надежды») [7, с. 157–158].

При этом не только сам утёс, но и речной перекат под ним, на лоцманских картах тоже называется «Зелёный Крест». А носит он это название потому, что на вершине утёса уже много лет стоит восьмиконечный православный крест, окрашенный в зелёный цвет. Первоначально крест был деревянным (видимо, неоднократно заменялся новым), затем – железным, но неизменно – зелёным.

Об этом месте ходит множество легенд, согласно одной из них здесь погибли пограничники, упавшие с утёса вместе с лошадьми, по другой – недалеко от этих мест замёрзли

и погибли солдаты, возвращавшиеся с низовьев Амура в 1856 году, не то здесь разбился плот с переселенцами. А крест поставил заблудившийся в тайге охотник, который потом кто-то покрасил зелёной краской, после чего он стал служить ориентиром для речников.

Буриндинский утёс или «Зелёного Креста скалы».



Фрагмент лоцманской карты реки Амур (лист № 10), на которой изображён перекат «Зелёный Крест».

По версии же писателя Н.Д. Наволочкина, автора довольно интересной книги «Амурские вёрсты», здесь в 1858 году, якобы по подозрению в растрате казённых средств, застрелился есаул Усть-Стрелочной казачьей сотни Николай Сухотин [10].

По имеющимся данным, есаул, а затем войсковой старшина Сухотин действительно существовал и был участником «Амурского дела», но звали его Михаил, а вот отчество – Николаевич. В 1855–1857 годах он командовал Иркутским конным казачьим полком, затем там же в 1858–1860 годах был полицеймейстером, а в 1861–1862 годах – командующим 4-го конного полка Забайкальского казачьего войска [2]. Имел награды: ордена Святого Станислава 2-й степени и Святой Анны 3-й степени. Он действительно застрелился из револьвера, но не в 1858 году, а четырьмя годами позже, и не на Амуре, а на берегу реки Ингоды, левом притоке реки Шилки, в селе Титово, расположенном недалеко от города Чита. «Любимец Муравьёва, – он слыл между современниками за высоко честного и благородного человека», что доказало посмертное дознание: «казённые суммы Сухотина были в полном порядке» [4, 6].

Ещё при жизни его именем на Амуре был назван казачий посёлок, расположенный в 97 верстах выше Благовещенска, входивший в Екатерининский казачий округ. Но в 1872 году в результате катастрофического наводнения он был уничтожен, а его жители переселились в другие поселения [7, с. 390].

Ни одна из этих легенд не соответствует исторической истине, так как в действительности «Зелёный крест» был поставлен в память благополучной зимовки парового катера (барказа) «Надежда», который зимовал здесь в 1855–1856 годах, прикованный, как древнегреческий бог Прометей, к скале. Об этом упоминали в своих записках участник «амурской эпопеи» казак Роман Богданов [3, с. 21], флотский офицер Александр Линден [8], и замечательный амурский краевед Александр Кириллов [7, с. 157].

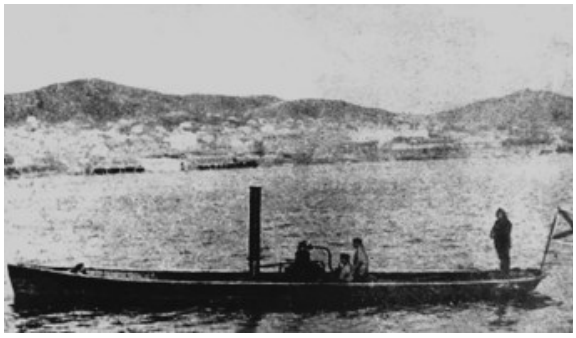
Как и почему катер «Надежда» оказался осенью 1855 года в верховьях Амура, в то время почти не заселённых, – об этом наш рассказ.

Всё началось с того, что ещё в ноябре 1851 года капитан 1 ранга Г.И. Невельской, начальник Амурской экспедиции, действовавшей в низовьях Амура, обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьёву с просьбой предоставить ему для исследований небольшое паровое винтовое судно. Депешею от 15 октября 1852 года Главное управление Российско-Американской компании (РАК), под прикрытием которой действовала Амурская экспедиция, уведомило Невельского, «что вследствие полученного им сообщения от генерал-губернатора, сделано распоряжение о доставлении через Аян *(порт и фактория РАК на западном побережье Охотского моря – В.Ч.)* в экспедицию парового 16-сильного катера» и двух гребных судов [11, с. 208].

Адмирал Г.И. Невельской.

Паровой катер (иначе – барказ) был заказан РАК в США, но где именно, к сожалению, неизвестно. Летом 1853 года его в разобранном виде на американском китобойном судне привезли в Аян. Здесь катер, как и его механизм, были собраны под руководством капитан-лейтенанта А.В. Бачманова, который неплохо разбирался в технике. 28 июля 1853 года на буксире транспорта РАК «Император Николай I» катер был переведён из Аяна в Петровское зимовьё, расположенное в заливе Счастья (к северу от устья Амура) [11, с. 237].

После того, как паровой катер, которому Г.И. Невельской дал название «Надежда», был доставлен в Петровское, его решили перегнать своим ходом в Николаевский пост (ныне город Николаевск-на-Амуре, расположенный в устье Амура), и заодно проверить его ходовые качества. Загрузив различными запасами 10-вёсельный гребной катер и взяв его на буксир «Надежды», Невельской вместе с Бачмановым 19 августа отправились на нём из Петровского. Но как только они вышли из залива Счастья в Амурский лиман, то, по свидетельству Невельского, *«пароход начало заливать, и более половины дымогарных труб в котле, оказавшимися перержавленными, лопнуло. Таким образом, в навигацию 1853 г. «Надежда» была для нас бесполезна… Пароходик, кроме того, не имел никаких мореходных качеств и оказался совершенно неспособным к плаванию по лиману»* [11, с. 238].



Паровой барказ «Надежда».

Но в навигацию следующего, 1854 года, после прибытия из Забайкалья в низовья Амура первого Амурского сплава и, в частности, парохода «Аргунь», доставившего необходимые средства для ремонта, «Надежда» была исправлена и в дальнейшем оказалась весьма полезной для речного и озёрного плаваний.

Что же собой представлял паровой барказ «Надежда»? Это был сравнительно небольшой, с узким и длинным корпусом железный катер, не имевший палубы, надстроек и мачт,

с огнетрубным паровым котлом и машиной мощностью в 16 л. с., приводившей в движение гребной винт. Его основные размерения были следующими: длина – 40 футов (12,19 м), ширина – 6,6 футов (1,98 м), осадка: форштевнем – 3,6 фута (1,06 м), ахтерштевнем – 4,6 футов (1,37 м). Штатный экипаж состоял из 4 нижних чинов [5]. Водоизмещение катера составляло около 300 пудов (4,914 т).

Летом 1855 года в устье Амура на парусной шхуне «Хэда» с частью команды погибшего фрегата «Диана» прибыл вице-адмирал Е.В. Путятин, который в качестве русского посла заключил 26 января (7 февраля) 1855 года в городе Симода первый русско-японский договор (трактат о торговле и границах). Поскольку в это время Россия находилась в состоянии войны с Англией и Францией, и у наших дальневосточных берегов постоянно рыскали враждебные нам английские и французские корабли, то плыть по морю до Аяна (а оттуда до Якутска и Иркутска, и далее через Сибирь в Санкт-Петербург) было далеко не безопасно. Поэтому Путятин принимает решение отправиться иным путём – вверх по Амуру до Забайкалья.

Генерал-адъютант, адмирал Е.В. Путятин.

Для этого путешествия Г.И. Невельской предоставил Путятину паровой катер «Надежда» и небольшую баржу, которую он должен был буксировать. Перед отправлением в путь на катере тщательно проверили и перебрали паровую машину. Как на катере, так и на барже оборудовали временное помещение для размещения офицеров и команды. Командование катером Путятин возложил на лейтенанта Александра Колокольцова.

29 июня 1855 года на катере «Надежда» с баржей на буксире Путятин со свитою отправился вверх по Амуру и в начале июля прибыл в Мариинский пост, где был встречен генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьёвым, а 5 июля пустился в дальнейший путь. Вместе с адмиралом шли капитан 2-го ранга К.Н. Посьет, капитан Корпуса морской артиллерии К.И. Лосев, лейтенант А.А. Колокольцов, мичмана А.А. Пещуров и К.Ф. Литке, юнкера М. Лазарев и А. Корнилов (сыновья знаменитых адмиралов), и несколько «нижних чинов».

По воспоминаниям современников, почти трёхмесячное плавание катера «Надежды» по Амуру было очень трудным. Чтобы не быть голословным, привожу выдержки из книги Г.И. Невельского, рапорта Е.В. Путятина, дневниковых записей А.А. Колокольцова, воспоминаний А.М. Линдена и Р.К. Богданова с описанием этого путешествия.

- Г.И. Невельской: «... *адмирал Е.В. Путятин… на паровом катере «Надежда» в начале августа отправился вверх по Амуру в Забайкалье. Это было первое наше судно, поднимавшееся по реке Амуру. Плавание его совершалось медленно, и сопряжено было с величайшими затруднениями и лишениями. Мы… не имели на Амуре постов, в которых пароход мог бы запасаться продовольствием и дровами, почему он был загружен и вынужден был иметь на буксире тяжёлый баркас; дрова же для топлива рубил прямо с корня. Кроме*

этого вода в верховьях реки была необыкновенно низка, и на реке обнаружилось много банок и мелей. Холода наступили весьма рано, так что, не доходя около 300 вёрст до Усть-Стрелочной станции, адмирал Е.В. Путятин… вынужден был, приковав пароход и баркас к скале, оставить их тут на зимовку, а сам со всеми своими спутниками с неимоверными лишениями и усилиями добрался пешком по берегу (в начале ноября) до Усть-Стрелочной станции, а оттуда через Иркутск проехал в Санкт-Петербург» [11, с. 355].

- Е.В. Путятин: *«Генерал-адъютант Путятин, получив разрешение возвратиться в Петербург, оставил 29 июня, вместе с состоявшими при нём офицерами, Николаевский пост и на небольшом пароходе «Надежда», принадлежащем к Амурской флотилии, отправился вверх по Амуру. Имея на буксире баржу, «Надежда» сделала первый опыт подъёма по реке Амур. После* ***81-дневного*** *плавания, в борьбе с сильным течением, иногда вовсе останавливавшим ход парохода, генерал-адъютант Путятин достиг Усть-Стрелочного караула, стоящего при слиянии Шилки и Аргуни. Сильное понижение воды заставило оставить пароход «Надежда», не доходя 400 вёрст до этой станции, и оттуда продолжать плавание уже на барже, которая поднималась вверх по реке бичевою. Во время этого плавания по Амуру генерал-адъютант Путятин пользовался всеми случаями для пополнения и отчасти исправления карты этой реки. Карта эта, составленная Корпуса топографов прапорщиком Поповым, по замечанию генерал-адъютанта Путятина, исполнена добросовестно и настолько точно, сколько это можно требовать при тех средствах, которыми мог располагать г. Попов. Генерал-адъютант Путятин с сопровождавшими его офицерами определили долготу многих пунктов, как взятыми с собою двумя отличными хронометрами, так и лунными, и звёздными наблюдениями. Исправленную по точным широтам и по разности долгот карту Амура, над которой трудился мичман Пещуров, генерал-адъютант Путятин сообщит в непродолжительном времени»* [12].

Генерал-лейтенант А.А. Колокольцов.

- А.А. Колокольцов: *«Почти три месяца длилось наше путешествие по Амуру. Мы были первые, поднимавшиеся на маленьком пароходике по этой реке, русло которой было в то время совершенно не исследовано. Но помимо трудностей самого плавания, приходилось терпеть нужду в пище, так как провизии было запасено всего на полтора месяца, а на берегах почти ничего нельзя было найти, так как они были совершенно не заселены; только очень редко попадались жилища полудиких туземцев, не понимавших нашего языка и убегавших при нашем приближении. Не доходя Усть-Стрелки, мы встретили препятствие, загражда-ющее дальнейший путь пароходу: каменистая гряда пролегла поперек реки, и над этой грядой не было достаточной глубины, чтобы наш пароходик мог пройти. Оставалось одно: плыть далее на барже, которую до этого места мы тащили за собою на буксире и на которой помещалась команда и складировались дрова. Но что было делать с пароходом? Обсудив этот вопрос, мы решили поступить следующим образом: около того*

места, где мы остановились, находилась скала, далеко выступавшая от берега в реку, и мы просто-напросто приковали пароход к этой скале. Для этого сделали в скале отверстие, расширявшееся внутрь, заложили туда конец длинной цепи и залили отверстие свинцом, перекинув цепь через пароход и закрепив её на нём, мы другой конец с якорем закопали глубоко в землю на берегу.

Длина цепи была рассчитана таким образом, чтобы в случае, если бы пароходу пришлось здесь зимовать, то весной, при полноводии он мог бы свободно подниматься вместе с уровнем воды. Расчёт наш оказался верным, так как посланные за пароходом через год, нашли и цепь, и пароход в совершенной целости. Оставив таким образом «Надежду», как Прометея, прикованного к скале, мы пересели на баржу и, тащась бечевой, добрались до Усть-Стрелки. Отсюда частью на лодках по реке Шилке, частью верхом, частью в телегах мы достигли до Иркутска, а оттуда по почтовому тракту в разное время приехали в Петербург…» [9].

- А.М. Линден: *«Это была первая попытка подняться вверх по Амуру на паровом судне, сопровождавшаяся голодовкою и вообще большими лишениями, но оказавшая услуги географии, произведя, насколько возможно было, беглую опись реки, частию промер, и определив несколько астрономических пунктов. Душой этой картографической работы был А А. Пещуров»* [8].

- Р.К. Богданов: «*1855 год. В августе месяце снизу Амура на пароходе «Надежда» пришёл контр-адмирал (вице-адмирал – В.Ч.) Путятин… Пароход по случаю мелководья они оставили повыше нынешнего посёлка Толбузинского, в 12 верстах (около 13 км – В.Ч.); местность эта до сих пор носит название* ***«зелёный крест»,*** *который, в память благополучной защиты от льда весною 1856 года, был поставлен усть-стрелочными казаками на утёсе, за которым стоял пароход во время весеннего ледохода. Адмирал со свитой пришёл в Усть-Стрелку на лодках бичевой; тащили казаки Усть-Стрелочной [станицы], где через посланного им орочона отец мой (сотник Богданов, атаман Усть-Стрелочной станицы Забайкальского казачьего войска – В.Ч.) узнал о прибытии адмирала и тотчас же снарядил лодки и назначил людей доставить провизию как для адмирала со свитой, так и для пароходной команды. Отец отправился встречать гостя, который, первый из русских, проехал на пароходе с устья Амура. Адмирал прогостил в доме отца моего около 10 дней и отправился со свитой вверх по Шилке на лодках; тащили их около 200 вёрст бичевой тоже усть-стрелочные казаки до [реки] Горбицы, куда мой отец проводил его»* [3, с. 21].

Если сравнить это описание с тем, которое даёт Г.И. Невельской, то мы увидим некоторое расхождение. Невельской пишет, что Е.В. Путятин покинул катер [и баржу] из-за начавшейся шуги. Из описания А.А. Колокольцова и отчёта Путятина следует, что Путятин и его спутники оставили только пароход, а баржу тащили дальше бичевой, и что причина этого заключалась не в шуге, а в преграждавшей путь «Надежде» каменной гряде. Наличие этой гряды можно объяснить чрезвычайно низким уровнем воды на реке в тот год. Косвенным доказательством этому является надпись на фрагменте лоцманской карты Амура (лист 10), где изображён перекат «Зелёный Крест», сделанная, правда, карандашом, а именно:

«Камень оголяется при низких уровнях». Есть различие и в расстоянии, которое пришлось пройти Путятину и его спутникам: так Невельской называет 300 вёрст (около 320 км), а Путятин – 400 вёрст (около 427 км).

Как уже выше отмечалось, прикованный к скале в 13 километрах от нынешнего села Толбузино (несколько выше от устья Буринды), катер «Надежда» благополучно перезимовал, и весной 1856 года подполковник М. С. Корсаков, спустившийся по рекам Шилке и Амуру, пришёл на нём к китайскому городу Айгуню, где объявил амбаню (губернатору) о том, *«что нынешним летом по Амуру будут спускаться суда и что по берегам реки будут оставаться наши посты для обеспечения возвращающихся с низовьев реки войск и сообщения между низовьями и Забайкальем*» [11, с. 359].

Этот факт подтверждает и Р.К. Богданов, участвовавший в сплаве 1856 года: *«…ниже китайского города Айгуна встретился пароход «Надежда», ушедший обратно к устью Амура и более никогда сюда не приходивший; пароход этот был винтовой, сидел в воде около 4 футов (1,21 м – В.Ч.) был совсем маленький, не пригодный (из-за большой осадки – В.Ч.) для плавания на мелкой реке»* [3, с. 24].

В 1857 году вице-адмирал Е.В. Путятин (теперь уже в качестве российского посланника в Китай) вновь прибыл на Амур и близ селения Михайло-Семёновского (казачьей станицы в 656 верстах ниже Благовещенска) был встречен военным губернатором Приморской области и главным командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана контр-адмиралом П.В. Казакевичем, прибывшем туда на паровом катере «Надежда». Вместе с ним он продолжил плавание до Николаевска, откуда на паровом корвете «Америка» отправился к берегам Китая, где 1(13) июня 1858 года заключил в Тяньцзине благоприятный для обеих стран договор [11. с. 364–365].

На первом плане паровые барказы «Надежда» и «Кит».

В феврале 1871 года в Санкт-Петербурге было принято решение о перенесении с 1872 года главной базы Сибирской военной флотилии из Николаевска-на-Амуре во Владивосток, ликвидации речной части флотилии и о передаче из её состава девяти пароходов и трёх барж во вновь учреждённое Товарищество Амурского пароходства (ТАП). В 1872 году большая часть кораблей и вспомогательных судов Сибирской флотилии перешла из Николаевска во Владивосток своим ходом или на буксире, но некоторые из них ещё несколько лет оставались на Амуре в распоряжении Ликвидационной комиссии, в том числе и паровой катер «Надежда».

Сохранился фотоснимок Владивостокского рейда (бухты Золотой Рог), сделанный 30 августа 1880 года, на котором на первом плане изображены паровые барказы «Надежда» и «Кит».

В списке судов Российского императорского флота на 1898 год за Владивостокским военным портом числился железный паровой барказ «Надежда» № 4 – 1854 год, купленный

от РАК (дата покупки отсутствует) за 10 тысяч рублей. Водоизмещение – 8/11,5 т, длина – 40, ширина – 6,6, осадка – 3,6/4,6 футов. Катерам Владивостокского порта кроме наименований присваивались и цифровые номера – вот «Надежда» и стала № 4.

Судя по дате и основным размерам – это, несомненно, тот самый катер, который первоначально входил в состав Амурской экспедиции Г.И. Невельского, первым поднявшийся вверх по Амуру в 1855 году. Встречается «Надежда» в списках судов Владивостокского порта и после Русско-японской войны, – завидное долголетие!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурская область : опыт энцикл. слов. – Благовещенск, 1989. – С. 113.

2. Абеленцев, В. Н. Господа офицеры / В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. – Благовещенск, 2016. – С. 551.

3. Богданов, Р. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 год / Р. Богданов. – Хабаровск, 1900. – [2], 109 с. – (Записки Приамурского отделения Русского географического общества ; т. 5, вып. 3).

4. Васильев, А. П. Муравьёв-Амурский / А. П. Васильев. – Благовещенск, 2017. – С. 291–292.

5. Восточное Поморье. − 1865. − 6 нояб. (№ 23). – С. 134.

6. Иванов, Р. С. Краткая история Амурского казачьего войска / Р. С. Иванов. – Благовещенск, 1912. – С. 85.

7. Кириллов, А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей / А. Кириллов. – Благовещенск, 1894. – 541 с.

8. Линден, А. М. Записки А.М. Линдена / А. М. Линден // Русская старина. − 1905. − № 4. − С. 122.

9. Масленников, Б. Первое плавание вверх по Амуру / Б. Масленников // Дал. Восток. – 1973. − № 3. – С. 160.

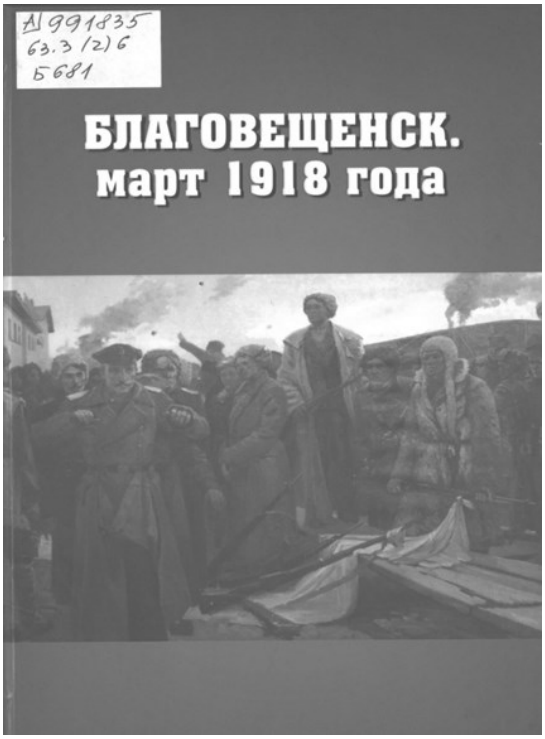
10. Наволочкин, Н. Амурские вёрсты / Н. Наволочкин. – Хабаровск, 1977. – С. 226– 228, 263–264.

11. Невельской, Г. И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России / Г. И. Невельской. – Хабаровск, 1969. – 418 с. : ил.

12. Путятин, Е. В. Отчёт о плавании фрегата «Паллада», шкуны «Восток», корвета «Оливуца» и транспорта «Князь Меньшиков» под командованием генерал-адъютанта Путятина, в 1852, 1853 и 1854 годах, с приложением отчёта о плавании фрегата «Диана» в 1853, 1854 и 1855 годах / Е. В. Путятин // Морской сборник. − 1856. − Т. 20, № 1 (янв.). − С. 187–188.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

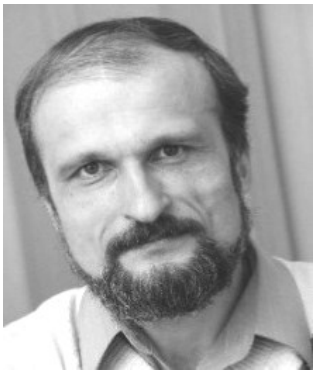
Новое краеведческое издание АО «Амурская ярмарка», посвящённое 100-летию гражданской войны в Благовещенске, выпущенное в рамках издательского проекта «Благовещенск. Из века в век». Идея и руководство: Анатолий Васильевич Телюк, кандидат филосовских наук.



Это первое за сто лет издание, в котором предпринята попытка представить объективную картину событий начала 1918 года в Благовещенске, связанных с вооружённым захватом власти большевистскими советами, который в официальной историографии именовался как подавление «Гамовского мятежа». В основу исследования положены документы архивов, материалы периодических изданий того времени, воспоминания современников, позволившие восстановить трагическую картину вооружённого противостояния. В издании даны биографические характеристики основных участников описываемых событий, списки погибших и раненых. Многие из публикуемых материалов и документов вводятся в научный оборот впервые.

Для оформления обложки использована репродукция фрагмента картины И.И. Коркина «Разгром Гамовского мятежа» (1958), хранящаяся в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского.

Книга «Благовещенск. Март 2018» АО «Амурская ярмарка» – победитель конкурса краеведческих изданий «Мой край» XI межрегиональной издательской выставки «Амурские книжные берега» в номинации «Образ Малой Родины» (2018).



Ю.А. Тарасов,
историк-краевед, председатель Свободненского литературного объединения им. П. Комарова

ЗАГАДКИ ЧУДИНОВСКОГО БОЯ

Ключевые слова: Чудиновский бой, Мухинское восстание, армия Дрогошевского, японские интервенты, батальон.

В статье исследуется история Чудиновского боя между повстанцами Амурской области и японскими интервентами зимой 1919 года. Автор раскрывает многие из связанных с этим событием загадок. Отмечает ошибки и недоразумения, встречающиеся в исторических описаниях Чудиновского боя.

Чудиновский бой, казалось бы, – достаточно хорошо известное событие гражданской войны на Дальнем Востоке, однако это далеко не так.

По своему содержанию, этот бой – вооружённое столкновение между подразделениями японской армии и амурскими повстанцами под деревней Чудиновкой Свободненского района в ходе так называемого «Мухинского восстания», охватившего весь юг Амурской области в первые месяцы 1919 года. Названо это восстание по фамилии возглавлявшего его председателя Амурского исполкома и руководителя Амурской трудовой социалистической республики в 1918 году Фёдора Никаноровича Мухина.

Мухинское восстание началось в Зазейском районе (нынешние Ивановский, Тамбовский, Октябрьский, Михайловский и Райчихинский районы Амурской области) 7–8 февраля 1919 года. Сформировавшаяся там повстанческая армия, после нескольких боёв с японо-казачьими отрядами, отступила на территорию Свободненского района, где к ней присоединились местные группы повстанцев. Японское командование и белогвардейское руководство области также сосредоточили здесь свои силы для окружения и разгрома крестьянской армии. Так сложились предпосылки Чудиновского боя, а точнее, серии боёв под одним наименованием, занявших своё особое место в истории гражданской войны в Приамурье.

В чём же состоит историческое значение этого боя? Главным образом в том, что он стал первой победой повстанцев над войсками интервентов не только в Амурской области, но и во всём Дальневосточном крае. Помимо того, что эта победа существенно укрепила дух самих восставших, их веру в возможность победы над сильным врагом, она также придала

уверенности всем противникам белогвардейского режима и интервенции в крае, тем самым, подтолкнув к вооружённой борьбе с ними новые сотни и тысячи людей. С другой стороны, захваченные в бою трофеи позволили резко увеличить боевой потенциал повстанческой армии, что стало главным материальным стимулом для продолжения вооружённой борьбы.

Несмотря на всю значимость данного события, оно остаётся одним из наименее освещённых в исторической литературе по гражданской войне. Ни учебник истории Амурской области [14], ни «История Дальнего Востока России» [15] не содержат никаких подробностей о Чудиновском бое. Не указывают они даже даты его, и это вовсе не случайность. Те, кто считает, что история данного боя давно изучена историками, глубоко заблуждаются. На самом деле даже сегодня она хранит в себе множество загадок и противоречий. Постараемся разобрать здесь лишь некоторые из них.

Загадка 1-я: Общая численность повстанческой армии и сражавшихся против неё японцев в Чудиновских боях.

Историческая литература полна по этому поводу весьма значительных противоречий. Правда, в отношении численности повстанцев проблема, на сегодняшний день, уже решена. Коллектив учёных института истории во Владивостоке вычислил, наконец, подлинную цифру – приблизительно 3000 человек, что получило своё отражение на страницах третьего тома «Истории Дальнего Востока России» [15, с. 323]. Таким образом, другие источники, определяющие армию повстанцев числами от 5 до 9 тысяч бойцов, можно теперь смело отнести в разряд мифологии гражданской войны.

Остаётся вопрос о численности японцев в этих боях. Историки и бывшие партизаны называют разные цифры. Амурский историк В.П. Малышев, вслед за П.М. Никифоровым, автором книги «Записки премьера ДВР» [22, с. 123], одних только убитых в этих боях исчислял более чем двумя тысячами человек [20, с. 177]. Оба указанных автора опирались в своих расчётах на свидетельства бывших партизан. Насколько «надёжными» могут быть такие свидетельства, показывает пример И.Т. Воронцова, одного из непосредственных участников Чудиновских боёв. В трёх написанных им в разные годы воспоминаниях он умудрился дать разные цифры численности повстанцев и японцев во всех этих боях.

Попробуем сами вычислить возможное количество там японских войск. Это не так уж трудно, если принять во внимание, что против повстанцев в Амурской области, по сведениям первых профессиональных дальневосточных историков А. Шурыгина и З. Карпенко, опубликованным в книге «Борьба за Советы на Дальнем Востоке» (1938), действовали части только одной бригады 12-й японской дивизии во главе с генералом Ямадой [32, с. 54]. Бригада – это два полка по три батальона. Общая штатная численность её боевых сил военного времени – около 5800 человек пехоты [29, с. 58], не считая небольшого количества пулемётчиков, артиллеристов и кавалеристов[1]. Между тем, Япония содержала тогда свою армию (в том числе и в России) по штатам мирного времени, то есть бригада была примерно на четверть меньшей численности.

Поскольку в обязанности японских войск входила, в первую очередь, охрана железной дороги, то нужно признать, что не менее половины бригады должно было стоять гарнизонами на основных железнодорожных станциях области и в самом Благовещенске (где в это время тоже готовилось восстание). А также в городе Зее, где было сосредоточено управление золотыми приисками. Таким образом, Ямада вряд ли мог использовать в боях с повстанцами более трёх батальонов своих войск.

Загадка 2-я: Когда же произошёл Чудиновский бой?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала определить последовательность предшествующих ему событий. Все источники сходятся в том, что бой под Чудиновкой произошёл на следующий день после боя в деревне Сукромли (другое название – Малая Пёра), а Сукромлинский бой – на следующий день после выхода повстанческой армии к деревне Дубровка[2] в окрестностях города Свободного.

Г. С. ДРОГОШЕВСКИЙ

Итак, остаётся выяснить, когда армия повстанцев появилась у деревни Дубровка. В наиболее качественном, по мнению автора, историческом исследовании по истории партизанского движения в Амурской области – книге А.В. Агеева «Амурские партизаны», это событие датируется 25 февраля [1, с. 57]. Таким образом, Чудиновский бой он относит к 27 февраля. Между тем, в более ранней своей книге «Генрих Дрогошевский» Агеев, опираясь на воспоминания члена штаба повстанческой армии С. Кургузова, указывает другую дату этого боя – 16 февраля [2, с. 48]. Налицо явное противоречие.

Верный ответ помогает дать найденный в областном архиве доклад начальника уездной милиции об итогах борьбы с крестьянским восстанием в Амурской области, который был написан по свежим следам событий, в апреле 1919 года. Согласно этому документу, повстанцы вышли к Дубровке рано утром 24 февраля [13, л. 13], из чего следует, что Чудиновский бой состоялся 26 февраля.

В первый раз за послевоенный период эта дата была зафиксирована в книге «Памятники истории и культуры Амурской области» (1991) [23, с. 108] (*содержит много ошибок – Ред.*). Однако, настоящее первенство, в данном случае, принадлежит дальневосточным историкам А. Шурыгину и З. Карпенко, ещё в 1938 году датировавшим Чудиновский бой именно 26 февраля 1919 года [32, с. 54]. «Летопись Амурской области», опубликованная в 2002 году, тоже указывает дату 26–27 февраля [18, с. 24], но включает в неё и Сукромлинский бой, произошедший накануне. Это означает, что Чудиновский бой она относит к 27 февраля, просто повторяя, таким образом, ошибку А.В. Агеева.

Загадка 3-я: Первая стадия Чудиновского боя или собственно Чудиновский бой.

В исторической литературе имеется две версии событий Чудиновского боя. Одна из них принадлежит первому командующему повстанческой армией И. Безродных [6, с. 265–266]. Другая – восходит к описанию боя одним из руководителей партизанского движения в Свободненском районе И.С. Раковым, опубликованному в сборнике статей и воспоминаний «В огне революции» [26, с. 122].

По версии И. Безродных, бой имел всего две стадии. На первой – повстанцы окружили и уничтожили устроивший засаду на их пути тысячный отряд японцев, захватив, при этом, в качестве трофеев, два орудия и два пулемёта. На второй – они вступили в бой с подошедшим к Черновскому разъезду (теперь станция Бузули) со стороны Свободного эшелоном японских солдат и заставили его дать задний ход после того, как позади него был подожжён деревянный мост через ручей [5, с. 79].

Именно на эту версию опирались впоследствии П.М. Никифоров, при описании событий боя в своей книге «Записки премьера ДВР» [22, с. 122], и И. Чернев, работая над повестью «Таёжная армия» [31, с. 249–352]. Оба этих автора использовали также описания боя, взятые у других авторов воспоминаний. При этом, не будучи профессиональными историками, они настолько перепутали события и допустили так много ошибок в хронологии, исторической географии и фактической стороне этих событий, что их работы совершенно невозможно использовать интересующимся историей читателям для получения сколь-либо достоверного представления не только о Чудиновском, но и о других описанных ими боях партизан.

И. Чернев, например, перенёс действие Чудиновского боя почти на год вперёд, включив его в качестве одного из эпизодов выдуманной им фронтовой борьбы партизан с интервентами и белогвардейцами в Амурской области. Никифоров же дополнил и без того неточный рассказ И. Безродных и другого бывшего партизана С. Кургузова новыми красочными подробностями, совершенно исказившими характер и ход этого боя.

Что же касается самого Безродных, то он, совершенно определённо, не мог являться участником Чудиновского боя, поскольку был серьёзно ранен в бедро во время боя, состоявшегося на девять суток раньше возле хутора Виноградовского, и потерял много крови [5, с. 71–74]. В своих ранних воспоминаниях он признавался, что остался в окрестностях Ивановки и с армией в поход не пошёл [10, л. 119 (86)]. То же утверждал и другой бывший партизан из этого села Н.М. Гранкин [12, л. 20, 21]. Таким образом, сведения о Чудиновском бое, излагаемые в книге И. Безродных «Амур в огне», взяты из чужих рук.

Нечто подобное можно сказать и о книге С. Кургузова «Амурские партизаны» [17], автор которой хотя и был в то время работником штаба повстанческой армии, но непосредственно планированием боевых действий не занимался. К тому же роль штаба в этих боях была практически равна нулю, поскольку события развивались так быстро и неожиданно, что почти все решения принимались прямо на ходу лично командующим Г. Дрогошевским и его начальником штаба Э. Брезоном. Штаб армии двигался всё время позади боевых сил, вместе с обозом и ранеными, поэтому, при очень слабой связи с передовыми частями, не мог быть полностью в курсе событий. О довольно пассивной роли С. Кургузова в этом бою свидетельствует отчасти и его собственное признание в одном из своих воспоминаний о том, что линию железной дороги он смог пересечь только в 9 часов вечера [24, л. 133], когда сама армия ушла уже далеко вперёд.

Вторая версия Чудиновского боя, которую поддерживают все действительно участвовавшие в бою бывшие партизаны, выделяет в его ходе три стадии или три отдельных боя.

Во время первого из них был окружён и полностью уничтожен встреченный армией отряд японцев, в численности которого все авторы воспоминаний совершенно расходятся между собой. Называют цифры от 200 до 1000 человек при двух или трёх пулемётах. Историк А.В. Агеев оценил их количество в 800 человек, поясняя, правда, что исходил при этом из примерной штатной численности японского батальона [1, с. 60].

Дальневосточные историки 30-х годов А. Шурыгин и З. Карпенко считали, что под Чудиновкой был уничтожен японский батальон во главе с майором Танакой [32, с. 54]. Эти данные подтверждаются современной бою прессой, сообщавшей, что в окрестностях Чешуновки[3] *(искажённое название Чудиновки или Черновки – Ю.Т.)* японский отряд потерял, помимо своего командира майора Танака, также 3-х капитанов [25, с. 2] (*то есть командиров рот – Ю.Т.*). Таким образом, в Чудиновском бою принимал участие один неполный батальон из трёх рот.

Штатная численность японского батальона составляла 955 солдат и офицеров [29, с. 58], а по штатам мирного времени – примерно 669–688 человек. Без одной роты – это 511–526 человек[4]. Реальное же количество солдат и офицеров в батальоне могло быть несколько меньшим из-за предыдущих боевых и не боевых потерь.

Между тем, этой численности противоречат показания самого командующего повстанческой армией Г. Дрогошевского, данные им на допросе в колчаковской контрразведке всего через три месяца после указанных событий. Он считал, что японцев в первом бою было приблизительно 250 человек [28, л. 62]. Это в два раза меньше приведённой выше численности отряда Танака и, в то же время, намного больше количества солдат и офицеров в японской роте мирного времени (158–162 человека). Правда, в состав отряда входила ещё пулемётная команда в числе около 20 человек и какое-то санитарное подразделение, а также сам командир батальона со своим маленьким штабом, но и с их учётом общая численность вряд ли дотягивала бы даже до 200. Наиболее вероятно, таким образом, что в данном столкновении участвовали две роты японцев, причём одна из рот была неполного состава, поскольку уже потеряла треть своих солдат, то есть один взвод, высланный для разведки в Сукромли и полностью уничтоженный там повстанцами[5].

Итак, можно считать в значительной степени установленным, что разгромленный в первом бою японский отряд состоял из двух рот и пулемётной команды.

Загадка 4-я: Вторая стадия Чудиновского боя или 1-й Черновский бой.

Этот бой начался после того, как разведка повстанцев обнаружила со стороны Черновского разъезда (теперь станция Бузули) встречное движение ещё одного японского отряда. Повстанческая армия, не успев и полутора часов отдохнуть в деревне Чудиновке после первого боя [8, л. 174], вынуждена была снова идти вперёд и атаковать очередного врага. Как и в первый раз, ставка была сделана на обход противника с флангов, что опять вполне удалось. Зашедшие в тыл японцам роты повстанцев замкнули кольцо окружения, захватив при этом два орудия, стоявшие на сопке, несколько позади японских цепей.

О самом ходе этого боя расхождений в источниках практически нет. Проблема вновь возникает лишь при оценке численности японских сил. Мнения бывших партизан расхо-

дятся в интервале от 180 до 1800 человек. Причём крайние цифры принадлежат разным вариантам воспоминаний одного и того же человека – И.Т. Воронцова [3, л. 1;11, л. 6]. С. Кургузов упоминает даже о 7 эшелонах японцев, выгрузившихся на разъезде и принявших участие в этом бою [24, л. 132]. Однако о его сомнительной компетентности в качестве очевидца данного боя уже было сказано выше. Да и места на этом крохотном разъезде не было тогда даже для трёх поездов. Большинство же других авторов воспоминаний, а также сам Г. Дрогошевский, ничего об этих дополнительных эшелонах не знают.

Дрогошевский в своих показаниях оценивал данный отряд японцев как «небольшой» [28, л. 62], очевидно по сравнению с тем, который был разбит в первом бою. Согласно же официальной информации японского штаба, напечатанной через неделю после боя в амурской газете «Наше дело», численность данного отряда составляла 140 человек [21, с. 3]. Это минимально возможная цифра даже для одной роты, а ведь в бою участвовал и артиллерийский взвод японцев, штатная численность которого в мирное время составляла 50 человек [33]. По-видимому, местные журналисты не учли участие в бою артиллерии. Ближе к истине выглядит первоначальная оценка И.Т. Воронцова (180 человек). Очевидно, это была последняя, третья рота батальона Танака и его артиллерия, по какой-то причине запоздавшие с выходом из деревни Чембары.

Загадка 5-я: Третья стадия Чудиновского боя или 2-й Черновский бой.

Этот бой был очень кратковременным и начался после того, как на уже занятый повстанцами Черновский разъезд неожиданно вкатился со стороны Свободного японский эшелон. Поняв, что разъезд находится в руках повстанцев, японцы попытались было вступить с ними в бой, но после первых же выстрелов из захваченных бойцами повстанческой армии в предыдущем бою орудий, и увидев, к тому же, позади себя столб дыма от подожжённого разведкой повстанцев железнодорожного моста, поспешили убраться восвояси.

Загадка этого боя заключается в количестве принявших в нём участие японских сил. И.Т. Воронцов, например, в одном из своих воспоминаний упоминает четыре японских эшелона и три бронепоезда [11, л. 6]. Однако в другом своем воспоминании, опубликованном в сборнике «Красный остров» (1967), он говорит уже только об одном эшелоне и не упоминает никаких бронепоездов [7, с. 58]. Последнее подтверждали и И. Безродных [5, с. 79] и Г. Дрогошевский. Таким образом, появляющийся с 1927 года [26, с. 122] в литературе о Черновском бое сюжет с несколькими японскими эшелонами и бронепоездами можно отнести к попыткам мифологизировать это событие, превратить его в очередную легенду.

О том, какая именно часть вела бой с повстанцами на самом разъезде Черновском, говорит опубликованное в газетах сообщение японского штаба, что высланный к станции Юхта[6] заслон майора Такахаси атаковал главные силы армии повстанцев сразу после того, как она перешла линию железной дороги. Этот же отряд начал вечером преследование отступившей к востоку повстанческой армии [25, с. 2]. Учитывая майорское звание командира, данный отряд, видимо, представлял собой один японский батальон. Вряд ли его численность сильно отличалась от численности отряда Танака.

Загадка 6-я: Кто похоронен в братской могиле на кладбище деревни Чудиновки? Почему официальное количество погибших во всех Чудиновских боях повстанцев даже наполовину не сходится с числом похороненных там жертв?

При комментировании этого вопроса в советское время писали только об убийстве японцами в Чудиновке раненных партизан, тела которых, вместе с погибшими в боях, были положены позже в эту могилу. Но почему они оставались в Чудиновке, а не следовали за победоносной повстанческой армией – этот вопрос оставался открытым. Ответ на него хорошо знали лишь те из бывших партизан, которые во время Черновских боёв находились в обозе и при штабе повстанческой армии, но их воспоминаний предпочитали не публиковать. Посмотрим, что же скрывали в себе эти воспоминания.

Вот что писал о случившемся тогда начальник лазарета повстанческой армии И. Безлепкин: «…По связи командующий тов. Дрогошевский дал команду начальнику штаба тов. Бризону, который каким-то образом остался с тыловыми частями в селе Чудиновке, продвигаться за главными силами. В Чудиновке оставались все наши раненые и обмороженные, которых приблизительно было около 500 человек, и на охране этого села, то есть нашего тыла, былоококо 300 вооружённых. Тов. Бризон, получив приказание всё двигать за главными силами, и убедившись от посланного с этим распоряжением, что путь нашего следования очищен от японцев, дал мне распоряжение погрузить всех раненых и обмороженных, и двигаться за главными силами, что мною и было выполнено. Но когда мы по дороге своим обозом подошли к линии железной дороги (это было уже ночью), то нас со всех сторон, то есть наш обоз, стали из винтовок и пулемётов на близком расстоянии обстреливать японцы. Ввиду этого, мы были вынуждены возвратиться в Чудиновку, но за нами по следу шли японские войска. Часть наших бойцов попала в селе в кольцо японцев и погибла[7], но самую большую часть мы сумели стороной от японских войск переправить через линию железной дороги. Свои части мы со своим обозом догнали в селе Желтоярово[8]» (*в редакции автора – Ю.Т.*) [9, л. 32, 33].

Более подробно описал эти события в своих воспоминаниях адъютант командующего повстанческой армией И. Матвеев. По его свидетельству, после ухода боевых сил армии с Черновского разъезда небольшая часть обоза всё же успела проскочить через переезд на другую сторону железной дороги. Основная же его часть оказалась отрезана от боевых сил и была вынуждена вернуться в Чудиновку. Там её и настигли японцы. Не имея достаточно оружия и боевой организации, эта часть армии не смогла оказать сопротивления и рассеялась в разных направлениях [27, л. 10–13].

После ухода из Чудиновки японцев, тела всех убитых повстанцев были собраны по местам прошедших здесь боёв, видимо, местными крестьянами и похоронены в общей могиле

на сельском кладбище. Их оказалось 136, в том числе и несколько членов повстанческого штаба района, погибших за неделю до Чудиновского боя на хуторе Шатковского, неподалёку от станции Ледяной.

Загадка 7-я: Почему повстанцам удалось разгромить в Чудиновских боях хорошо вооружённые и обученные подразделения японской армии?

Вопрос этот возникает потому, что в целях примитивно понимаемой патриотической пропаганды в нашей исторической литературе было принято изображать восставших дальневосточных крестьян как неорганизованную толпу, шедшую в бой против регулярных войск чуть ли не с вилами, топорами и кремнёвыми ружьями в руках. На самом же деле, повстанческая армия состояла большей частью из солдат первой мировой войны, всего лишь за год до этого вернувшихся с фронтов и военных гарнизонов в родные избы и хаты. С собой многие из них принесли и своё боевое оружие – русские трёхлинейки, ни в чём не уступавшие самым современным винтовкам других армий мира. Часть повстанцев (около 30%) была вооружена берданками. Это было тоже нарезное оружие, которое в полтора раза уступало трёхлинейке по скорострельности и дальности стрельбы, но по ряду других важных боевых качеств (дальность прямого выстрела, точность и т. п.) было равным ей, превосходя её (а тем более, японскую винтовку «Арисака») в убойности своей пули более крупного калибра.

Ротами и взводами повстанческой армии командовали обычно бывшие унтер-офицеры. На более высоких должностях встречались младшие офицеры быстрого военного производства, одним из которых являлся и первый командующий армии Илья Безродных. Штаб армии возглавил живший в селе Ивановке кадровый офицер латышского происхождения Эберт Брезон. Многие из молодых повстанцев получили боевую закалку в 1918 году, на советских фронтах гражданской войны.

Японцы, поначалу, явно недооценили боевых качеств этой армии, бросая против неё относительно небольшие отряды с абсолютно недостаточным количеством пулемётов и артиллерии. Сказалась при этом и малопригодность разрывных пуль, которыми стреляли японские пулемёты, для ведения боя в лесу. По свидетельству С. Кургузова и И. Безродных, такие пули разрывались, задевая за густые ветки деревьев и кустарников, и, в результате, стрельба ими не наносила повстанцам серьёзных потерь.

Подведём итоги сделанного анализа, кратко определив цепочку военных событий, частью которых стал Чудиновский бой.

После того как повстанческая армия вышла к деревне Дубровка и стала готовиться к штурму города Свободного, её руководство получило сведения, что запланированное вооружённое выступление рабочих в городе не состоится, а отряды мобилизованных в окружающих деревнях районным штабом восстания крестьян по неясным причинам разошлись по домам. При таких обстоятельствах было принято решение отменить штурм города и отвести армию в деревню Малая Пёра (Сукромли), где располагался в тот момент штаб местных повстанцев.

К тому времени японское командование уже спешно стягивало в Свободненский район свои отряды, пытаясь окружить повстанцев со всех сторон. Одним из таких отрядов был японский батальон майора Танака, переброшенный на разъезд Черновский с целью отрезать повстанческую армию от железной дороги, и замкнуть кольцо окружения с севера. С частью этого отряда и столкнулась лоб в лоб вся армия повстанцев перед рассветом 26 февраля, когда направлялась к железной дороге с целью выскользнуть из приготовленной ей противником западни.

Разгромив под Чудиновкой главные силы японского батальона, повстанцы одолели затем и вторую, запоздавшую с выходом из Черновки, его часть. Затем, уже на самом разъезде, им пришлось вступить в бой с подошедшим новым эшелоном японских войск и отбросить его за ближайший ручей.

После того, как попытка японского эшелона высадиться на Черновском разъезде была отражена повстанцами, тот отошёл за горевший мост и с помощью подошедшего бронепоезда начал усиленно обстреливать их расположение из всех видов своего вооружения, в числе которого имелась и артиллерия. Бойцы, измотанные длившимися весь световой день боями и насквозь промёрзшие, начали в сумерках беспорядочно отходить с разъезда в деревню Чембары и далее к Нижним Бузулям.

Столкнувшись с такой ситуацией, Г. Дрогошевский, боясь, видимо, потерять управление армией, не стал дожидаться подхода обоза и тыловых служб и разрешил боевым частям двигаться в Желтоярово через деревни Нижние и Верхние (Новоостроподь) Бузули. Вскоре после того, как повстанцы оставили разъезд, его заняли японцы.

В результате, лазарет, тыловые службы и безоружная масса добровольцев и возчиков обоза, всего более тысячи человек, оказались отрезаны от своей армии и рассеяны. Лишь часть из них смогла добраться тайгой до основных сил. Японцам удалось захватить в Чудиновке несколько десятков оставленных там тяжело раненных и больных повстанцев, которые были тут же убиты, а по некоторым данным и сожжены в местной школе, приспособленной под лазарет после первого Чудиновского боя.

Отдохнув два дня в Желтоярово, повстанческая армия, присоединив к себе местные небольшие отряды повстанцев и остатки рассеянных японцами тыловых подразделений, направилась вновь в Зазейский район. После Чудиновского боя ей больше не удалось добиться громких побед и во второй половине марта – начале апреля 1919 года она была постепенно распущена по домам.

С этого момента началась собственно партизанская борьба небольшими мобильными отрядами против органов существующей местной власти, транспорта и отдельных гарнизонов японских войск. Целью такой борьбы, вплоть до осени 1919 года, было разрушение тыла белогвардейцев, чтобы помочь Красной армии справиться с Колчаком. А когда на Амур пришли вести о поражениях колчаковцев на Урале и в Западной Сибири, началось новое массовое наступление партизан, которое привело к падению белого режима и уходу интервентов из области в феврале – марте 1920 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Расчёт численности дан на период русско-японской войны 1904–1905 гг.

[2] Сейчас это д. Дубовка

[3]Такого населённого пункта в Амурской области не существовало.

[4]Точного штатного состава японских частей и подразделений на 1919 год найти в источниках не удалось, поэтому здесь дана их численность периода русско-японской войны, приведённая военным историком А.А. Строковым. Строков не указывает численность японских частей мирного времени, поэтому она рассчитана приблизительно, на основании процентного соотношения численности мирного и военного времени для других периодов. В 1879 году роту мирного времени составляли в японской армии 5 офицеров и 187 нижних чинов, а в военное время, соответственно, 6 и 267 (Япония // Военный сборник, № 2. 1879: www.vostlit.info/Text/Dokumenty/Japan/XIX/1860-1880/V_N/text1.phtml?id=13844), то есть рота мирного времени составляла 72 % роты военного времени. К середине 20-х годов рота мирного времени составляла 6 оф. и 160 н. ч., а военного – 5 и 235 (Е.И.Мартынов. Реорганизация армий и современное их устройство.// Свечин А.А. Россия в Первой Мировой. Великая забытая война. – mirror7.ru.indbooks.in/?p=12322). Это 70 % от численности военного времени. Во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг., по свидетельству российского военного историка А.А. Строкова, в японской роте числилось 5 оф. и 221 н.ч., а в батальоне – 28 оф. и 927 н. ч. (А.А. Строков. История военного искусства. С. 58) 70 % от роты – это 158 человек, а 72 % – 163. 70 % от батальона – 669 человек, а 72 % – 688.

По-видимому, и сам Г.С. Дрогошевский придерживался такого же мнения. В том же протоколе допроса он указывал, что в Малой Пёре (Сукромлях) повстанцами было уничтожено около 50 японцев [28., Л. 61]. По численности, это мог быть только взвод. Если вычесть его из состава двух рот (по 3 взвода в каждой), то останется 5 взводов. 250 человек – это сумма пяти взводов по 50 человек в каждом.

[6]Юхта – ближайшая к разъезду Черновский станция со стороны г. Свободного. Поскольку официальным временем создания этой станции сегодня считается 1926 год, то в 1919 году наименование «Юхта» могло использоваться для обозначения Черновского разъезда (он расположен рядом с речкой Юхта).

[7]Речь здесь идёт о раненых и больных повстанцах, за которых отвечал сам Безлепкин.

[8]Текст дан с минимальной литературной правкой (убраны стилистически лишние элементы) – Ю.Т.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, А. В. Амурские партизаны / А. В. Агеев. – Хабаровск, 1974. – 255 с. : ил.
2. Агеев, А. В. Генрих Дрогошевский / А. В. Агеев. – Хабаровск, 1967. – 79 с.
3. Автобиография И.Т. Воронцова // Краеведческий музей г. Свободного. Л. 1.
4. Безродных, И. Амур в огне / И. Безродных. – Хабаровск : Дальгиз, 1932.
5. Безродных, И. Амур в огне / И. Безродных // Красный остров. – Хабаровск, 1967.
6. Безродных, И. Бои повстанческой армии / И. Безродных // Таёжные походы. – Хабаровск, 1972.
7. Воронцов, И. Мухинское восстание / И. Воронцов // Красный остров. – Хабаровск, 1967.
8. Воронцов, И. Т. Партизанское движение на Амуре / И. Т. Воронцов // ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 248.
9. Воспоминания Безлепкина от 14 февраля 1929 г. // ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 243.
10. Воспоминания Безродных И. // ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 257.
11. Воспоминания бывшего красного партизана И.Т. Воронцова // ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 268.
12. Гранкин, Н. М. Краткое описание революционных событий и гражданской войны в Амурской области / Н. М. Гранкин // ГААО. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 6.
13. Доклад начальника Амурской уездной милиции // ГААО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 1.
14. История Амурской области : учеб. пособие для учащихся общеобразоват. учреждений Амур. обл. – Благовещенск, 2005. – 304 с.
15. История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1. – Благовещенск, 2003. – 631 с.
16. Красный остров. – Хабаровск, 1967. – 360 с. : ил.
17. Кургузов, С. Амурские партизаны : воспоминания о партизан. движении в Амур. обл. за 1918–1919 гг. / С. Кургузов. – Хабаровск : Книж. дело, 1929.

18. Летопись Амурской области. Т. 2. – Благовещенск, 2001. – 160 с. : ил.

19.Мартынов, Е. И. Реорганизация армий и современное их устройство [Электронный ресурс] / Е. И. Мартынов. – Режим доступа: https://military.wikireading.ru/10927.

20. Малышев, В. П. Борьба за власть Советов на Амуре / В. П. Малышев. – Благовещенск, 1961. – 382 с.

21. Наше дело. – 1919. – 4 марта.

22. Никифоров, П. М. Записки премьера ДВР / П. М. Никифоров. – Москва, 1963. – 287 с.

23. Памятники истории и культуры Амурской области. – Благовещенск, 1991. – 136 с.

24. Партизанские воспоминания т. Кургузова // ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 257.

25. Приамурская жизнь. – 1919. – 7 марта.

26. Раков, И. Партизанская борьба на Амуре / И. Раков // В огне революции : сб. ст. и воспоминаний о революц. событиях на Дал. Востоке. – Хабаровск, 1927.

27. Рукопись И. Матвеева // ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 261.

28. Следственное дело Дрогошевского // ГААО. Ф. 987. Оп. 1. Д. 9.

29. Строков, А. А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца 1-й мировой войны 1914–1918 гг.) / А. А. Строков. – Москва : Воениздат, 1967. – 720 с.

30. Таёжные походы. – Хабаровск, 1972. – 750 с. : ил.

31. Чернов, И. Таёжная армия / И. Чернов // Партизанские повести. – Хабаровск, 1982.

32. Шурыгин, А. Гражданская война в Дальневосточном крае : краткий очерк / А. Шурыгин, З. Карпенко // Борьба за Советский Дальний Восток (1918–1922 гг.). – Хабаровск : Дальгиз, 1938.

33. Япония [Электронный ресурс] // Военный сборник. – 1879. – № 2. – Режим доступа: www.vostlit.info/Text/Dokumenty/Japan/XIX/1860-1880/V_N/text1.phtml?id=13844.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Книга посвящена 100-летию со дня образования органов внутренних дел Амурской области и 300-летию образования российской полиции. Составитель – В.Е. Гамерман, пенсионер МВД, подполковник внутренней службы в отставке, бывший начальник отдела информации и общественных связей УВД Амурской области.

В книгу вошли материалы из государственных архивов Амурской области, Дальнего Востока, из фонда музея УМВД России по Амурской области, из личных архивов ветеранов органов внутренних дел. Все важные события, которые были в жизни амурской милиции-полиции, документально подтверждены. Авторами и составителями книги проделана колоссальная работа по изысканию, изучению и отработке исторических материалов. Благодаря их кропотливому труду, сегодня со страниц книги перед нами восстает история амурской полиции в разные временные отрезки, начиная с XVIII века и заканчивая нашей современностью.

Отличная полиграфия, удачная цветовая гамма, сдержанный дизайн, обилие исторических и современных фотографий, четкое, последовательное изложение фактов – сделали книгу уникальной.

Книга «Амурские стражи правопорядка: из года в год, из века в век» УМВД России по Амурской области – победитель конкурса краеведческих изданий «Мой край» XI межрегиональной издательской выставки «Амурские книжные берега» в номинации «Люди нашего края» (2018).

В.А. Самохвалова,
старший референт отдела информации
и общественных связей УМВД России
по Амурской области,
старший лейтенант внутренней службы
О.С. Федотова,
старший специалист первого разряда отдела
информации общественных связей
УМВД России по Амурской области

100-ЛЕТИЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИАМУРЬЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ключевые слова: органы правопорядка Приамурья, амурская милиция, амурская полиция, становление, развитие, усовершенствование системы внутренних дел, укрепление правопорядка, борьба с преступностью, реформа МВД.

В статье прослеживаются особенности становления и развития органов внутренних дел Приамурья, которые ведут свою историю с 18 марта 1918 года. За вековую историю полицией вписано немало ярких страниц в летопись региона. Текст подготовлен авторами по материалам опубликованных ранее документальных источников по истории различных структур Управления МВД России по Амурской области и деятельности стражей правопорядка по борьбе с преступностью, защите национальных интересов государства, обеспечению безопасности граждан.

100 лет назад начался новый этап в становлении органов правопорядка Приамурья. 18 марта 1918 года Совет Народных Комиссаров исполкома рабочих, солдатских и крестьянских депутатов издал постановление «Об организации штаба Красной гвардии и увеличении численности Красной гвардии и милиции». Эта дата считается днём образования органов внутренних дел Приамурья.

За вековую историю полицией вписано немало ярких страниц в летопись региона. Стражи правопорядка вместе со своими земляками с честью принимали испытания, уготованные им судьбой. Стойко их преодолевали и разделяли с жителями Приамурья радость побед и свершений, вкладывая в это все свои силы, рискуя, а, порой и жертвуя своими жизнями.

Во все времена они с честью выполняли свою неизменную задачу: вести непримиримую борьбу с преступностью, стоять на защите национальных интересов государства, оберегать покой и безопасность граждан.

В постановлении об учреждении рабоче-крестьянской милиции говорилось: «В милицию должны быть принимаемы лица по особой рекомендации, заведомо люди честные и верные советской власти…».

В Амурской области Управление в то время называлось милиционным, а во главе стоял комиссар по охране города Георгий Митин. Личный состав насчитывал всего 250 человек. Гражданская война, японская интервенция, крайне высокий уровень преступности определяли в те годы характер деятельности органов правопорядка в Приамурье.

По архивным данным в Амурской губернии в 20-х годах орудовало более 30 банд. В их числе банда Рязанцева-Сапожникова, численностью около 80 штыков и 20 сабель. Преступное формирование удалось уничтожить в 1923 году. Немало проблем доставляли так называемые хунхузы – члены китайских банд, орудовавших в районах золотодобычи. Старейшее издание Приамурья – газета «Амурская правда» в 20-е годы писала: «…*В районе села Малая Тыгда появилась крупная хунхузническая группировка силой до батальона. Возглавляет её Фу И – хунхуз опытный, бывалый, хорошо знакомый амурчанам по предыдущим рейдам на прииски. И что особенно тревожно, помощником у Фу И русский есаул Жадов*…».

Для того чтобы уничтожить банду хунхуза Фу И, был сформирован специальный батальон, возглавляемый главой зейской уездной милиции Георгием Зацерманом. Банду разгромили при переправе через реку Гилюй.

Ликвидация банды в китайском квартале.

Милиционерам удалось искоренить бандитизм на Амурской земле. А к 1927 году раскрываемость преступлений в области достигла 80%. Об этом так же свидетельствует газета: «…*Первое место по Дальневосточному краю по успешности борьбы с преступностью заняли в этом году угрозыск и милиция Амурской области. Научно-регистрационное бюро амурского угрозыска в Благовещенске также стоит на первом месте. По механическому розыску оно дало большее количество опознаний, чем в Москве…*».

Советскому народу в 20 веке пришлось выдержать тяжелейшее испытание – Великую Отечественную войну. В первые дни войны около четверти личного состава амурской милиции ушло на фронт добровольцами. На полях сражений под Москвой и Ленинградом, на берегах Волги и Днепра, Чёрного и Белого морей, всюду на фронтовых дорогах в рядах Красной армии сражались сотрудники амурской милиции, а те, кто остался, обеспечивали правопорядок в тылу и вели беспощадную борьбу с преступностью.

Сержант милиции Горбань Григорий Иванович из Тамбовского РОМ был на фронте разведчиком. Не раз он, уходя в тыл врага, добывал ценные сведения, за что был награждён медалью «За отвагу». В феврале 1944 года Г.И. Горбань погиб в боях под Сталинградом.

Не вернулись в родные края бывшие сотрудники амурской милиции: Николай Михайлович Баранов из Свободненского ГОМ, милиционеры из Белогорского ГОМ – Василий Васильевич Павлов, Дмитрий Павлович Чучукалов, Иван Егорович Незнамов и многие другие.

За героизм и мужество, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны орденами и медалями награждены С.В. Егоров, М.Т. Крамарчук, М.В. Волохов, В.К. Куксевич, Г.Ф. Кротов, Г.Г. Грушко и многие другие. После войны они долгие годы служили в амурской милиции.

Те, кто в годы войны оставался в тылу, отдавали все свои силы, опыт и знания защите от внутреннего врага. Эти милиционеры имели свой фронт – обеспечение правопорядка и борьба с преступностью. Наиболее характерными видами преступности, с которыми пришлось вести борьбу сотрудникам органов внутренних дел, были кражи личного и государственного имущества, грабежи, спекуляция и мошенничество.

Сотрудникам по борьбе с хищениями социалистической собственности (БХСС) приходилось много заниматься и такими важными в то время вопросами, как пресечение преступлений, связанных с хищением карточек на продовольственные товары. Для предотвращения подобных преступлений аппаратом БХСС была проведена сплошная проверка правильности выдачи карточек населению. В ходе проверки выявлено 3,2 тысячи человек, незаконно получавших хлеб и снабжавшихся по повышенным нормам. В одной из артелей некий Андреев семь месяцев получал продовольственные карточки на несуществующую изыскательную партию.

В послевоенные годы происходило усовершенствование системы органов внутренних дел нашей области. В Приамурье тогда были созданы моторизованные части ППС, образована вневедомственная охрана и другие подразделения.

Сборы оперуполномоченных (1948 год).

Станислав Андреевич Меньшиков.

Главной задачей милиции стала ликвидация последствий войны в области укрепления правопорядка и борьбы с преступниками. Особую остроту приняла борьба с посягательством на жизнь и здоровье людей, государственную собственность и личное имущество. Пристальное внимание милиции было обращено на ликвидацию воровских и грабительских шаек.

Приход в милицию офицеров и солдат Советской Армии и передача опыта старшими коллегами оказали самое благоприятное воздействие на укрепление дисциплины, повышение оперативно-служебного мастерства личного состава. Благодаря С.А. Меньшикову и его учителю, начальнику отдела уголовного розыска П.И. Фомину, который с 1921 года начинал служить в Амурском уголовном розыске, была ликвидирована жестокая банда «Три валета».

После войны с конца 1946 по осень 1947 участились налёты и грабежи. Бандиты нападали преимущественно на китайские семьи, которые занимались старательством на таёжных реках. После налётов бандиты никого не оставляли в живых. В общей сложности на их счету было более 70 убийств. На месте преступления они всегда бросали три карты – три валета. На психику местных жителей это действовало угнетающе, распространялись невероятные слухи о могуществе и неуловимости бандитов.

В управлении уголовного розыска было известно, что банда базируется в тайге и «на дело» выходит только накануне запланированного преступления. По оперативным данным, один карточный шулер хорошо знал главаря банды Владимира Мальцева. Через него и был в банду внедрен 23-х летний молодой милиционер, только что вернувшийся с фронта, Станислав Андреевич Меньшиков.

Он получил задание: найти место, где скрывается банда, проникнуть в неё, выдавая себя за вора-одиночку, узнать адрес очередного налёта. По легенде, он был вором, который сбежал из лагеря. Чтобы войти в доверие к бандитам, Станиславу Андреевичу даже пришлось поработать налётчиком.

На очередной грабёж вышла почти вся банда. На складе, который планировалось ограбить, их ждала засада. В тот же день на воровской малине взяли и главаря – самого Мальцева. Такая же участь постигла и его двоих помощников. Тоже, к слову, Владимиров, потому и «Три валета».

Мальцеву удалось бежать. Камера смертников старой хабаровской тюрьмы располагалась на последнем, четвёртом этаже. Там было много народа, всё время шумно, и под этот шумок «главный валет» алюминиевой ложкой расковырял стену, сделал выход наружу, а потом, связав располосованный матрас, спустился вниз. Немаловажная деталь: бежать с ним никто не решился, потому что все подали кассационные жалобы и надеялись на помилование, поэтому Мальцев совершил побег один.

«Главный валет» решил пересидеть у какой-то своей знакомой, которая через несколько дней, сказав, что ей нужно в магазин, сообщила в милицию, где скрывается бандит. Его взяли, и только тогда он узнал, что был единственным из камеры смертников, который, подав прошение о помиловании, получил амнистию как человек, побывавший на фронте.

Незадолго до расстрела главаря банды состоялась встреча Меньшикова с Мальцевым. С.А. Меньшикова интересовало, почему бандиты так жестоко расправлялись со своими жертвами. В ответ Мальцев заявил, что они хотели всего-навсего «перещеголять» знаменитую банду «Чёрная кошка». Каково же было разочарование Мальцева, когда узнал, что такой банды никогда не существовало. Падкая до слухов молва сочинила небылицы, в которые поверили даже такие матёрые бандиты.

В 1953 году количество преступлений в стране резко возросло, что во многом было результатом амнистии, объявленной после смерти Сталина.

Алексей Аксютченко, имевший за плечами боевой опыт, медали и ордена, пришёл в областной отдел уголовного розыска в 50-м году. В 1952-м он возглавил Свободненский уголовный розыск. Это он в 53-м после погромов в Белогорске, Серышеве встречал поезда с амнистированными заключёнными, выставляя тройное оцепление. Это он лично арестовал в поезде № 73 вора в законе Торпеду, приказал стрелять на поражение во взбунтовавшихся уголовников. Загнал всех в вагоны и отправил в западном направлении. Такой масштабной операции на Дальнем Востоке никто и никогда не проводил.

В 1956 году управление внутренних дел преобразовали в УВД Амурского облисполкома. На вооружение органов внутренних дел поступала современная техника, совершенствовалась структура службы, формы и методы работы, укреплялись связи с общественностью.

Реальные признаки улучшения положения дел амурской милиции обозначились со второй половины 60-х годов. С этого времени начинается интенсивный поиск новых организационных форм охраны порядка и борьбы с преступностью, обновляется нормативно-правовая база.

В августе 1967 года в селе Новый Янкан Джелтулакского района (ныне Тындинский район) было совершено первое в истории амурского сыска заказное убийство. Тогда в окно жилого дома бросили две бутылки, начинённые взрывчаткой. Мужчина, находившийся в квартире, скончался. Павел Филиппов, начальник областного отдела уголовного розыска, расследуя преступление, попутно раскрыл двойное убийство – продавца и сторожа магазина.

В 70–80-е годы значительное внимание уделялось вопросам профилактики преступлений и правонарушений, а также взаимодействию с общественностью. Этот период характеризовался раскрытием глубоко замаскированных хищений, совершавшихся в системе торговли, общественного питания, пищевой промышленности. Не утихала борьба со спекуляцией.

В ноябре 1981 года сотрудниками подразделений БХСС было завершено расследование уголовного дела по факту укрытия промтоваров заведующими отделами магазина № 1 Завитинского кооптрга Булак и Павлюк, а также Кошкиной, которая, работая начальником отдела снабжения Свободненского завода силикатных материалов, в феврале 1980 годов скупила с целью спекуляции несколько ковров и дорожек.

Сотрудники ОБХСС раскрыли хищение денежных средств путём подлога в бухгалтерии Сивакского леспромхоза, в котором бухгалтер Криворотова с 1970 по 1980 годы похитила 6442 рубля, за что была осуждена к 8 годам лишения свободы.

Аппаратом БХСС в течение 1980–1981 гг. вскрыто несколько групповых крупных хищений в торговле в городах Благовещенске и Белогорске. Товарный дефицит, гонка цен стимулировали рост преступлений в сфере экономики.

В 1983 году восемь томов уголовного дела было исписано Галиной Никитичной Абросимовой, следователем следственного отделения Благовещенского РОВД, чтобы доказать вину обвиняемых в хищениях из магазина села Марково Благовещенского района. Полгода потребовалось следователю и ревизорам для проверки финансовой деятельности пищеторга. Простое вроде бы дело тянуло за собой много вновь открывающихся обстоятельств. На стол следователя легли кассовые ордера на имена несуществующих работников. Предстояло разобраться в этих многочисленных ордерах и определить степень участия в хищениях каждого фигуранта дела. Десятки подписей под финансовыми документами были представлены на экспертизу. Заключения экспертов помогли установить степень виновности каждого из группы расхитителей. Многочисленные факты неопровержимо доказали виновность лиц в хищении 12 тысяч рублей. Под тяжестью предъявленных документов, свидетельских показаний, заключений почерковедческих экспертиз группа работников пищеторга была полностью изобличена в преступных действиях и предстала перед судом.

34 года жизни отдал следствию Юрий Левченко, 14 из которых он возглавлял следственную часть, был заместителем начальника следственного управления при УМВД России по Амурской области. А начинал службу после окончания Высшей школы милиции в далёком 1987 году в Соловьёвске, где только создали новое поселковое отделение милиции.

Юрий Левченко.

Недалеко от отдела было строительно-монтажное управление. Как-то приходит Ю. Левченко на работу – звонок: проникновение в контору. Похитили всю зарплату сотрудников, которую они накануне получили из банка, в сейфе лежало десять с лишним тысяч! По тем временам это было хищение в особо крупном размере. По этой статье даже смертная казнь была предусмотрена. Было это в 1989 году. В Соловьёвск прибыл начальник Тындинского ГРОВД Георгий Емельянович Филиппов с лучшими сыщиками района. Из Благовещенска отправили на подмогу «тяжеловесов» областного УГРО. Преступление было неочевидным, никаких зацепок на первый взгляд. И всё же маститые сыщики нащупали верный след. Всей бригадой поехали проводить обыск в дом к одной старушке на окраине посёлка, у которой подозреваемый прятал похищенное. Проверили всё: дом, сараи, кухни, подполье – ничего не нашли. При повторном осмотре подполья Юрий Левченко всё же нашёл эти деньги. Там стоял фундамент от печки, огороженный деревянными досками. И от стенки небольшой проход, особо незаметный. В первый раз потрогали со всех сторон, вроде нет ничего. А во второй раз с трудом что-то нащупали. Кое-как достали: вот они – банкноты в банковской обёртке, завернутые в целлофан! Почти вся сумма. А потом нашли ещё и припрятанные ценные вещи, которые злоумышленник похитил из домов односельчан. Раскрыли по ходу и другие преступления.

В 1991 году после того как распался Союз Советских социалистических республик, стражам правопорядка предстояло побороть огромный всплеск преступности, работать в сложнейшей социально-экономической ситуации. Амурские милиционеры с честью выдержали и это испытание, сохранили и приумножили традиции ветеранов.

6 марта 1991 года Верховный Совет СССР принимает Закон СССР «О советской милиции», а 18 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР – Закон РСФСР «О милиции». В соответствии с данным Законом Милиция РСФСР подразделяется на криминальную и милицию общественной безопасности (местную). Основными задачами милиции общественной безопасности определены: обеспечение личной безопасности граждан, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, раскрытие преступлений, по делам о которых производство предварительного следствия не обязательно, а также оказание в пределах компетенции милиции помощи гражданам, должностным лицам, предприятиям. В состав милиции общественной безопасности входят дежурные части, подразделения патрульно-постовой службы, ГАИ, охраны объектов по договорам, участковые инспекторы милиции, изоляторы для временного содержания задержанных и заключённых.

В 1992 году Россия была вынуждена пойти на беспрецедентные в своей истории экономические перемены. За короткий срок было трудно сбалансировать принимаемые экономические решения с всесторонним законодательным оформлением. Появились новые пре-

ступления, с которыми подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП) никогда ранее не сталкивалась.

В этот год был изобличён в неоднократном получении взяток и осуждён директор Амурского областного центра стандартизации и метрологии, предотвращено хищение мошенническим путём с помощью поддельных чеков «Россия» денежных средств из банковских учреждений области гражданами Чечни братьями Албаковыми. В 1994 году сотрудниками службы была раскрыта межрегиональная преступная группа, занимавшаяся изготовлением и реализацией поддельных денег. При обыске изъято фальшивых денег на сумму более 35 миллионов рублей.

«...Директора малого предприятия «Диамант» взяли в банке вместе с чеком «Россия» в руках. Чек был на 239 миллионов. Два других чека, поддельные паспорт и водительское удостоверение следователь Сергей Григорьевич Пономарёв обнаружил в двух номерах благовещенской гостиницы «Зея». Занимали номера чеченцы.

Из банка поступило сообщение в УВД, что клиенты пытаются получить по трём чекам «Россия» денежные средства в общей сумме 439 миллионов рублей. В 1992 году недельный оборот всей Амурской области составлял всего 500 миллионов. В 1991 году было принято решение выпустить банковские чеки с патриотическим названием «Россия» для обналичивания крупных сумм. В системе получения денег по этим чекам были существенные недоработки. Приходишь в банк, приносишь чек, сопроводительный документ. Тебе выдают указанную сумму и только после этого обращаются за возмещением в банк, который этот чек выдал. Пока шли проверки и выяснение обстоятельств, граждане с полученными по фальшивым чекам деньгами исчезали.

Бланки чеков вместе с банковскими картами отпечатали за границей, а пока везли в Россию, несколько мешков с ними «якобы потеряли». Учёт документов перед перевозкой не проводился. Потерянные бланки разошлись по стране. Кто-то их «нашёл», проставил своей рукой сумму прописью, самодельную печать и отнёс в один банк, другой, третий. Хотя продолжалась такая выдача всего несколько месяцев, страна успела потерять миллиарды. Братья Руслан и Беслан Албаковы рассчитывали, что пройдет так же. Руслан вышел на директора фирмы «Диамант», которого попросил зачислить деньги по обналиченным чекам на свой счёт, пообещав, что половина отойдёт предпринимателю. Прогорели – случайно. Им просто не повезло. За четыре дня до подачи их чеков в благовещенские банки сверху пришёл приказ: сначала проверить, а уж потом выдавать. И как это кто-то догадался, что так будет разумнее. А вскоре чеки «Россия» и вовсе отменили. Подай братья Албаковы свои чеки на четыре дня раньше и, возможно, ушли бы из области 500 миллионов в неизвестном направлении.

Начались проверки, и С.Г. Пономарёв с сыщиками пришли в гостиницу. На допросах братья отрицали всё, отрицали даже после проведения графологической и прочих экспертиз. «Ничего не знаем, – твердили братья. – И о том, что чеки фальшивые, понятия не имели».

Следователь следственного управления Пономарёв С.Г. отправился в Ингушетию. Самолёт летел полупустой, желающих побывать в этой воюющей державе величиной с наш

Тамбовский район было немного. Местный начальник милиции помогать в работе отказался. Посмотрел фамилии Руслана и Беслана и дал понять, что связываться с ними не будет, машину не дал, людей тоже. И всё-таки, пользуясь своими, только ему ведомыми каналами, Пономарёв необходимую информацию добыл.

После доработки материалов дело было направлено в суд и назначено к слушанию. Несмотря на то, что братья по-прежнему всё отрицали, судья вынес жёсткий приговор: 8 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Но ни Руслан, ни Беслан сидеть восемь лет не желали и подали кассацию в областной суд.

Вскоре состоялось заседание коллегии областного суда. Члены коллегии по уголовным делам Амурского областного суда вынесли решение: дать четыре года условно и освободить из-под стражи незамедлительно. После протеста прокурора президиум областного суда признал решение коллегии ошибочным. Поскольку братья к тому времени скрылись, был объявлен их розыск…».

Работа органов внутренних дел в 1990-е годы проходила в сложной оперативной обстановке, которая была связана, прежде всего, с процессом консолидации криминальной среды, профессионализмом и организованностью преступников, их технической оснащённостью и вооружённостью. Остро встала проблема выработки концепции борьбы с преступностью. В результате удалось раскрыть самые серьёзные преступления того времени.

Май 1992-го – ликвидирована и осуждена группа: Гасынов, Бабаев, Сулейманов, Исмайлов.

Апрель 1994-го – Раздобреев и Данько в Белогорске убили трёх человек – двух женщин и мужчину.

Июнь 1996-го – обезврежен Косицын и группа преступников, занимающихся вымогательством.

Ноябрь 1997-го – мужчина в Свободном поднял гирю – прогремел взрыв приделанного к ней самодельного устройства.

Январь 1998-го – раскрыто дело по минированию автомобиля на территории Внешторгбанка. Разгромлено несколько группировок, промышлявших кражами и вымогательством.

В начале 2000-х годов были преодолены тяжёлые последствия экономического кризиса 1998 года и началось постепенное оживление различных сфер жизни. В стране происходило немало ярких, запоминающихся событий. Были они, конечно, и в жизни амурских правоохранителей. Тогда ещё никто и подумать не мог, что буквально через десять лет милиционеров не станет совсем…. Их сменят полицейские! Но обо всём по порядку.

В августе 2001 года амурские милиционеры по «горячим» следам установили местонахождение и задержали двух жителей Благовещенска, похитивших и удерживающих двух девушек 16 и 17 лет с целью получения за них выкупа. Преступление отличалось от тех, с чем стражи правопорядка сталкиваются ежедневно. Действовать необходимо было оперативно, но грамотно. Профессионализм амурских оперативников не подвёл! Заложницы были спасены, а преступники – задержаны.

В 2003 году УВД по Амурской области возглавил Юрий Фокин.

Согласно Постановлению губернатора Амурской области от 15 июля 2003 года № 495 «О численности милиции общественной безопасности УВД Амурской области»

был установлен лимит численности милиции общественной безопасности (МОБ) УВД Амурской области. На тот момент он составил 2684 единицы.

«Громким» раскрытием запомнился год 2004-й в истории амурских ОВД. О нашумевшем деле, так называемой «февральской банде» знали не только в Приамурье, но и в других регионах страны. Преступное сообщество действовало на территории Магдагачинского, Селемджинского районов и города Благовещенска в период с 2001 по 2004 год. На их счету более 30 преступлений. Среди них – организация двух банд, два убийства, четыре разбойных нападения, пять вымогательств, три грабежа, пять эпизодов преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом оружия, и другие преступления.

Активная работа по задержанию членов группировок началась весной 2004 года. В июле 2006-го прошло первое судебное заседание. 18 июня 2008 года закончилось самое масштабное дело в истории судебной системы Амурской области. На скамье подсудимых оказались сразу 30 человек. Приговор занял 2,5 тысячи страниц. В общей сложности на всех он составил более 200 лет лишения свободы.

2004-й год был богатым и на другие победы, в прямом смысле этого слова. В июне в городе Энгельсе Саратовской области завершился чемпионат страны по борьбе самбо среди ветеранов. Спортивную честь Приамурья защищал на этих соревнованиях майор милиции тренер Благовещенской СДЮШОР N 5 Владимир Архипов. Защитил на «отлично», победив во всех четырёх схватках в весовой категории до 82 килограммов среди спортсменов 45–50 лет.

Следующий, 2006 год, прошёл под знаком доверия граждан к органам внутренних дел. При этом отмечался небольшой рост тяжких преступлений. Однако, как сами правоохранители, так и жители Приамурья, отмечали, что связано это не с тем, что грабить и убивать стали больше, а с тем, что амурчане стали больше доверять органам внутренних дел и обращаться с заявлениями.

Зафиксирован в 2006 году был и необычный факт в работе наших милиционеров. Сотрудники ГИБДД на сутки остались без работы! 27 июня в областном центре не произошло ни одной аварии, а на территории всего Приамурья зарегистрированы только мелкие ДТП без пострадавших.

2009 год – это время, когда было зафиксировано снижение преступности по всем направлениям, даже убийств было намного меньше, чем в предыдущие годы. Но то, что случилось в Шимановске, осталось в памяти у всех на многие годы. Это преступление было одним из самых трудных. Но милиционеры и думать не хотели, что оно может остаться нераскрытым. Жесточайшее убийство двух девочек – двоюродных сестёр 7 и 9 лет – произошло в Шимановске в конце мая. Для поиска убийцы был создан оперативный штаб, в состав которого вошли следователи, милиционеры, криминалисты из областного центра. В течение трёх месяцев специалисты вели кругло-

суточную работу по поиску детоубийцы. Дело находилось под личным контролем губернатора Олега Кожемяко. В конце августа правоохранители задержали преступника. Им оказался 39-летний водитель районной администрации. В дальнейшем преступник был приговорен к пожизненному лишению свободы.

В 2009 году по инициативе Президента Российской Федерации началась реформа Министерства внутренних дел. Её главной целью являлось повышение эффективности правоохранительной системы России, борьбы с коррупцией и улучшение имиджа правоохранительных органов.

Знаменательным для истории органов внутренних дел, в том числе и Амурской области, стал 2011 год. В это время прошла масштабная реформа МВД России. 1 марта в законную силу вступил Федеральный закон «О полиции». Теперь сотрудников органов внутренних дел, успешно прошедших аттестацию, стали называть не «милиционерами», а «полицейскими».

Николай Николаевич Аксёнов (2011 год).

Спустя чуть более месяца, стало известно, кто возглавит ОВД Приамурья. Юрия Фокина, успешно руководившего УВД более семи лет, сменил на посту Николай Аксёнов. 14 апреля 2011 года Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев подписал Указ о назначении начальником УМВД России по Амурской области Н.Н. Аксёнова, ранее возглавлявшего УВД по городу Норильску. Он приступил к своим обязанностям 3 мая 2011 года.

Генерал-майор полиции Н.Н**.** Аксёнов возглавляет органы внутренних дел Амурской области по сей день.

В 2011 году в районе ЗАТО Углегорск Амурской области начато техническое и эскизное проектирование космодрома «Восточный», который в дальнейшем станет первым Российским национальным космодромом гражданского назначения и позволит обеспечить полный доступ России в космическое пространство. К строительству приступили спустя год – в июле 2012. Эта стройка стала одним из самых значимых событий не только в жизни Дальнего Востока, но всей страны в целом. На постоянной основе в Амурскую область стал прибывать огромный поток рабочих, в том числе из других государств. Перед органами внутренних дел Приамурья встал ряд очень важных и сложных задач, одна из которых – обеспечение контроля над криминогенной обстановкой, недопущение её дестабилизации. Через несколько лет будет видно, что амурские полицейские успешно справились с поставленными перед ними задачами.

Непростым в истории органов внутренних дел Приамурья выдался 2013 год. Наводнение, произошедшее летом этого года, стало самым крупным за последние 125 лет. В зоне подтопления оказались населённые пункты двенадцати районов области, расположенные вдоль рек Зея, Амур и нижнего течения реки Бурея. Распоряжением губернатора Амурской области с 23 июля 2013 года был введён режим чрезвычайной ситуации. В этот момент дея-

тельность органов внутренних дел, также как и многих других ведомств, была направлена на борьбу со стихией и её последствиями. Для этого в УМВД России по Амурской области была создана группировка сил и средств, а также оперативный штаб. Сохранность материальных ценностей, в том числе, недопущение фактов мародёрства, обеспечение общественного порядка в зоне затопления, круглосуточно обеспечивали до 160 сотрудников органов внутренних дел. Сорок полицейских осуществляли охрану правопорядка на пунктах временного размещения граждан и местах хранения их имущества. На участках дорог, где произошло повреждение и полное разрушение дорожного полотна, мостов, и где перемещение транспортных средств стало небезопасным, было организовано регулирование и ограничение дорожного движения. После того, как наводнение отступило, начался этап ликвидации его последствий. И, конечно, полицейские принимали в нём непосредственное участие.

Сергей Мажей с подаренным автомобилем.

Открытие Приемной УМВД по оказанию государственных услуг.

В 2013 году участковый уполномоченный полиции МО МВД России «Благовещенский» Сергей Мажей занял первое место в ежегодном всероссийском конкурсе «Народный участковый». Амурчанин выиграл у соперников из 82 регионов с большим отрывом. За Сергея Мажея проголосовали более 8 тысяч человек. 17 ноября, в день 90-летия службы участковых уполномоченных, финалисты конкурса были награждены руководством МВД России в Москве. Народный участковый получил в качестве приза новый автомобиль «Нисан Джук».

2 апреля 2015 года в УМВД России по Амурской области открылась Приёмная по оказанию государственных услуг населению. В мероприятии приняли участие начальник областного Управления МВД Николай Аксёнов, тогда ещё врио губернатора Амурской области Александр Козлов, руководители подразделений УМВД. Главная задача приёмной – сделать процесс получения государственных услуг проще и доступнее.

28 апреля 2016 года состоялся первый запуск ракеты-носителя «Союз-2.1а» на орбиту с космодрома «Восточный». Со стороны органов внутренних дел Приамурья реализован значительный объём мероприятий по охране общественного порядка при проведении запусков на космодроме «Восточный». Организована работа Временного оперативного штаба УМВД и его рабочей группы. Выполнены поставленные перед органами внутренних дел задачи по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности дорожного движения при осуществлении запусков. В целом, проводимые Управлением МВД России по Амурской области организационные и практические меры позволили обеспечить надлежащий порядок и безопасность при проведении мероприятий государственного масштаба особого режима в ЗАТО.

Подписание Протокола о сотрудничестве.

16 мая 2017 года состоялось знаменательное событие в истории органов внутренних дел Приамурья. Благовещенск посетила делегация Управления общественной безопасности города Хэйхэ Китайской Народной Республики. Правоохранители приграничных регионов провели двустороннюю рабочую встречу. Руководители Управления МВД России по Амурской области Николай Аксёнов и Управления общественной безопасности города Хэйхэ Ден Фуцай в целях обеспечения защиты прав и свобод граждан сопредельных государств, безопасности их жизни и собственности, наращивания совместных усилий в борьбе с преступностью подписали Протокол о сотрудничестве. Согласно подписанному Протоколу в интересах развития и совершенствования двустороннего сотрудничества, стороны готовы оказывать взаимную помощь в розыске лиц, подозреваемых в совершении преступлений, скрывающихся на территории сопредельного государства, розыске без вести пропавших граждан и по другим направлениям оперативно-служебной деятельности.

Сегодня в Управлении Министерства Внутренних дел по Амурской области и его территориальных органах проходят службу свыше 4500 сотрудников. Это профессиональный коллектив, готовый оперативно и успешно решать поставленные перед ним задачи. Многие сотрудники органов внутренних дел Приамурья удостоены государственных и ведомственных наград. 35-ти полицейским присвоено звание Почётного сотрудника МВД Российской Федерации, 32-м – звание Заслуженного работника НКВД, МВД России. Среди стражей правопорядка 64 кавалера ордена Мужества, милиционеры Артур Волошин и Сергей Бондарев посмертно удостоены высшей награды страны – звания Героя Российской Федерации.

Управление МВД России по Амурской области – это современная, динамичная система, в которой ведётся укрепление оперативных служб, повышение материальной и технической оснащённости подразделений. Все силы полицейских направлены на сохранение стабильности и обеспечение благополучной, безопасной жизни людей. Амурская полиция, как и прежде, готова защищать граждан от любых криминальных угроз и недружественных замыслов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурская милиция: на страже правопорядка / под ред. А. И. Овчинникова, С. С. Павлюк, В. В. Пальчевского, Д. И. Беломестнова. – Благовещенск, 2002. – 148 с.

2. Гамерман, В. Е. В поисках истины. Амурское следствие: история в лицах / В. Е. Гамерман. – Благовещенск, 2013. – 268 с.

3. 90 лет амурской милиции / под ред. Д. И. Беломестнова. – Благовещенск, 2008. – 184 с.

4. Кудрявцев, С. М. Служба БХСС-БЭП Амурской области: от поколения к поколению / С. М. Кудрявцев. – Благовещенск, 2007. – 108 с.

5. Уголовный розыск Амурской области: история и современность / сост. Д. И. Беломестнов. – Благовещенск, 2003. – 148 с.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Информационно-методический сборник подготовлен в рамках межрегионального проекта «Маршрутом Чехова по Сибири на Сахалин», организованного Международным институтом стратегического проектирования города Омска (составитель – В.В. Соломенник).

Сборник состоит из нескольких разделов. В первом рассказывается о замысле и воплощении поездки А.П. Чехова на остров Сахалин. Второй раздел содержит материалы, освещающие пребывание знаменитого писателя в городе Благовещенске, предлагает обзор статей, описывающих сахалинское путешествие А.П. Чехова. Третий представляет опыт работы благовещенских учителей и библиотекарей, использующих краеведческий материал при проведении мероприятий, посвящённых жизни и творчеству А.П. Чехова, а также его пребыванию в Благовещенске. Последний раздел содержит список литературы о поездке А.П. Чехова на остров Сахалин, его путешествии по Амуру и двухдневном пребывании в Благовещенске (по 2013 год).

Путешествие Чехова по Амуру практически не исследовано, «а ведь Амур с его природой и местными реалиями произвели на Антона Павловича грандиозное впечатление». В сборнике представлена полная версия статьи В. П. Кобзарь «А.П. Чехов. Путешествие по Амуру в 1890 году».

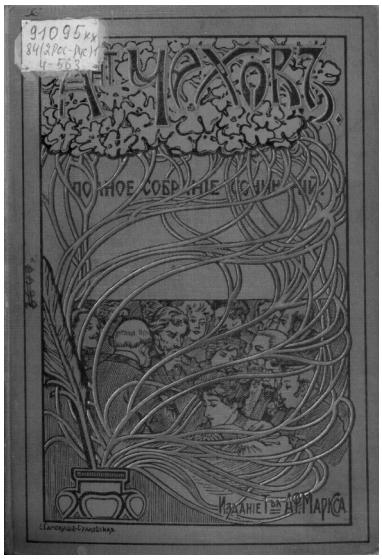
В.П. Кобзарь,
член Союза журналистов России
М.К. Чеснокова,
заведующий отделом краеведения
и редких книг Амурской
областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьёва-Амурского

«В ДРУГОЙ РАЗ БУДУ ОСТОРОЖНЕЕ». Прижизненные издания А.П. Чехова в фондах Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьёва-Амурского

Ключевые слова: книжная торговля, продажа произведений, прижизненное издание, рекордный тираж, полное собрание сочинений, отдельные тома, библиотека.

В статье рассказывается о первых прижизненных изданиях собрания сочинений А.П. Чехова, изданных в типографии А.Ф. Маркса, а также об отдельных томах из второго издания, и томе с очерками «Из Сибири» и «Остров Сахалин», хранящихся в отделе краеведения и редких книг Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьёва-Амурского.

Из всего дореволюционного наследия А.П. Чехова в отделе редких книг Амурской областной научной библиотеки имеется несколько томов из второго издания собрания сочинений писателя и отдельное издание книги «Остров Сахалин».



Том прижизненного собрания сочинений А.П. Чехова.

«Книжная торговля…»

Как книги, вышедшие в петербургском издательстве Маркса, оказались в Благовещенске? Возможно, они были куплены в одном из книжных магазинов: к 1913 году их в России было больше трёх с половиной тысяч.

«В самом непродолжительном времени мною открывается в Благовещенске книжный магазин в коем будут иметься книги по всем отраслям науки и знаний», – оповещает 23 июня 1896 года через «Амурскую газету» торговец по фамилии Иванов. В разные годы в Благовещенске действовали «книжная торговля В.М. Бутрякова», книжный и канцелярских принадлежностей магазин Н.Р. Смертина, книжный и писчебумажный магазин с переплётной З.А. Шалонина [1].

Книги можно было заказать непосредственно в издательстве. То же издательство Маркса выпускало так называемые «проспекты», в которых публиковался перечень планируемых к выпуску книг (на 1902 год такой проспект был напечатан тиражом свыше 400 000 экземпляров!). Выписывали книги частные лица, общественные организации, учебные заведения. Заботу о выписке или покупке книг брали на себя организации («Контора редакции газеты «Амурский край» принимает поручения на выписку книг»), отдельные лица («На имя директора реального училища от Г.П. Ларина из Москвы получено письмо, где он предлагает на выписку книг и пособий для училища 500 р. Ларин прислал каталог с просьбой указать, что надо выписать») [2].

Конечно же, были в Благовещенске и подписчики журнала «Нива», которые получили второе собрание сочинений А.П. Чехова бесплатно.

«Мне и продать хочется…»

Первые произведения – рассказы, сценки, юморески, афоризмы, шуточные объявления – А. П. Чехов начал печатать в 1880 году, когда ему было двадцать лет. Он сотрудничал более чем с десятью юмористическими журналами, в их числе «Осколки», «Стрекоза», «Спутник», «Зритель», «Будильник», «Сверчок», «Молва», «Новости дня», «Развлечение», «Мирской толк», «Свет и тени», «Волна».

Первый сборник рассказов «Сказки Мельпомены» Чехов выпустил в 1884 году на деньги, которые взял в долг. В 1887 вышел ещё один сборник рассказов «В сумерках». Он переиздавался двенадцать раз. В 1888 году за эту книгу Антон Павлович получил высшую литературную премию России – Пушкинскую.

В конце 80 – начале 90-х годов в разных изданиях печатаются новые сборники рассказов и пьес А.П. Чехова – «Хмурые люди», «Рассказы», «Пьесы», а также книга «Остров Сахалин».

Деловые отношения с редакциями газет и журналов, книжными издательствами, театрами, в которых ставились пьесы, отнимали очень много времени и сил писателя. «Если ты возьмёшься вести мои книжные дела, то я буду платить тебе 40 рублей в месяц – и мне будет выгодно, а то теперь мы терпим громадные убытки, – писал Антон Павлович сестре Марии в январе 1899 года, хотя, очевидно, не надеялся на помощь. – Это между прочим, a propos. Живи, как хочешь, и это будет лучшее, что ты можешь придумать» [3].

Как всегда, проблемы, в том числе финансовые, предстояло решать самому и Антон Павлович счёл необходимым продать своё право литературной собственности на всё, кроме пьес, издателю А.Ф. Марксу. «Мне и продать хочется, и упорядочить дело давно уже пора, а то становится нестерпимо», – пишет он П.А. Сергеенко в январе 1899 года [3]. Через несколько дней, в письме А.С. Суворину уточняет: «Главное побуждение: хочется привести свои дела <в> некоторый порядок» [3]. Кроме того, что договор с издательством А.Ф. Маркса избавлял Антона Павловича от издательских хлопот, он давал возможность получить, пусть частями, достаточно солидную сумму в 75000 рублей и в достойном виде выпустить первое собрание сочинений.

«Продажа, учинённая мною, может показаться невыгодной и, наверное, покажется таковою в будущем, но она тем хороша, что развязала мне руки и я, до конца дней моих, не

буду иметь дела с издателями и типографиями. К тому же Маркс издаёт великолепно. Это будет солидное издание, а не мизерабельное», – делится Антон Павлович в письме к сестре в январе 1899 года [3].

«Пошлите-ка Вы этого жулика…»

Что касается денег, Чехов оказался прав: Маркс выплачивал обещанное несколько лет небольшими частями, Чехову приходилось напоминать и даже просить, довольствуясь утверждёнными суммами, хотя росла не только его слава и популярность, росли и писательские гонорары. Сатирик Влас Дорошевич, современник Антона Павловича, писал, возмущённо: «В наше время, когда… 12 тысяч рублей в год – гонорар очень заурядного журналиста, а мало-мальски выдающиеся получают от 15 до 30 тысяч в год, – 75000 рублей «за Чехова» очень и очень маленький гонорар» [3].

Группа именитых литераторов, журналистов, артистов составила и намеревалась отправить Марксу письмо, в котором авторы с цифрами в руках доказывали, что условия договора кабальные, а оплата труда А.П. Чехова ничтожна, поэтому просили расторгнуть договор, чтобы дать писателю свободу и обеспеченность.

Подписали обращение среди прочих Ф. Шаляпин, Л. Андреев, А. Серафимович, В. Вересаев, Н. Телешов, И. Бунин, Н. Гарин-Михайловский. Узнав об этом письме, Антон Павлович попросил не отправлять его адресату. Просьбу уважили.

Антон Павлович Чехов.

Максим Горький обратился по поводу договора к самому Антону Павловичу и в выражениях не стеснялся. «Пошлите-ка Вы этого жулика Маркса ко всем чертям… Я от лица «Знания» (книгоиздательское товарищество «Знание» в Санкт-Петербурге) и от себя предлагаю Вам вот что: контракт с Марксом нарушьте, деньги, сколько взяли у него, отдайте назад и даже с лихвой, коли нужно. Мы Вам достанем, сколько хотите. Затем отдайте Ваши книги печатать нам, то есть входите в «Знание» товарищем и издавайте сами. Вы получаете всю прибыль и не несёте хлопот по изданию, оставаясь, в то же время, полным хозяином Ваших книг… Вы могли бы удешевить книги, издавая их в большем против Маркса количестве; Вас теперь читают в деревнях, читает городская беднота, и 1 р. 75 к. за книгу для этого читателя дорого. Голубчик! бросьте к черту немца! Ей-богу, он Вас грабит! Бесстыдно обворовывает!.. «Знание» может прямо гарантировать Вам известный, определённый Вами годовой доход, хоть в 25000. Подумайте над этим, дорогой Антон Павлович…» [3].

Антон Павлович подумал и ответил: «Я своей рукой подписывал договор с Марксом, и отрекаться мне от него неудобно. Если я продешевил, то, значит, я и виноват во всём: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожнее» [3].

А в письме А.С. Суворину в феврале 1899 года он пишет: «Я думаю так: продажа выгодна, если мне осталось жить недолго, меньше 5 -10 лет; и невыгодна, если я буду жить дольше» [3]. Земной жизни Антона Павловича оставалось только три с половиной года.

В плане финансов надежды писателя не оправдались, он не разбогател: деньги поступали на протяжении двух лет небольшими частями и улетучивались, как дым. Но в том, что касается типографского исполнения, – «Надо думать, что Маркс издаст мои сочинения великолепно», – писал Антон Павлович жене брата Ивана Софье Чеховой, – он оказался прав [3].

Первое прижизненное

Адольф Фёдорович Маркс. 90-е годы.

Адольф Фёдорович Маркс родился в Германии, в 21 год переехал в Россию, в 31 год основал в Санкт-Петербурге издательство. Самым известным изданием Маркса стал первый в России массовый иллюстрированный еженедельный журнал «для семейного чтения» – «Нива» (в 1903 году один номер журнала стоил 25 копеек без доставки, 30 – с доставкой). В журнале публиковались очерки и статьи по географии, истории, медицине, «наукам и искусству», рассказы, романы, повести, стихи русских и зарубежных авторов, а также репродукции с картин выдающихся художников и фотографии о важнейших мировых событиях. С 1879 года стали выходить бесплатные приложения к «Ниве» – картины, портреты, календари и т. д., а с 1894 года – собрания сочинений крупнейших русских и зарубежных писателей. Всего за 48 лет существования «Нивы» вышло 2500 номеров журнала и было выпущено более 50 миллионов экземпляров бесплатных приложений. Скончался А.Ф. Маркс 22 октября 1904 года. Откликаясь на уход издателя, «Книжный вестник» писал, что он «сделался генералом в издательской армии и, умирая, оставил миллионное дело, дома, типографии и громкое имя» [7].

В результате договора с издательством Маркса появились два издания собрания сочинений А.П. Чехова и книга «Остров Сахалин».

Над первым изданием собрания сочинений Антон Павлович трудился лично. В сжатые сроки нужно было разыскать и переписать рассказы и юморески, которые публиковались в самых разных периодических изданиях и сборниках в течение двадцати лет! В одиночку не справиться, и Антон Павлович подключает родных, друзей, знакомых. «Нельзя ли найти такого человечка, который взялся бы переписать всё, кроме романа "Ненужная победа", и прислать мне?» (в письме А.С. Лазареву (Грузинскому) 24 января 1899 г.); «Ты обещал сберечь рассказы "Печенег", "В родном углу" и "На подводе", которые печатались в "Рус<ских> вед<омостях>" в прошл<ом> году. Пришли бандеролью» (И.П. Чехову 31 января 1899 г.); «Если у Вас есть сборник "Призыв", изданный Гариным, то, пожалуйста; велите переписать два моих рассказа, помещ<ённых> в нём. Один подписан так: Лаэрт. Переписанные пришлите мне (Н.М. Ежову 5 февраля 1899 г.), «Будьте добры, наймите какого-нибудь человека или благонравную девицу и поручите переписать мои рассказы, напечатанные когда-то в "Петербургской газете" (Л.А. Авиловой 5 февраля 1899 г.), «Ступай в редакцию "Нового времени. …вели переписать рассказы "Скука жизни", "Учитель" и "Тяжелые люди» (Ал. П. Чехову 5 февраля 1899 г.) и так далее [3].

Многие из собранных рассказов Антон Павлович, как он пишет, «переделывал заново». Чехов собирал и редактировал свои произведения, держал корректуру, вёл интенсивную

переписку с типографией (в это время он жил в Ялте). Несмотря на очень напряжённую работу, которая его утомляла и иногда раздражала, он был уверен, что собрание сочинений выйдет достойным, и не ошибся.

Первое издание печаталось с 1899 по 1901 год. Маркс решил продавать книги не только комплектом, но и отдельными томами. Антон Павлович идею одобрил, поэтому на титульных листах не было слов «Собрание сочинений», не указывались номера томов.

Хотя и автор, и издатель называли готовящееся собрание сочинений полным, таковым оно не было: к началу издания Чеховым было написано около 750 произведений, в десять томов, вышедших при жизни Антона Павловича, вошло только 241 произведение, в том числе «Остров Сахалин».

Книги первого издания были дорогими: каждый том в картонном переплёте стоил 1 руб. 50 коп. без пересылки и 1 руб. 75 коп. с пересылкой (именно эту стоимость называет в своем письме А.П. Чехову М. Горький), в коленкоровом переплёте 2 руб. и 2 руб. 30 коп. соответственно.

Рекордный тираж

В 1902 году Маркс написал Чехову о намерении выпустить второе издание сочинений приложением к журналу «Нива». Он, в частности, писал: «Я уже дал при «Ниве» целый ряд сочинений лучших наших писателей, и мне весьма приятно сделать это и по отношению к Вашим сочинениям. Надеюсь, что Вы вполне разделяете мои чувства» [3]. Антон Павлович согласился не сразу (сомневался, стоит ли включать в собрание «Остров Сахалин»), но, в конце концов, дал добро.

На титуле каждого тома значилось: «Полное собрание сочинений Ант. П. Чехова, издание второе. Приложение к журналу «Нива» на 1903 г. С.-Пб. Издание А.Ф. Маркса, 1903». Тираж – 235 000 экземпляров (!) – по числу подписчиков журнала [4].

Интересно, что первое – «дорогое» издание – оформлено намного скромнее, чем второе – «бесплатное». Это книги в ледериновом переплёте с золотым тиснением и великолепным рисунком в стиле модерн. Над ним работала знаменитая русская художница Е.П. Самокиш-Судковская: в левом нижнем углу обложки каждого тома можно прочесть её имя [8].

В фондах областной научной библиотеки имеется пять томов из второго издания «марксовского» собрания сочинений А.П. Чехова. В них ранние юмористические «наброски и мелочи», рассказы, повести, пьесы, очерки «По Сибири», критико-биографический очерк А.А. Измайлова, воспоминания об А.П. Чехове.

Первоначальных пометок какой-либо библиотеки или частного владельца на книгах нет. Штампы «Проверено» с датами «1940», «1944», «1945» на титульных листах говорят о том, что в это время книги уже находились в библиотеке. Возможно, в областной, но, может быть, и в какой-то другой – установить невозможно.

Все книги хорошей сохранности за исключением 21-го тома «Пьесы». Очевидно, что читали его интенсивно и, к сожалению, не очень аккуратно: пострадали форзац и титул, а также страницы от 198 до 203 – начало пьесы «Вишневый сад».

«Остров Сахалин»

Кроме пяти томов из второго прижизненного издания сочинений Чехова (обложка зелёного цвета) в собрании Амурской областной научной библиотеки имеется отдельный том, в котором помещены очерки «Из Сибири» и «Остров Сахалин».

На форзаце книги сохранилась владельческая запись, сделанная синими чернилами. К сожалению, это лишь две буквы «Вл» или «Ви», так что установить по ней владельца книги невозможно. На форзаце также оттиск круглой печати «Областная библиотека». Оттиск не полный и, судя по тому, что он поставлен на уже отреставрированный лист, это сделано до 70-х годов – именно в то время в библиотеке проводили реставрацию старых книг.

На титульном листе книги имеются отметки библиотечных проверок 1940, 1944, 1945 годов. С внутренней стороны обложки в конце книги несколько раз разными чернилами написано: «Цена 8 р. 35 к.», «Цена 4 р. 10 к.», «Цена 10 р. 10 к.». И там же красными чернилами «Ир. Иван».

В отличие от томов прижизненного издания сочинений А.П. Чехова, которые сохранились очень хорошо, «Остров Сахалин» зачитан: на страницах многочисленные «следы бытования» в виде пятен красного и коричневого цвета, отпечатков пальцев, загнутых страниц. Такое интенсивное чтение легко объяснимо, ведь в Благовещенске жили не только почитатели чеховского таланта, но и бывшие сахалинские каторжане. «Остров Сахалин» – самое дальневосточное, самое «каторжанское» произведение русской классической литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.) : [в 2 т.]. Т. 2. – Благовещенск-на-Амуре : Амур. ярмарка, 2013. – С. 28, 171, 200.

2. Объявления // Амурский край. – 1905. – 12 нояб.

3. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; [Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького]. – Москва : Наука, 1974–1982.

4. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений : в 22 т. / А. П. Чехов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во А.Ф. Маркса, 1899–1903. ТТ. 4–6, 10–12, 21, 22.

5. Чехов, А. П. Остров Сахалин : (из путевых записок) / А. П. Чехов. – Санкт-Петербург : Изд-во А. Ф. Маркса, 1900.

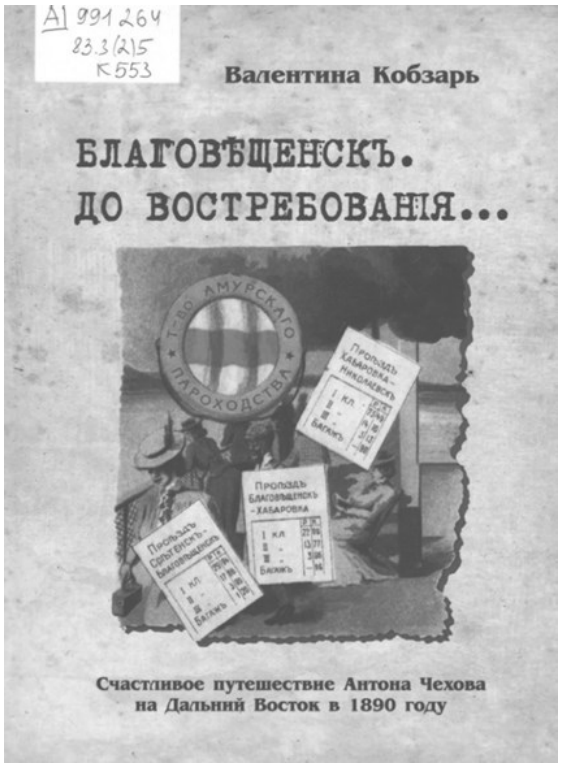
6. Амурские сезоны [Электронный ресурс].– URL: http://xn--80afg3aiou.xn--p1ai/sources/cultural/smi/smi-x=19$01.php.

7. Издательство А.Ф. Маркса [Электронный ресурс] / Калининград. обл. науч. б-ка. – URL: http://lib39.ru.

8. С.В. Ляшенко. Творческий союз художников Н. С. Самокиша и Е. П. Самокиш-Судковской [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Книга издана на средства муниципального гранта в сфере культуры и искусства администрации города Благовещенска при дополнительной финансовой поддержке АО «Амурская ярмарка».
В книге впервые подробно освещаются некоторые эпизоды дальней поездки Чехова, результатом которой стала книга «Остров Сахалин».



Автор на основе эпистолярного наследия А.П. Чехова воспроизводит его путь на восток и остановку в Благовещенске. Пестрая мозаика многочисленных встреч, событий и впечатлений создаёт зримую картину дальневосточной действительности 1890года.

При подготовке книги использована обширная база источников: воспоминания современников, отчёты путешественников, исследования историков и литературоведов, изыскания краеведов, публикации в прессе конца XIX – начала XX веков. Издание иллюстрировано архивными и современными фотографиями, репродукциями картин русских художников.

Книга «Благовещенск. До востребования… Счастливое путешествие Антона Чехова на Дальний Восток в 1890 году» АО «Амурская ярмарка» – победитель конкурса краеведческих изданий «Мой край» XI межрегиональной издательской выставки «Амурские книжные берега» в номинации «Увлекательное краеведение» (2018).

Г.В. Быкова,
профессор кафедры русского языка и литературы
Благовещенского государственного педагогического
университета, доктор филологических наук,
член Союза писателей России

О СПАСЕНИИ ЯЗЫКА ЭВЕНКОВ ПРИАМУРЬЯ И ЕГО ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Ключевые слова: миноритарный маргинальный язык, документирование языка, диалектные словари, топонимический словарь.

В статье рассматривается проблема документирования (спасения) миноритарного маргинального языка амурских эвенков как необходимое условие для комплексного лингвистического описания обширной топонимической системы региона, созданной на протяжении тысячелетий поколениями автохтонов (коренных малочисленных народов) Приамурья.

Экспедиция… Простое, привычное понятие, а вот, поди, объясни, что это такое! С.И. Ожегов в своём словаре утверждает, что «*Экспедиция – это поездка группы лиц, отряда с каким-нибудь специальным (исследовательским, военным, просветительским) заданием. Группа участников такой поездки*». Это если, Сергей Иванович, со стороны смотреть, сидя в тёплом кабинете, а вот если самому пять-десять раз съездить в эту самую экспедицию, то начинаешь понимать, что она, проклятая, и есть самая настоящая болезнь, тяжёлая, затяжная, неизлечимая, прямо-таки заразная. Ну что хорошего, скажите вы мне, когда идёшь по тайге, продираешься через завалы, бредёшь по перекату, дно из-под ног уходит, а ледяная вода в сапоги захлёстывает и свалить норовит, а сверху тебя оводы и комары немилосердно жучат, и руки заняты? «Эх, мать твою! – думаешь, – чтоб я ещё хоть раз поехала сюда, где Макар телят не пас! Да ректор меня сюда калачом больше не заманит! Нет, всё! Баста! Пусть другие дураки едут! А с меня хватит!».

А на следующий год сердце ноет и ноги сами несут туда, где о Макаре вспоминается. Нет, братцы, экспедиция – это зараза инфекционно-хроническая, похуже клеща энцефалитного. Хотя (тьфу! тьфу!) и его не приведи Бог подхватить! Проходит время, наступает пора планировать научно-исследовательскую работу, говорю проректору по научной работе: «Вот съезжу последний раз и всё!». Он молча улыбается, потому что сам не лучше меня

и прекрасно знает, что таких «больных» экспедициями, как я, у нас в вузе много – это все историки, особенно археологи, географы, ботаники, физкультурники…. Из года в год они, как приговорённые, идут и едут туда, где никогда не ступит нога нормального здравомыслящего обывателя.

А ещё экспедиция – это опасность, которую начинаешь понимать, когда она минует, и тебе становится по-настоящему страшно – ведь кроме Боженьки милосердного некому было помочь. Некому. Правда. Так было несколько лет тому назад, когда со сроками отъезда в Тындинский район затянули. Чтобы в Усть-Уркиму и Усть-Нюкжу попасть, надо было ждать, когда реки встанут – легче туда добраться такой группе, как наша – человек десять, так как в Тынде к нам должны были присоединиться тунгусоведы из Якутска, Новосибирска и первомайские североведы. А всё этот чёртов парниковый эффект. Неделя, вторая идёт, мы, что называется, на рюкзаках сидим, а по северам реки не замерзают, текут себе и в ус не дуют. По всем срокам уже ледостав должен начаться, а теплынь стоит, какой век не бывало, осень затянулась. Красотища кругом – живи и радуйся. Это для всех нормальных людей, только не для тех, что по экспедициям мотается да приключений на одно место ищет.

Наконец, начальник экспедиции звонит: «Выезжайте!». Срываемся. Едем. Мороз не по дням – по часам крепчает, ну просто звереет! Какой тут к лешему парниковый эффект! Через день-два, пока собрались все, уже под сорок жмёт. Вечером включаю радио и слышу: утром в Тынде – 47, на трассе БАМа – 52 градуса ниже нуля. Не может быть! Нам же завтра в пять утра по этой самой трассе до самой Уркимы пилить больше трёхсот километров. «Ничего, – думаю, – начальник экспедиции опытный. Всю жизнь на Севере прожил. Не такие морозы видел. Он и за технику безопасности отвечает. Примет меры». Хорошо, что полную сумку тёплых вещей набрала, мало ли кому понадобятся. В экспедиции запас спину не ломит, всегда пригодится.

Утром с крыльца смотрим – подруливает к гостинице старенький, видавший виды неотапливаемый «пазик», т.е. школьный автобус с детьми-эвенками, которых директор из экономии решил заодно с нами к родителям в Усть-Уркиму отправить. Он «принял-таки» меры – плохо закрывающиеся двери бедолаги-авто матрасами заложил, а каждому из нас шерстяные одеяла вручил, чтобы закутаться можно было. Валенки 45 размера под сиденьем на всякий пожарный случай. Закутались. Поехали. На циферблате городской башни ещё издали видно – 47 градусов. Значит, диктор местного радио вчера не шутила.

Выехали на трассу. Мороз такой, что тайги не видно, лишь густой белый туман. «Хорошо, что мобильник с вечера зарядила, – говорю, – Что случится, подмогу вызовем». Начальник «успокоил»: «Здесь связи нет. Какой сотовый? Вокруг на сотни вёрст ни души». – «А если что с автобусом? Ну, поломка какая?». Вместо ответа – разведённые в стороны руки, что в переводе с русского невербального языка приблизительно означает – авось пронесёт. Едем. Молчим. Дышим. Кто знает, как к Богу обращаться, молится. Я точно молилась. За всех. Навстречу попалось два-три грузовика. Тишина да белый, как молоко, туман по-над трассой. Прошёл час, второй. Вдруг автобусишко наш резко качнуло в сторону, и он остановился, как вкопанный. От мороза приводной ремень лопнул. Хорошо, что запасной

был. Минут за сорок поменяли. А если этот не выдержит? Едем дальше. Дышим. Молчим. Молимся. Становится не до шуток. Раздала все носки, шарфы, варежки. Сама в унтах, шалью пуховой завернулась поверх сурковой шубки, но мороз пробирает, будто на мне ничего нет. Дети совсем плохо одеты, да и якутские коллеги вырядились, как на городскую прогулку. Ещё два часа прошло. Совсем заледенели. Решили в Хорогочи заехать. Он в стороне от трассы, время потеряем, но людей надо обогреть и накормить. В школе учителя кипятку подали, мы свои запасы на стол, пируем, греемся. Якутяне вытащили из рюкзаков походную одежду, утеплились. Поехали дальше.

В Уркиме собрали речевые образцы старожилов-аборигенов, отсняли видеоматериалы, концерт школьников посмотрели. Солнце так и не пробилось сквозь морозный пар, залепивший маленькое замерзающее село. С тревогой поспешили в обратный путь. Только хитроумные якутяне решили больше не рисковать. Остались с ночёвкой, чтобы утром добраться до ближайшей станции и уехать в Тынду поездом. Оказывается, мы спокойно могли туда и обратно ехать по железной дороге, не подвергая никого опасности. А о доставке людей от этой самой станции до Уркимы можно было договориться предварительно. Но начальник экспедиции об этом не позаботился. Вот так, на местных людей надейся, да сам не плошай. Обратная дорога показалась ещё длиннее и зловещее. Стояла глухая чёрная ночь. На трассе – ни одной машины. Нигде ни огонька. Да, богата просторами наша Россия-матушка. Зови – не дозовёшься, хоть закричись – никто не откликнется, разве что таёжное эхо. «Чтоб я ещё когда-нибудь поехала в эту чёртову экспедицию! Да ещё зимой! Унты сжую, а никуда никогда больше с места не тронусь! Господи, только помоги! Сподобь нам до Тынды добраться!». Сподобил, яко милостив и человеколюбец. Въехали в город, на башне – 53 ниже нуля. Значит, на трассе было под шестьдесят. Примерно за квартал-два до гостиницы автобус наш зачихал, закашлял и внезапно остановился. На сей раз полетел двигатель. Пришлось выбираться из-под одеял и рысью бежать на огни нашего временного пристанища. Морозище такой, что трудно дышать. Сразу заледенели руки и ноги. Заиндевели волосы. Спасибо, Боженька, что не по трассе бежим. Там далеко не убежали бы.

С тех пор зареклась ездить по экспедициям зимой. То ли дело осенью – холодновато, но не морозно, да к тому же энцефалитный клещ не свирепствует, говорят, он в эту пору менее всего опасен. А красотища вокруг такая, что дыхание перехватывает. Насмотришься, надышишься ею впрок, на целый год хватает, а потом снова тянет в дорогу – за туманом и за запахом тайги, и за приключениями…. Помните, какое лето дождливое не так давно было? Умные люди по квартирам сидят, чайком горячим балуются, а нас, безголовых, понесло в Бомнак. Говорила же, чтоб все сапоги взяли, нет, нашлись такие, что кроссовками решили обойтись. На какой-то станции сапоги пришлось докупать да ещё крупно повезло – дождевиками затарились. Шикарные дождевики – чёрные, крепкие, с капюшоном и до пят. Я со страху два запасных прикупила… на каждого. Храню теперь – жалко выбросить.

Поздно, почти ночью выгрузились в Верхнезейске. Хорошо, гостиница рядом, двери так гостеприимно раскрыты, поселяйся, народ промерзший и оголодавший! Вваливаемся обрадованные, гостиница есть, да не про нашу честь – для локомотивных бригад. И хоть

номера свободные, а поселить нас наотрез отказались. На колени пробовали встать – не помогло. Даже на диванчике в прихожей не разрешили остаться. В скверике на скамейках расположиться не дозволили. Пошли на станцию, разместились, кто, где смог, а мы вдвоём с начальником экспедиции отправились на другой конец посёлка, где роскошная двухэтажная гостиница для работников путей сообщения пустовала. Без согласия Министра поселиться в ней даже на ночь нельзя. Вернулись к оголодавшему народу ни с чем. Перебились в холоднющем зале ожидания, где с двух сторон двери открыты и сквозняком с лавки сдувает. Чуть забрезжил рассвет – полуодичавшей толпой высыпали на дорогу ловить машину, чтобы добраться до Зейского водохранилища и умудриться сесть на катер, который, по слухам, приходит раз в 7-10 дней и причаливает или за мостом, или около золотодобывающей артели и стоит под погрузкой часа два. А расстояние между двумя причалами, если напрямую по тайге продираться, километра три, в обход же, по дороге, все пять будет. Так что без машины на катер не погрузимся, его ещё поймать надо! Не успеем – неделю будем ждать очередного судна, чтобы по Зейскому морю в Бомнак добраться. Можно представить, как все завопили, когда на дороге появилась машина, как кинулись к шофёру, и ну его уговаривать, упрашивать, улещивать, чтобы помог на катер сесть. Он сначала даже испугался и долго не мог понять, что нам от него надо, так как мы от голода, холода и бессонной вокзальной ночи слегка ошалели и не могли членораздельно изложить свою просьбу. Постепенно до шофёра дошло, что мы его нанимаем и за ценой не постоим, чтобы помотаться с нами от артели к мосту и обратно, дабы выловить летучий катер. Он прибодрился и, как всякий русский человек, быстро сообразил свою выгоду, т.е. назначил 100 рублей за ходку в одну сторону. Кто бы торговался? Под проливным дождём, промокшие насквозь, на катер погрузились-таки. И через три часа в полной темноте подъезжали к Бомнаку. На ощупь по скользким мокрым брёвнам выбрались на берег. Холодища, хоть и осень. Во всех домах дымятся печки. Нас встретили и поселили в пустой студёной больнице. Основательно промёрзнув, на другой день встали на постой у сельчан.

Все наши экспедиции в места компактного проживания эвенков были подчинены одной цели – документированию (спасению) стремительно исчезающего миноритарного маргинального языка эвенкийского этноса, более трёх тысяч лет проживающего на территории области. По-нашему мнению, потеря уникального национального языка негативно отразится на лексических системах не только эвенков, но и русского этноса (имеется в виду топонимическая лексика эвенкийского происхождения, вошедшая в современный русский литературный язык).

Чрезвычайную привязанность к родному языку этнопсихолингвисты объясняют тем, что у каждого народа существуют необъективированные[1] однословно мыслительные образы (концепты) как неповторимые ассоциации мышления, которые закрепляются/ проявляются в языковой системе и составляют в совокупности с ней национальную концептосферу [1]. . Этническое самосознание поэтому базируется, прежде всего, на родном языке, который представляет собой систему в виде заполненных словами и «пустых» клеток. Когнитологами (*специалистами по искусственному интеллекту, проектирующими*

и создающими экспертную систему – ред.) доказано, что лексически не выраженные концепты (лакуны) в такой же степени участвуют в мыслительной деятельности народа, как и лексикализованные (названные словами) [6, 7]. Следовательно, их необходимо так же, как и язык, выявлять, описывать, сохранять и изучать.

Современное состояние языка, традиционной культуры и народных промыслов амурских эвенков, компактно проживающих на территории российского Дальнего Востока в трёх районах Амурской области, характеризуется как кризисное. С 1994 года наметилась устойчивая тенденция к сокращению численности эвенкийского населения. Уровень владения языком в процессе повседневной коммуникации и активность использования национальной письменности катастрофически падают, резко снижается социальный статус языка не только в пределах области, но и в национальных посёлках.

Уходят из жизни последние носители древнего языка, многие обряды и традиции, веками связанные с оленеводством, охотой, рыболовством, вспомогательными народными промыслами (обработка и выделка мехов, изготовление национальной одежды, обуви, обработка и художественная резьба по дереву, кости и др.) утрачиваются безвозвратно. В результате выходят из употребления и забываются целые пласты национальной лексики. Уникальный язык, до сих пор системно не описанный и не зафиксированный в словарях, теряет свое лексическое богатство и стремительно исчезает безвозвратно.

А между тем, степень функционального развития каждого из малочисленных языков и его письменности зависит от численности этноса, компактности его расселения, степени диалектной раздробленности, устойчивости традиционных форм хозяйствования, степени проникновения современных форм ведения хозяйства в традиционные и масштабы сокращения последних. Институтом национальных проблем образования РФ отмечено, что уровень владения языком и активности использования письменности заметно снижаются у народов, численность которых опускается ниже двух тысяч человек. Эту опасную и трагическую грань переступили амурские эвенки.

Конференция «Лингвистика на исходе XX века» отметила, что языки малых народов вымирают быстрее, чем лингвисты успевают их описывать.

Язык же является основным этнообразующим фактором.

Лингвистическая проблема исследования национального языка, таким образом, смыкается с проблемой сохранения эвенкийского этноса, который тысячелетиями проживал среди других народов России, смог сохранить не только свой генотип, но и уникальную языковую картину мира, отражённую в его не только названной, но и неноминированной части концептосферы, выраженной совокупностью лексических лакун («пустых клеток» в системе языка).

В деле сохранения любого миноритарного[2] маргинального[3] языка большой интерес представляет концепция, объясняющая существование этносоциальных и биологических групп человечества механизмом передачи информации. Вся информация, циркулирующая в коллективах, представляет собой два потока: синхронная информация и диахронная информация. Синхронная информация – это знания, которыми говорящие обмениваются друг

с другом с помощью языка в любой данный момент; диахронная информация – это знания, передаваемые из поколения в поколение (обычаи, верования, предрассудки, танцы, предметы прикладного искусства и т.д.).

Степень интенсивности каждого потока информации различна и может меняться. При общинно-племенном строе диахронная информация была актуальнее. С образованием народностей и особенно наций усиливается роль синхронной информации. Для нации основная информация – синхронная, для этноса – диахронная (*Арутюнов О.А., Чебоксаров Н.Н. – Г.Б*): бесписьменный народ передавал жизненно важную информацию в неязыковых знаковых системах, например, в элементах орнамента. Для большинства современных представителей эвенкийского этноса она зашифрована и малопонятна, т.е. выражена глубокими лакунами (провалами, пустотами), которые мы называем знаковыми.

Значение диахронной информации, закодированной в предметах быта или культа амурских эвенков, убедительно демонстрирует исследователь-этнограф И.А. Мазин в статье «Передача диахронной знаковой информации на примере эвенкийской коробки муручун» [3, с. 309–317]. Подобные коробки служили для хранения шаманской атрибутики, святынь семьи и рода, дорогих покупных вещей и украшений. Одна из них хранится в Амурском областном краеведческом музее г. Благовещенска.

Коробка округлых очертаний, диаметр – 31 см., высота – 13 см. Каркас изготовлен из прямоугольной березовой дранки, сшит ровдужным ремешком. Низ подшит камусом со лба оленя, по окружности украшен мехом рыси. Бока и верхняя часть на вдержке изготовлены из ровдуги *(замша из оленьей или лосиной шкуры у народов Севера – Ред.).*

Довольно сложная методика расшифровки диахронной информации основана на просчётах бокового шва на ровдуге, слева направо против часовой стрелки. Как утверждает исследователь, в символике коробки муручун отражена, прежде всего, цикличность быта и хозяйственной деятельности эвенков, соответствующая малому солнечному саросу – 6586 суток. Судя по внесённому малому солнечному саросу, традиционный хозяйственный год вёлся автохтонами Приамурья по солнечному календарю. Параллельно ему просчитывался и лунный календарь [3, с. 313].

Быт и традиционное хозяйствование эвенков отражены в коробке по сезонным циклам трудовой деятельности. Судя по дням солнцестояния, равноденствия и времени проведения общеродовых шаманских обрядов сэвэкан и синкелаун, летоисчисление в рассматриваемой коробке велось по григорианскому календарю, с началом нового года 1 января. Анализируя суммарные признаки кистей на коробке, этнограф, например, просчитывает кисть №2 = 104 – 14 апреля. Это выход на весенние пастбища оленей для проведения отёла. Кисть № 3 = 109 – 19 апреля. Кисть № 9 = 111 – 21 апреля. Время появления первых оленят. Здесь же закодированы сроки массового отёла оленей; начало общеродового весеннего шаманского обряда сэвэкан и его завершение; выход на пастбища после отёла оленей в высокие поймы, богатые разнотравьем и ягелем; сроки выхода на пастбища с наледями, в высокогорье; завершение охоты на животных с рогами, содержащими пантокрин. Кисть №8 = 265 – 22 сентября – день осеннего равноденствия и начало массового гона оленей.

Эта же методика просчётов кистей и полос, изображённых на коробке, позволяет установить точные сроки выпаса оленей в высоких поймах и завершение охоты на проходного зверя, день зимнего солнцестояния – 21 декабря; выход на зимние пастбища в предгорья, начало охоты на тропящего соболя, попутный отстрел парнокопытных, переход на зимние, хорошо защищённые от ветров пастбища; день весеннего равноденствия; массовой охоты на копытного зверя по насту; начало перехода оленей на весенние пастбища и т.д.

Третий цикл хозяйственной деятельности эвенков отражён суммой признаков по кистям второго цикла с добавлением 74 чёрных точек на верхней части коробки, увеличенных на две красные линии, опоясывающие их. Данный блок особое внимание уделяет подготовке оленей к гону; выделен самый активный промежуток гона оленей; указаны сроки их выхода в высокие поймы и на зимние таёжные пастбища в предгорья и т.д.

Подводя итог циклов хозяйственной деятельности эвенков по информации, закодированной в коробке муручун, И.А. Мазин отмечает, что зафиксированные в ней моменты быта и ведения хозяйства имеют, несомненно, оленеводческую направленность. Большое внимание аборигены уделяют подготовке оленей к гону, уходу за животными перед отёлом и его проведению. Весь хозяйственный год посвящён циклам выпаса оленей по естественным сезонным пастбищам, которые благодаря такому режиму успешно самовосстанавливались [3, с. 315].

Особое место в знаковой информации коробки уделялось планетам, сопутствующим Земле. Варьируя заложенными цифровыми блоками, этнограф без труда получает сидерические и синодические периоды Меркурия, Венеры, Марса, синодические периоды Сатурна и Юпитера, что также было важно для оленеводства. Математически точное отражение основных моментов идеологии, быта и хозяйственной деятельности амурских эвенков закодировано также в символике оленьей узды – уги из посёлка Усть – Уркима и шаманской парки из посёлка Бомнак Амурской области [4, с. 318–323]. В знаковой символике узды зафиксирован как оленеводческо-охотничий тип хозяйственной деятельности, так и семантика национальной магии, направленной на благополучие и увеличение рода. Последняя выражалась в циклах беременности женщины и животных.

В шаманской парке, как доказали цитируемые авторы, отражены обширные астрономические познания эвенков. Этнографические исследования позволили выявить великолепные знания аборигенами солнечно-лунной календарной системы. Годовые циклы быта и хозяйства они вели по малым солнечным или лунным саросам. До недавнего времени практически каждый пожилой эвенк мог рассказать о временных периодах Венеры (Чалбон) и её обитании. О других плавающих планетах – Меркурии, Сатурне, Юпитере и Марсе – знали только сильные шаманы. Кроме этого, шаманский костюм являлся своего рода сводом законов по идеологии, быту и хозяйственной деятельности, математически точно составленный при помощи символов и знаков. А шаман, как личность, являлся носителем и хранителем этих законов [5, с. 36].

Диахронная информация дублировалась и на уровне синхронной, т.е. непосредственно в лексической системе языка, интенсивное документирование которого проведено нами

с 2001 по 2013 год на федеральные, региональные и внутривузовские средства. Когнитологами установлено, что слово является средством доступа к концептуальному знанию, т.е. языковой знак – это своего рода «включатель» – он включает концепт в нашем сознании, активизируя в целом и «запуская» его в процесс мышления. Возникает вопрос – если исчезнет язык, системно до сих пор не описанный и не зафиксированный в словарях, а новые его поколения будут общаться на языке другой нации, (русской, например), останется ли у них доступ к системе национальных концептов? За последние десятилетия значительно пострадала национальная система концептов (концептосфера) эвенков, как объективированная[4] в самобытном языке, так и не объективированная, но существующая на уровне универсального предметного кода в сознании носителей языка и выраженная лакунами (от лат. lakuna – пустота, брешь, провал). В любой языковой системе не вербализованные[5] однословно концепты проявляются как «пустые клетки» – семемы[6] без лексем, как «значимые нули», а само явление лакунарности – как категория лексической системологии.

Выявлением и описанием лакун, т.е. фиксированием не обозначенной словами части языковой картины мира какого-либо народа, и в частности эвенкийского, в отечественной лингвистике до сих пор не занимались. Комплексная методика обнаружения лакун была разработана в 1999 на кафедре русского языка БГПУ и защищена в виде докторской диссертации в Воронежском государственном университете. На её теоретической основе научно-методический Центр лингвистики и коммуникации подготовил и издал в 2009 году не имеющий аналогов в отечественном языкознании «Словарь лакун русского языка» (на материале индоевропейских языков – английского, немецкого, французского, испанского, итальянского), затем на материале китайского, а в 2018 году – на материале близкородственных славянских языков (польского, болгарского, словенского, сербо-хорватского, чешского, украинского, белорусского, старославянского) [2].

Проводимые нами исследования на материале эвенкийского языка показывают, например, что многие участки лексико-семантического поля «Природа» эвенкийского языка более тщательно разработаны в словарном отношении, чем в русском. Например, лексема *место* в эвенкийском языке представлена гиперонимической[7] лакуной, зато существует большое количество видовых наименований данного универба[8], обнаруживающее гипонимические[9] лакуны в русском языке: *тугэден* – место зимнего выпаса скота, *ланг* – место в лесу, заставленное ловушками, *янгура* – ровное место на горном хребте, *дэвсен* – широкое ровное место в тайге, *некэчи* – место, где в изобилии водится соболь, *чапаксан* – место, где гнездятся белки, иннгэвун – место, где развьючивают оленей, хэрэлгэн – место, покрытое низким кустарником, *уругли* – место, где группами растет кустарник, *нэлкикит* – место весеннего пастбища и др.

При отсутствии родового наименования *периода* эвенки создали поразительное многообразие видовых лексем: *иритқэн* – период поспевания чего-либо, *ирин* – период созревания ягод, *отыл* – период сенокоса, *иркин* – период обдирания кожицы с рогов оленей, *корбэлэхэр* – период спаривания оленей, *дукун* – голодный период в году, *канякит* – период кузнечиков, *нганмаласани* – период комаров, *иргаласани* – период оводов, *хунмилэсэни* – пери-

од мошки, *овиласани* – период последнего наста, *халгалашани* – период первого осеннего наста, *умузан* – период сбора на весенний праздник и др.

В русском языке указанные концепты выражены описательными оборотами (лакунами). Подобная словарная разработанность характерна для многих тематических групп лексики эвенкийского языка. Следовательно, созданные коренным народом лексические богатства представляют непреходящую ценность не только для отечественной, но и мировой цивилизации и культуры.В распоряжении коренного народа до настоящего времени не было словарей джелтулакского, селемджинского и зейского говоров. Неноминированная часть концептосферы эвенков (лакуны) никогда не исследовалась и не описывалась. Следовательно, часть языка, существующая на уровне универсального предметного кода эвенков и выражаемая в коммуникации на уровне синтаксической объективации (описательно), будучи неописанной и незафиксированной, исчезала навсегда. В настоящее время все говоры амурских эвенков воплощены в объёмных словарях-энциклопедиях, созданных усилиями двух научно-исследо-вательских Институтов СО РАН под руководством лингвистов БГПУ.

На сохранившемся языковом материале необходимы глубокие сопоставительные исследования эвенкийского и русского языков, которые и ведутся в Центре лингвистики педагогического университета в процессе системного документирования языка амурских эвенков. Успешно защищены диссертации «Лакунарность лексико-семантического поля «Природа» в русском и эвенкийском языках», «Особенности адаптации субстратных топонимов в концептосфере языка-приемника (на материале ойконимии Амурской области)», «Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа (на материале языка эвенков) и др.

Распространение средств массовой информации только на русском языке, многолетняя тактика максимального обучения в школе на русском языке и минимального на родном эвенкийском, отсутствие в средних специальных и высших учебных заведениях области подготовки специалистов для нужд коренного народа привели к деградации языка и культуры уникального этноса. Дети и молодёжь не знают языка, этногенеза, традиций и истории своего народа. В школах компактного проживания аборигенов не хватает учебной и методической литературы на родных говорах, почти отсутствуют художественные национальные тексты и их лингвистический анализ. Учебники, написанные на полигусовском говоре эвенков Подкаменной Тунгуски, малопонятны амурским детям-эвенкам и требуют серьёзной методической адаптации.

Потеря эвенкийского языка чревата катастрофой не только для малочисленного аборигенного народа нашей области. Представители древнего этноса создали уникальную языковую картину мира, ядром которой стали тысячи топонимов эвенкийского происхождения, вошедшие в словарный фонд носителей русского языка.

Многочисленные географические названия, активно используемые современными амурчанами, представляют собой часть национальной системы концептов амурских аборигенов. Зашифрованная в ней предыдущими поколениями эвенков информация практически

недоступна носителям русского языка. И потому слова Селемджа, Олёкма, Онёни, Бомнак, Хорогочи, Гилюй, Усть-Нюкжа и сотни, тысячи других, как показали проведённые нами психолингвистические эксперименты, воспринимаются их массовым русскоязычным пользователем примерно как синтетические, выдуманные, ничего не значащие слова типа *кузда-ра, агабак, яждец, чалпиш, кулдом, жертус, тьюзгру, чунбих, жунцаф* и др. Это аномальное явление для языка россиян можно устранить, если успеть системно описать топонимикон[10] Приамурья, который на 80% субстратный, т.е. заимствован у аборигенов.

В условиях межкультурной коммуникации в этнокультурной среде Приамурья в сознании русских коммуникантов многочисленные слова эвенкийского происхождения, «облегченные» концептуальными и семантическими лакунами (пустотами), обедняют мышление массового пользователя, создавая коммуникативный дискомфорт. Языковая картина мира русскоязычного населения Амурской области в виде её ядра – многочисленных топонимов эвенкийского происхождения – останется ущербной, семантически немотивированной, если срочно не провести лингвистические исследования этого общеупотребительного пласта лексики русского языка с целью восстановления первичного значения всех региональных топонимов с опорой на эвенкийских информантов. Регламентирующие[11] справочники по топонимике Амурской области отсутствуют даже в пробном сокращённом виде, что выражается в коммуникативном дискомфорте этнокультурной среды региона.

В условиях длительного сосуществования двух локальных культур – русской и эвенкийской – шло взаимное влияние на оба языка: ассимиляция и подавление аборигенного и обогащение элитного русского. При этом носителями последнего не предпринимались попытки теоретически осмыслить и зафиксировать этимологическое значение сотен эвенкийских слов (топонимов, например), вошедших в словарный фонд русского языка. Мыслительный образ (концепт), вызываемый любым эвенкийским географическим названием, воспринимается только как термин и является как бы зашифрованным для подавляющего числа русскоязычных носителей. Например, название реки Селемджа в переводе с эвенкийского означает *железистая*. В бассейне именно этой реки обнаружены железорудные месторождения. Название реки Гагамикан произошло от «гага» и суффикса -кан, что в переводе с эвенкийского означает «лебедушка», Хорогочи (река и станция) – «глухариный ток», Гуран (село) – «дикий козёл».

Таким образом, знание первообразных значений топонимов эвенкийского происхождения давали бы их современным русскоязычным пользователям важную информацию о бывших и настоящих природных богатствах края, истории, культуре, занятиях тех, кто сформировал и во многом определил языковую картину мира современных жителей Приамурья, в семантическом пространстве которой наблюдаются сегодня «белые пятна» – концептуальные, этнокультурологические, конфронтатив-ные и другие типы лакун. К сожалению, многолетнее пренебрежительное отношение к самобытному языку соседствующего этноса привело к потере информативности топонимов эвенкийского происхождения. Не случайно сразу после системного описания лексики амурских эвенков лингвисты БГПУ приступили к созданию комплексного описания топонимической системы Приамурья, которая на 85% состоит из эвенкийских названий.

Уникальный лексикографический труд, основанный на принципах когнитивного подхода к имени собственному, представит читателю многогранный образ каждого географического названия нашего региона: исторические сведения о времени и условиях возникновения географического имени, особенностях его функционирования как языковой единицы, о статусе и местонахождении наименованного объекта [8]. Комплекс приложений словаря дополнит культурно-исторический контекст развития топонимической системы Амурской области, на территории которой в полиэтническом окружении локально сосуществуют этнические культуры – русская и эвенкийская, аборигенная, многие поколения которой на протяжении более трёх тысяч лет создавали уникальную языковую картину мира – названия рек, озёр, гор, долин, других географических объектов, наименования которых переданы эвенками в дар современным жителям Амурской области.[12]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Необъективированные – не названные словами.
[2] Миноритарный – такой язык, на котором говорит небольшое количество людей.
[3] Маргинальный – исчезающий. погибающий.
[4] Объективированная. т.е, зафиксированная в языке.
[5] Невербализованные, т.е, не выраженные словами.
[6] Семема – значение слова.
[7] Гиперонимический – родовой.
[8] Универб – слово.
[9] Гипонимический – видовой.
[10] Топонимикон – система географических названий региона (топонимов)
[11] Регламентирующие, т.е. устанавливающие нормы произношения, словообразования, толкования и т.д.
[12] Книга «Словарь географических названий Амурской области. Населенные пункты» ФГБУВО «Благовещенский государственный педагогический университет» – победитель конкурса краеведческих изданий «Мой край» XI межрегиональной издательской выставки «Амурские книжные берега» в номинации «Справочно-энциклопедические издания».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 104 с.

2. Быкова, Г. В. Лакуны русского языка / Г. В. Быкова, В. Л. Фраер. – Воронеж, 2018. – 97 с.

3. Мазин, А. И. Передача диахронной знаковой информации на примере эвенкийской коробки муручун / А. И. Мазин // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 4. – С. 309–317.

4. Мазин, А. И. Символика на оленьей узде из пос. Усть-Уркима Амурской области и её значение / А. И. Мазин, И. А. Мазин // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 4. – С. 318–324.

5. Мазин, А. И. Семантика шаманской парки из поселка Бомнак Амурской области / А. И. Мазин, И. А. Мазин // Рукопись Областного краеведческого музея, 2002.

6. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 191 с.

7. Попова, З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание : вопр. теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 8–50.

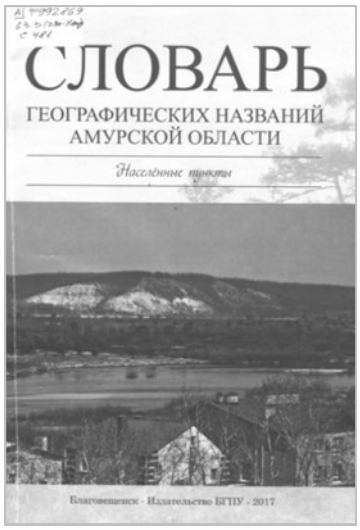
8. Словарь географических названий Амурской области. Населённые пункты / Е. Л. Калинина [и др.] ; под ред. М. В. Горбаневского. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2016. – 210 с.

Г.В. Быкова,
профессор кафедры русского языка и литературы
Благовещенского государственного педагогического
университета, доктор филологических наук,
член Союза писателей России.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА

Ключевые слова: населённые пункты, субстратный[1] топонимикон,[2] географическое название, топонимический концепт,[3] этнокультурная константа,[4] пространство культурных смыслов региона, нормативные варианты.

В статье рассматривается структура и особенности «Словаря географических названий Амурской области. Населённые пункты», часть 1, который содержит языковые и культурно-этимологические сведения о городах и сёлах Приамурья. Издание базируется на современных достижениях когнитивной лингвистики, одним из центральных понятий которой является понятие топонимического концепта, содержащего определённый минимальный комплекс компетенций фонетического, графического, лексического, грамматического плана, а также данные о происхождении названия, взаимосвязи имени с историей и культурой народа-создателя, факты важнейших социально значимых событий, связанных с именуемым объектом.



Благовещенский государственный педагогический университет в 2017 году издал первый том «Словаря географических названий Амурской области. Населённые пункты». Новый комплексный лингвистический словарь содержит языковые и культурно-этимологические сведения о городах и сёлах Приамурья, зафиксированных статистическим управлением Амурской области по состоянию на 1 января 2016 года. Идея словаря базируется на современных достижениях когнитивной лингвистики, одним из центральных понятий которой является понятие *концепта*[5] *(мысленное образование, которое замещает неопределенное множество предметов одного и того же рода – Ред.)*

Мыслительный образ, стоящий за географическим названием, получил определение топонимического концепта. Топонимический концепт как ментальная единица, выраженная материально с помощью средств языка, заключает в себе отпечаток языкового функционирования. Это означает, что в сознании любого носителя языка, который использует конкретное название, хранится определённый минимальный комплекс компетенций фонетического, графического, лексического, грамматического плана, необходимый для использования имени в речевой практике. Данный тезис лежит в основе базовой взаимосвязи, положенной в основу словаря: *топоним – языковая единица.*

Ментальная структура топонима, отражающая информационный потенциал географического названия в рамках национальной концептосферы, включает данные о происхождении названия, взаимосвязи имени с историей и культурой народа-создателя, запечатлевает факты важнейших социально значимых событий, связанных с именуемым объектом. Таким образом, в словаре максимально актуализируется связь: *топоним – этнокультурная константа.*

Над топонимическим словарём принципиально нового типа работал всероссийский коллектив авторов: редактор словаря профессор М.В. Горбаневский (г. Москва); доцент ТОГУ Е.Л. Калинина (г. Хабаровск), доцент О.Ю. Галуза и профессор Г.В. Быкова (БГПУ); ведущий научный сотрудник лаборатории рудогенеза Института геологии и природопользования ДВО РАН А.В. Мельников (г. Благовещенск); учитель географии, директор школы Е.В. Сутурин (с. Старая Райчиха), а также специалист по монгольскому, якутскому и эвенкийскому языкам доцент Бурятского госуниверситета Е.Ф. Афанасьева (г.Улан-Удэ).

Изучение названий населённых пунктов региона, созданного более 100 лет тому назад, показывает, что часть из них получила наименования, возникшие в средние века. Это топонимы, взятые из словарного запаса аборигенного населения – эвенков, дауров, дючеров и других народов, населявших эту территорию более трёх тысяч лет тому назад. Осваивая территорию Дальнего Востока и Амурской области, они по-своему – оригинально, точно, информативно и поэтично – классифицировали окружающую действительность, давая названия бесчисленным природным реалиям. В этом нетрудно убедиться, проехав хотя бы однажды по трассе Байкало-Амурской магистрали, когда за окном поезда мелькают сотни рек, речушек, ручьёв, озёр, болот, долин, десятки горных хребтов и вершин. И все они имеют древние названия.

Тунгусовед Е.Ф. Афанасьева из Улан-Удэ воссоздала этимологическую реконструкцию названий населённых пунктов Амурской области неславянского происхождения. У жителей Приамурья впервые появилась возможность узнать, что обозначает каждый топоним эвенкийского, якутского или монгольского происхождения. Непривычные, малопонятные имена, благодаря профессионально восстановленной этимологии, наполняются вдруг глубоким смыслом, порождая в сознании удивительные по красоте мыслительные образы – топонимические концепты. И ближе, роднее, понятнее становится место, где ты родился и вырос, где живешь или возвращаешься погостить в отчий дом, в отчий край, на свою малую Родину. Мир меняет своё отношение к наследию национального этноса и русских первопроходцев, к их истории, культуре, быту, запоздало осознавая, что многие годы за суетой

дел и чередой событий мы не удосужились внимательнее присмотреться, прислушаться, познать тех, кто пришёл в этот край задолго до нас.

Большинство южных земледельческих селений в Амурской области возникло на целинных землях. Их наречение произошло в XIX–начале XX веков в период заселения и хозяйственного освоения Приамурья. Поэтому они имеют русскоязычную основу. Небольшая отдалённость во времени позволила авторам нового словаря с максимальной точностью реконструировать процесс присвоения селению названия (именно так официально именовались новые поселения).

Словарное представление региональных географических имён создаёт необходимые «мостики» между личностными концептосферами[6] жителей региона и единой национальной концептосферой, одновременно формируя общую этнокультурную медиа среду, доступом к которой являются топонимические знаки. Таким образом, процесс освоения географического имени современными поколениями становится процессом постижения семиосферы – пространства культурных смыслов региона.

Однако объём информации, связанный как с этнокультурным функционированием топонима, так и с его языковым функционированием может быть весьма и весьма значительным. Таким образом, перед авторским коллективом стояла непростая проблема: что именно, какие сведения, какие грани «жизни» названия в языке, истории и культуре амурчан отобрать и включить в словарь?

При ответе на данный вопрос мы исходили из двух основных установок: представить минимальный комплекс информации, необходимой для функционирования названия, а именно, выполнение им идентифицирующей и дифференцирующей функций. В ***лингвистическом аспекте*** это: знание правописания названия, его произношения и ударения, образования грамматических форм и особенностей «поведения» в сочетании с родовым термином (город, река, гора и т.п.), а также без родового термина, в редуцированном (сокращённом) варианте: *В селе Албазино и в Албазине ; в городе Сковородино и в Сковородине*. Таким образом, одной из важнейших задач при создании Словаря является фиксация нормативных вариантов на всех уровнях языкового функционирования регионального географического имени, т.е. новый словарь ещё и нормативный. ***В экстралингвистическом***[7] ***плане*** минимальный информационный комплекс – это указание на связь: *имя – именуемый им объект*, т.е. информация о том, что, например, *Зея* – это город в Амурской области, или *Зея* – это река в Амурской области. Наличие данных сведений, по мнению учёных, позволяет выполнять имени собственному идентифицирующую и дифференцирующую функции, отделяя географические объекты друг от друга в нашем сознании и актуализируя их.

За отправную точку при воссоздании ***культурно-исторического слоя*** топонимического концепта, стоящего за тем или иным названием, мы избрали *внутреннюю форму имени*, по сути, субстанцию, вполне материально фиксируемую и позволяющую доказательно, с опорой на факты, развернуть дальнейшую цепочку внелингвистических сведений. Первое звено данной цепи – *этимологическая реконструкция*: географическое название – производящее слово (словосочетание), относится к области лингвистики и методам лингвистиче-

ского анализа и синтеза. Следующий шаг – *реконструкция мотивов* и, соответственно, *условий процесса именования*. Научная достоверность данного процесса обеспечивается архивными данными, анализом исторических источников, т.е., по сути, эта часть работы требует использования методов исторической науки. Народные этимологии, противоречащие документально подтверждённым версиям, фиксируются в Приложениях Словаря как ценные факты языковой картины мира.

При анализе мотивов и условий именования закономерно возникает необходимость датировки присвоения имени объекту. Таким образом, выстраивается хронологическая цепочка: *имя – дата его присвоения объекту.* При наличии переименований или смены административного статуса объектом данная логическая последовательность приобретает новые элементы: *предыдущее имя – дата присвоения – статус объекта – этимология имени – мотивы и условия именования.* Система приложений словаря дополняет практику употребления, в котором функционирует имя собственное.

На сегодняшний день отечественная ономастическая лексикография включает образцы лингвистических топонимических словарей, в которых указываются особенности написания, произношения, образования грамматических форм и дериватов (*толкование и значение понятия – Ред.*) географических названий, этимологических топонимических словарей. Представляемый словарь объединяет все указанные направления словарной репрезентации и является новым словом в представлении географических имен.

С сентября 2017 года авторский состав российских топонимистов под патронажем БГПУ приступил к созданию второго, более обширного, тома «Словаря географических названий Амурской области. **Географические объекты**». Пример нескольких топонимов из нового словаря. Всего три слова, а какое за ними богатство эвенкийского, якутского и славянского происхождения!

АБАЙКАНКА (р., пп р. Селемджа), – и, ж., ед.

На Абайканке.

На реке Абайканке. Доп.: на реке Абайканка.

абайканский. *Абайканский утес – памятник природы. Живописная скала на правом берегу реки Селемджи.* Амур. обл., 1989.

От эвенк. *эбэй* – «медведь» (синоним к лит. хомоты, амака, амикан), суффикс ***-кан-*** передает название небольшого географического объекта: *Медвежья речка***.**

АБАКА (=АБАГА) (р., лп р. Амур, Сковородинский р-н), – и, ж., ед.

На Абаке (на Абаге).

На реке Абака (на реке Абага). Со сл. река не скл.

абакский.

От якут. ***абага*** – «престарелый в роде, старший брат родного отца, родной дядя по отцу»; ***абагай*** – «почтительное обращение по отношению к старшим», др. вариант с эвенк: ***аба*** – черт.

АБАТУРКА (=АБУТОРКА, АБАТУРКИН) (руч., пп р. Дугда, Зейский р-н), – и, ж., ед. (Абатуркин, -а, м., ед.)

На Абатурке (на Абуторке, на Абатуркине).

На ручье Абатурка (на ручье Абуторка, на ручье Абатуркин). Со сл. ручей не скл.

абатурский (абуторский, абатуркинский).

Возможно, названо переселенцами по имени реки, существующей на их бывшей родине. *Усадьба деда самозванца Елизара Матвеевича стояла у деревни Большая Абатурка на речке Абатурке. Отец самозванца Богдан Елизарович служил в Москве сотником стрельцов и был убит литвином в Немецкой слободе (*Деревни, сёла и города костромского края: материалы для истории.– Кострома: Костромской общественный фонд культуры, Костромской региональный центр новых информационных технологий. – «Эврика-М», 2000. – 536 с: ил.).

Таким образом, формирование многомерного позитивного образа региона в сознании амурчан, и, прежде всего, в сознании подрастающего поколения, исключительно важно для реализации геополитических интересов страны, сохранения гражданского мира в регионе и направления энергии общества в созидательное русло. Именно это имел в виду автор «Краткого топонимического словаря» В.А. Никонов (М., 1966), отмечая: «Велика научная и практическая ценность изучения географических названий…. Могуче воспитательное значение названий…. Понимание местных названий воспитывает патриотизм, любовь к родному краю».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Субстратный – заимствованный у аборигенов.

[2] Совокупность ономастических наименований региона.

[3] Мыслительный образ, отражающий географическое название.

[4] Некоторая величина, не изменяющая своё значение в рамках рассматриваемого процесса.

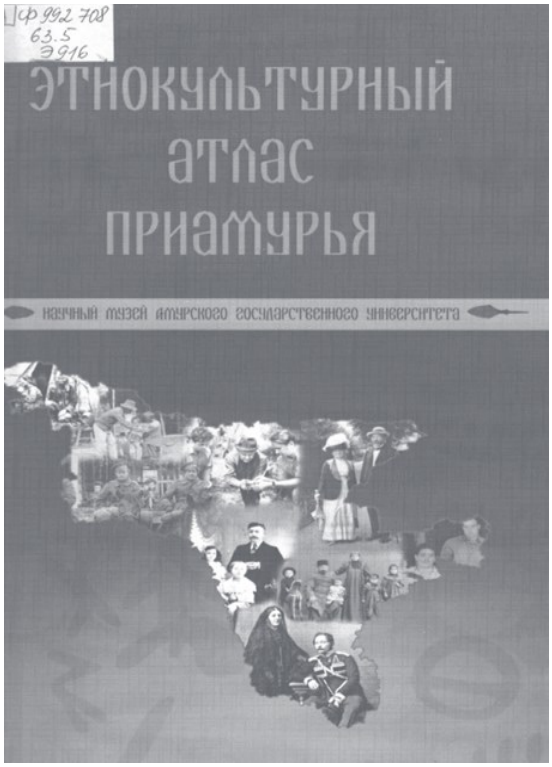
[5] «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» (С.А. Аскольдов-Алексеев).

[6] Экстралингвистический – внелингвистический, внеречевой.

[7] Концептосфера – система концептов индивидов или целой нации.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Приамурье на протяжении многих столетий не миновали крупные исторические потрясения, сопровождавшие российскую и мировую историю. Однако край сохранил свою богатую историю, своеобразие этнических культур и традиции мирного сосуществования разных народов на берегах великой реки Амур.



Книга подготовлена коллективом авторов и издана по решению Учёного совета Амурского государственного университета. В книге в хронологическом порядке на основе большого фактографического материала полно и всесторонне освещена этнокультурная история Приамурья с древнейших времён. Обозначены важнейшие исторические этапы формирования этнокультурной истории, выделены главные факторы, влиявшие на возникновение и развитие этнокультурных традиций. Значительная часть фактического материала была собрана авторами в ходе полевых исследований. Содержание книги снабжено большим количеством систематически построенного иллюстративного материала, картами и диаграммами.

Книги «Этнокультурный атлас Приамурья» (под ред. Забияко А.П.), «Народы и религии Приамурья» (под ред. Забияко А.П.) ФГБОУВО «Амурский государственный университет» – победители конкурса краеведческих изданий «Мой край» XI межрегиональной издательской выставки «Амурские книжные берега» в номинации «Научные и научно-популярные издания» (2018).

П.М. Никиткин,
член Союза художников России,
член Союза российских писателей,
лауреат Премии в области литературы и искусства
в Амурской области за 2009 год

СТАРАЯ ЗАИМКА

Охота не удалась.

Собственно, это была не охота, а сплошные мучения. И начались они с того, что зима этот год шла в наши края какими-то долгими окольными путями и, к тому же, где-то в сопках заблудилась. Охота на копытных разрешена с пятнадцатого октября, сейчас на дворе середина ноября, а морозов и снега нет до сих пор. В расстроенных чувствах просидели в квартирах месяц после открытия, а потом, не вытерпев, решили: угодья находятся в двух сотнях километров севернее и, возможно, там есть и снег, и мороз. В одном ошиблись – морозов и там не было. Снег падал на тёплую землю и кроме дополнительной влаги ничем не радовал.

Помесив два дня грязь тяжёлыми болотными сапогами, и в конец отчаявшись и измучавшись бестолковой ходьбой по тайге, злые и нервные, возвращаемся в город…

Две сотни километров.

Эти две сотни, когда ехали в тайгу с шутками да прибаутками, да с надеждой на хорошую охоту, проехали за день. Обратный путь оказался не таким.

Из зимовья выехали задолго до восхода солнца, а закат встречали, не преодолев и половину расстояния. Снег постепенно перешёл в бус. Раскисшая земля не держала машину на дороге. Наш автомобиль постоянно заносило в канавы и колдобины… Рубка деревьев для вываживания нашего транспорта, выталкивание под «раз-два взяли!» окончательно забрали наши силы.

После очередного вызволения «Уазика» из очередной рытвины поступило предложение заночевать в машине, но…. Из-за усталости и дождя не было желания перегружать весь скарб и снаряжение, чтобы подготовить машину для ночлега.

- Я знаю: тут недалеко, на берегу Курына есть старая заимка Бутузовка или как ещё называют – Бутузиха. Не поленимся и будем отдыхать в тепле, – предложил наш старшой – он же и водитель. – В недавние времена – лет пятнадцать-двадцать назад – мы постоянно

охотились в этих местах. Зимовье не строили – всех принимала Бутузиха. На ночь находило приют в ней человек до двадцати охотников. А летом в доме жили колхозные механизаторы, которые обрабатывали ближние поля.

Уставшие, грязные, мокрые и злые ещё пару раз дружно вытолкали машину из промоин и вот она – старая заимка.

Это был огромный дом. Хорошо разглядеть строение снаружи в темноте не удалось, да и не до этого было. Важно другое – здесь была печь, а добрые люди, бывшие здесь до нас, наготовили поленницу сухих дров. Внутри помещение выглядит просторным, убранным и уютным. Не хватает только электричества. Хотя, неподалеку от дома стоит дизель-генератор, а это говорит о том, что колхозные механизаторы жили здесь со всеми удобствами. Но не это главное. Главное – тепло. Через полчаса вся компания дружно похрапывала на металлических кроватях, коих оказалось ровно шесть. Каждому – персональное ложе.

Утром, как водится, после трудного дня встали поздно.

На улице, по закону подлости, стояла прекрасная морозная погода. На вчерашних лужах блестел сантиметровый лёд, на берёзах длинными сосульками перезванивались ветви, а пойма Курына серебрилась инеем. Мороз сковал землю накрепко.

Осматривая постройку заимки, на притолоке заметил цифры «1910», насеченные топором. Ровно восемьдесят лет стоит этот дом! Восемь десятков зим и лет он даёт приют и кров людям! Умели раньше строить. Стоит дом одиноко на берегу небольшой таёжной речки Курын. Наверное, не один человек задался вопросом: кто и как строил этот дом?

Уезжали с заимки с чувством благодарности к неизвестному нам строителю.

Лесной тропинкой в гору шёл высокий, плотного телосложения, с окладистой кудрявой бородой мужчина лет тридцати. Светлые или выгоревшие добела за лето волосы повязаны женским в светлый горошек платком. От его широкой спины, пригретой поднявшимся из-за леса солнышком, сквозь холщовую, залатанную рубаху отрывались мелкие клочки пара.

Пётр шёл с ближнего озера. В одной руке нёс сумку с рыбой, в другой вентерь, которому требовался серьёзный ремонт. Позади осталось озеро, клубившееся утренним осенним туманом, небольшой плот, сооружённый из брёвен старого сарая, и головки от резиновых сапог, повешенные на воткнутые в берег колья. В эти остатки сапог Пётр, чтобы не мочить лапти и онучи, переобувался перед тем, как встать на плот.

На половине пути, возле упавшего через тропу дерева, на котором он любил присесть и немного передохнуть, из лесу вышел Вашбродь.

«Вашбродь» – так в деревне все звали этого человека. Высокий, всегда чисто выбритый, чернявый, лет тридцати пяти, мужчина. Это ссыльный, бывший офицер армии, разжалованный из поручиков в рядовые военно-полевым судом. Власть определила ему местом ссылки глухую деревню Онежье и поселила на жительство к одинокой старушке Лукерье, избушка которой ютилась на окраине.

- Здравствуйте, Пётр Анисимович. Может, помочь донести вентерь?

- Доброго здоровьица, Вашбродь. Нет, сам донесу – не весть тяжесть-то какая. А ты, что спозаранку по лесу ходишь, не спится? Клопы, поди, закусали у Лукерьи-то?

- Нет, клопы не донимают. Лукерья Ильинишна – старушка аккуратная, и эту живность в доме не держит. На станцию я ходил, за газетами.

- За газетами в такую рань? Что в них такого, что ни свет, ни заря надо переться в такую даль – пять вёрст с гаком? До свету-то не прокисли бы ваши газеты. Это ж надо – в потёмках переться на станцию?

- Не прокисли бы – это точно. Люблю я вставать рано… Родом-то я тоже сын крестьянский, и эта привычка с детства – вставать до восхода. Да и во время службы нежиться в кроватях не привык. Присядем на дерево да покурим? А, Пётр Анисимович?

- Присесть можно, но дымокурить – этого в нашем роду нет. Не избалованы.

- И это хорошо…. А, я вот закурю и посмотрю, что в этих газетах-то. – Вашбродь развернул газету и забормотал:

- Опять волнения, опять стачки, опять беспорядки. А вот это очень хорошо – землю крестьянам. Очень хорошо…. Осваивать окраины надо…. Да и сбить протестные настроения в густонаселённых районах это поможет. Да… Умная голова – этот Столыпин. Этого у него не отнять…

Немного передохнув, они вместе дошли до деревни, не проронив в пути ни единого слова – у каждого были свои думы, свои заботы. На развилке тропы Пётр предложил:

- Вашбродь, рыбки-то возьми. Старушку порадуешь и сам свеженькой отведаешь. Нам-то хватит с избытком.

- Благодарствую, Пётр Анисимович, и не откажусь. Свежая рыбка – редкость на моём столе. Благодарствую. Дай Вам Бог здоровья.

«Ишь ты, появился здесь всего неделю назад, а уже знает, как меня величать, и даже по батюшке. И обращается на «Вы». Хороший, наверное, человек – вежливый, а я-то, дурень, тыкаю ему».

Рыбу отсыпали в сорванный тут же большой лист лопуха.

Конечно, про избыток рыбы Пётр сказал не верно. На огромную родову Бутузовых, что жила под одной крышей, этой рыбы хватит лишь на один присест. Три семьи жили в одном доме: хозяин – Анисим Фомич с женой да двое сыновей – старший Григорий со своей женой и Пётр с женой да детьми. В два захода к столу садились. Род Бутузовых – племя работящих людей. Никто – от малого до старого не сидел без дела. Но весь их труд уходил как бы в пустоту – был малозаметен и непроизводителен. Не было от него зримого результата. А всё потому, что не было размаха, не было больших дел. Причиной, считал Пётр, является нехватка земли. Негде развернуться. Ни посевной клин под рожь да лён расширить, ни места для строительства – вся пригодная для этого земля занята и обрабатывается с испокон веков. Кругом скалы да болота.

- Не обессудьте, а Вас-то как звать-величать надо, Вашбродь?

- Меня – Дмитрий Филиппович. Раб божий Дмитрий, сын Филиппа Огородникова из Смоленской губернии. Ещё раз благодарю за рыбку. И часто Вы на озере снасти проверяете?

- Дак, как погода позволяет. Иной-то раз через день, а когда и три дня не хожу-то. А что Вы, Дмитрий Филиппович, давеча про землю крестьянам говорили?

- Это не я говорил. Про это в газете написано. Вот эта газета – сам посмотри.

- Нет, батюшка, если и посмотрю, то ничего не увижу – не письменный я.

- Что, не грамотный?

- Не обучен…. Негде было, да и некогда обучаться-то – ни школы, ни церкви в деревне нет, а до города пятьдесят вёрст – пешком-то не находишься.

- Да. Неграмотный, как и слепой – люди достойные сострадания. А в этой газете написано, что, мол, мужики, переселившиеся по Указу Столыпина на Дальний Восток, земли берут столько – сколько обработать могут. Богатейший плодородными почвами этот край. Да…. А, что, если…– тут Дмитрий Филиппович замолчал, словно забыл, о чём вёлся разговор. Потом улыбнулся своим мыслям и продолжил. – Что, если эту неграмотность мы одолеем? А, Пётр Анисимович?

- Как это? – не понял Пётр.

- Очень просто! Будем вечерами постигать азы просвещения. Днём Вам некогда – семью да хозяйство содержать надо. А вечерами, глядишь, и осилим эту науку. Думаю, что по вечерам вы не ткёте, не прядёте и спицами не вяжете, времечко для обучения выкроите.

- Дак, староват я для этого дела – учения-то. Уже третий десяток за половину перевалил. Староват…

- Ничего. Было бы желание, а остальное – не весть какой труд. Вот с сегодняшнего вечера и начнём. Как с делами управитесь, так и приходите в хатку Лукерьи Ильиничны. Хотя, нет, не сегодня... Я Вас потом сам позову, когда учебники найду.

За зиму, как не был для Петра этот труд тяжким, читать и даже писать печатными буквами он, благодаря наставлениям Дмитрия Филипповича, научился. Теперь мог коротать вечера не только за ремонтом обуви да лошадиной сбруи, но и за читкой газеты, сидя перед семилинейной лампой и водя заскорузлым пальцем по строчкам напечатанного. А если выдавался свободный час, то спешил в избу Лукерьи к бывшему поручику за новостями, коими раньше и не интересовался. Многое ему открылось через знакомство с этим человеком, которого на деревне люди сторонились и, честно говоря, немного побаивались.

Пётр узнал, что поручик Огородников осуждён за покровительство восставших в пехотном полку солдат. Нет, он сам не против власти, не сторонник беспорядков в армии и был верен присяге, но всегда защищал своих подчинённых. За что и пострадал. В разговорах о житье-бытье, о лучшей жизни Огородников и надоумил Петра переселяться на Дальний Восток.

- Что тебя здесь держит? Земли имеете только на то, чтобы посеять немного ржи и льна и только на прокорм и одежду. О доходах говорить не приходится. Лучшего не будет – земли свободной нет, а семейство пополняется. Вон и у брата твоего ещё двойня родилась, и у тебя два сына растут... Используй, пока не поздно, это очень умное решение власти. Потом весь свой век будешь благодарить своего тёзку – председателя совета министров Петра Аркадьевича Столыпина. Несмотря на то, что лично у меня есть основание его не любить, но за реформаторство в сельском хозяйстве я его глубоко уважаю. Вот окончится срок моей ссылки, вернусь к жене и, если это будет возможно, то и я со своей семьёй тоже уеду подальше от этих заварух.

Когда Пётр слушал убедительные слова Дмитрия Филипповича о больших возможностях на вольных землях, со всем соглашался. Но, когда оставался наедине или вечерами об этом говорил с женой, то уверенность в правоте Огородникова вдруг пропадала, решительность оставляла…. И он опять шёл к наставнику, опять слушал сладкие слова про вольную жизнь, про богатые земли, про возможность работать на своём наделе, не вступая в споры с соседями на межах.

Все родственники дружно поддержали затею Петра перебраться с семьёй на новые места. На мужском совете было решено собирать младшего в дальнюю дорогу.

Оформить нужные документы помог всё тот же Огородников.

Ранней весной, ещё до распутицы всё Онежье провожало на железнодорожную станцию семью переселенца Петра Бутузова. Люди помогли пригнать к стоявшему на запасном пути пустому вагону обезумевшую от воли и многолюдья скотину, перегрузить с подвод скарб, запасы продуктов. Долго и трудно прощались земляки с идущей в неизвестность семьёй Петра. Много было слёз, напутствий и пожеланий. Страх, волнение и надежда витали над станцией.

Пётр, стараясь скрыть свою неуверенность и растерянность, скупо попрощавшись с роднёй и односельчанами, стоял в стороне от толпы и слушал последние наставления Огородникова, а в голове роем кружились мысли: ну как я буду без родных людей, без любимых лесов и озёр? Как нас встретит чужбина, какие там люди и что за порядки?

В ночь ушёл вагон, прицепленный к проходившему поезду.

Длинной и трудной была жизнь на колёсах. Людей, ни разу не бывавших дальше своего уездного городка, страшила неизвестность и новизна открываемого мира. Всё впервые…. И, чем дальше уходил поезд, тем отчётливей понимал Пётр: вернуться назад, к родному углу уже не придётся. И он, прощаясь, неотрывно смотрел в просвет неприкрытой двери вагона. Обрывалась пуповина…

Немало хлопот было и на конечной станции железной дороги – Сретенской. Переселенцам предложили сразу перегрузиться из вагонов на баржи, и некоторые семейства, долго не задумываясь, переместили своё имущество на них, но Пётр не спешил. В сутолоке причала он встретил человека, предложившего за умеренную плату купить плоты из сухой лиственницы. Что такое лиственница – Пётр не знал, но осмотрев плоты и посчитав в них количество брёвен, их объём, попробовав топором крепость древесины, согласился. По пути через всю страну до Сретенской из вагона он видел множество мест безлесья и опасался того, что и ему придётся жить «на лысине».

Ушли на Амур первые баржи, увозя по Шилке переселенцев, прибывших в одном составе поезда с семейством Бутузовых. Пётр не спешил. Он основательно устраивался на плотах. Купил сухих дров, воз свежего сена, пополнил продуктовые запасы для семьи, муки и зерна на корм скоту. Как ни хотел Пётр, а расстаться с привычными лаптями пришлось – плот не мостовая и не вагон – весь день с сырыми ногами ходить не хотелось. Купил для себя две пары сапог, переобул жену и сынишек.

Только к середине жаркого лета караван плотов, ведомых по Амуру небольшим, закопчённым пароходиком, подошёл к берегу, на котором было расположено небольшое поселение – не более десятка дворов. Место сразу приглянулось Петру: в окружении зелёных сопок на высоком холме крепкие дома образовали небольшую улицу и смотрели весёлыми окнами на прибывших гостей.

Посоветовавшись с женой Алёной, решили остановиться здесь. Может быть, где-то и есть места лучше, но путешествие на плоту, где от дождя да комарья невозможно укрыться даже в шалаше, сооружённом из жердей да корья деревьев, уже порядком надоело. Хотелось определиться основательно: ходить по твёрдой земле, заняться вплотную хозяйством, приложить руки к обустройству семейного быта. Не за горами осень, а там и зима. Надо делать запасы…

От каравана отделили два плота, на одном – самом большом четырёхрядном – прибыла семья Бутузовых со своим хозяйством. С хозяйством не малым: корова с телком, две лошади, пара хрюшек в ящике, куры, утки и собака с кошкой. Да продовольственного припаса, не использованного в пути, в деревянных кадушках сохранилось не мало. И одёжи, которая тоже хранилась в деревянных бочках, предусмотрено на все сезоны года. Было довольно много шуток по поводу отдельно сложенных на плоту валунов. «А вдруг там, куда прибудем, камней нет для гнёта на соленья?» – говорил запасливый Пётр.

И вот путешествие окончено.

Вот оно – то место, где можно устраиваться и продолжать жить, и рожать, если даст Бог, детей, есть, где приложить силы на хозяйство, где основать своё гнездо.

С уходящего каравана люди, с которыми за время пути сдружилась семья Петра Анисимовича, дружно махали руками на прощание. Пароход уходил, увлекая за собой ещё несколько плотов, вниз по Амуру.

Прибыли.

На берег из домов выбегали ребятишки, степенно спускались к реке взрослые, неслись, обгоняя всех, собаки.

Люди обступили прибывших, поздравили с прибытием, интересовались: из каких краёв прибыли, откуда родом – а вдруг земляки, а вдруг бывшие соседи. Но земляков не оказалось – из северных областей люди редко срывались. Больше было из центральных и южных губерний.

- Всё-равно, как родня – из Рассеи прибыли, – сказал один из старожилов. – Дальше жить будем вместе, в одном посёлке.

Без просьбы и приглашения местные жители хотели помогать разгружать плоты, но Пётр опять не спешил:

- Разгрузиться успеем. Может, придётся ещё пожить в этом шалаше, пока что-то другое не придумаем.

- А что придумывать? У нас же есть землянки, есть и дюже хорошо сохранившиеся. Копать новые незачем – сказал всё тот же мужик. По-видимому, он здесь был за старшего.

Мужику было лет под пятьдесят, но если бы он узнал, что его назвали «мужиком», то, наверняка бы, обиделся, потому что это был казак. Потом, по прошествии некоего времени, Пётр с ним сдружится. Это был Тихон-толмач.

- Подождите немного…. Сейчас придёт атаман и он решит: что да как, – рассудила одна из женщин. Вон он спускается.

Действительно, от крайнего дома к реке шла группа казаков, одетых в зеленоватые кители, синие брюки с жёлтыми лампасами и сапоги. Они подошли к прибывшим, пожали всем без исключения руки, и самый солидный, упитанный казак, чью грудь украшали кресты и медали, сказал:

- Я есть атаман этого поселения – Мунгалов Михаил Андреевич. Все вопросы обустройства будем решать вместе. Относится наш посёлок к Екатерининскому станичному округу. – И обратился к собравшимся. – Не гоже гостей держать у порога…. Устинья, организуй подружек и идите к моей Дарье, помогите стол накрыть. Там, казаки, будем решать: кого куда…. Не по вам, мокрохвостым, – в сторону женщин, – это дело. – И приехавшим: – Не казацкого ли роду будете?

- Нет, из крестьян Олонецкой губернии, – сказал Пётр.

- Фабричные мы, из Кондопоги, – представился хозяин второй семьи.

- Ничего, обустроитесь и будете казакам помогать службу нести. Граница-то вот она, рядом. На той стороне реки – Китайская империя, маньчжуры…. Но вы не пугайтесь – они люди хорошие и с ними мы живём мирно. – А из этих пострелов, – обратил внимание на сыновей Петра, выглядывавших из-за спины матери, – мы вырастим боевых казаков! Так, сорванцы?

За столами, выставленными прямо на улице у дома атамана, после вкусного обеда и бурного обсуждения, казаки решили отдать самую большую землянку семье Петра Анисимовича Бутузова. По завершении небольшого ремонта она может прослужить ещё не один год. Второй семье определили соседнюю…

- Наши отцы строили эти землянки для себя, как временное жильё, строили основательно и жили в них не один год. Вот при хорошем присмотре до сей поры они сохранились, и вам ещё сгодятся…. Пользуйтесь…. Эту зиму переможете в землянках, а на следующий год, если будем живы и здоровы, то и дома справим. На это есть распоряжение государя, – говорил атаман. – Рассея на восток тронулась, народ ещё будет прибывать, а наше дело – оказать людям посильную помощь.

«Эх, поздновато мы сюда прибыли – ничего уже не посеять, ничего не вырастить, а зима уже не за горами. Хотя, озимую рожь ещё посеем». Так думал Пётр, но он ещё не знал, что озимые в местных условиях не сеют – они вымерзают, что все близлежащие земли уже поделены, распаханы и засеяны старопоселенцами, а брать землю у них в аренду – дорого.

Перед самым ледоставом в посёлок прибыло ещё три семьи засельщиков из Томской губернии.

Только потом Пётр понял, как мудро он поступил, послушав сретенского мужика и купив у него плоты из строевого леса. Оказалось, что хоть и окружали станицу леса, но год-

ного для стройки дерева не было – сплошь тонкомер: дубки, берёзы да осины. Строевой местные жители покупали на противоположном берегу Амура, но это дело было слишком хлопотное, оформлялось через волостную Амурско-Зейскую таможню, что находилась в Благовещенске в семидесяти верстах от посёлка. Потом Петру пришлось ехать в этот Благовещенск по напутствию атамана Мунгалова, чтобы получить полагающуюся ему беспроцентную ссуду.

Зимовала семья Петра в землянке. Сначала казалось, что слишком тесно вчетвером жить в этой норе, но потом привыкли. После олонецких мягких зим Бутузовы почувствовали крепость амурских морозов и силу жгучих ветров. До холодов только и успел хозяин запастись на зиму рыбой, построить из жердей сарай с загончиком для скота да конями вытащить брёвна плотов из реки и переместить их на холм.

Без дела сидеть не приходилось. Кроме обустройства хозяйства, Пётр нанимался к казакам на подсобные работы: кому сена накосить, кому дров привезти, кому залежь поднять – благо кони есть.

Алёна – жена – тоже постоянно была занята. Она привезла с собой швейную машинку – кормилицу. В этих местах это большая редкость. Жёны казаков, как только прознали о способностях новой поселенки, завалили её заказами. Пришлось по старым выкройкам изучать и шить обнову для женщин, ремонтировать штаны и кители казакам. Да и свою семью надо обшить – купить-то новую одёжу негде. Магазинов нет.

Основательно осмотревшись, познакомившись с местным людом и оценив свои возможности, Пётр решил капитально осесть с семьёй не в посёлке, а где-нибудь невдалеке, на новом месте. Чтобы быть к своей земле ближе – окрестность посёлка уже не один десяток лет обрабатывается старожилами. Да и выходцам из северных лесов и озёр, таёжной глубинки не совсем по нраву пришёлся полувоенный образ жизни казаков, и больно шумный народ – эти казаки.

Из всех односельчан по характеру и интересам Петру ближе оказался местный уроженец Тихон-толмач. Такое прозвище он получил за то, что научился общаться с эвенками, которые изредка появлялись на берегах Амура.

- Эти места когда-то всецело принадлежали басурманам – эвенкам, – рассказывал Тихон. – Хотя «принадлежали» – это не то слово. Эвенки ни на что не претендовали. Но об этом говорят названия местных рек, падей, ключей. Эвенки не жили здесь оседло, а приходили со своими оленями на сезон. На нерестовый ход рыбы. Ставили на Амуре заездки, ловили кету и горбушу. Рыбу вялили, сушили – запасали впрок. Даже рыбью кожу не выбрасывали, а приспосабливали на всякие поделки. Так что наши отцы поселились на месте, которое, если так можно сказать, уже было освоено. Да, и место это называлось по-эвенкийски – Нарасун. Это уже потом казаки нарекли его именем помощника Муравьёва, с которым Губернатор Восточной Сибири совершал свой сплав по Амуру.

- А ты, Тихон, из каких краёв сюда прибыл?

- Я здесь родился, вырос, здесь меня окрестили и имя дали. Местный уроженец.

- Откуда, Тихон, ты это всё знаешь, – поинтересовался Пётр.

- Что-то рассказали эвенки – я же в детстве с их ребятишками играл. – Что-то отец рассказал. Он у меня из солдат-штрафников, которых Муравьёв оженил и отправил из Иркутска заселять эти земли. Из первых поселенцев…

- А куда же эти самые эвенки подевались?

- Теперь они в этих местах почти не появляются. Раньше, когда сюда перебрались наши первые поселенцы, эвенки приходили, как я говорил, рыбу ловить и за оружием – выменивали у казаков винтовки и припасы к ним за меха, мясо и даже за красивых девушек. А теперь они ушли…. Кто на север подался вглубь тайги, кто отправился на другой берег Амура. А названия остались. Вот наша речка Курын. Название её переводится как «обрыв», «яр». Действительно у этой речки обрывается гряда сопок, идущих с севера. С другой стороны посёлка, в версте-другой течет река Гуран, чуть выше в неё впадает Евтукан, ещё выше – ключ Майя.

- И это ты знаешь от эвенков?

- Конечно. Хорошие люди – мирные и в тайге, как у себя дома. Удивительно то, что, живя в суровых условиях, без всяких удобств и государственной помощи, они гостеприимны и незлобивы. Да, собственно, о какой помощи я говорю? Этот народ ни в чём не нуждается. Главное, чтобы его не притесняли, не мешали бы жить собственным укладом. Я и сам одним летом ушёл с ними на север. Потом, правда, за это путешествие серьёзно был наказан. Меня-то родители тогда уже чуть не «похоронили» – ушёл, им не сказавшись, а эвенкам объявил, что матушка с батюшкой отпустили. Дитём неразумным был…. Хотя, в ту пору мне годков десять исполнилось…. А, потом и называть стали толмачом – поднаторел я в языке басурманов…. Да, приходили сюда эвенки – оленные люди и манегры – конные люди…. Ушли эвенки, угнали оленей – не стало и волков. Ты заметил, что стадо наше пасётся без пастухов?

С ружьём и собакой Пётр обошёл все окрестности. При помощи Тихона попытался даже составить план местности на расстоянии двадцати-тридцати вёрст от Нарасуна. Он искал подходящее место для будущих своих пашен, сенокосов и жилья. Нашёл.

К следующей зиме за счёт кредитов государства для переселенцев должны быть построены добротные дома. Когда атаман узнал, что Пётр намерен жить вне посёлка, сказал:

- Не спеши. Не один ты такой умный. Не отходи от общества. Ты ещё не знаешь местных условий. Одному нельзя. Не буду пугать, но тайга есть тайга… и в ней живут и скрываются не только гураны да лоси…. И граница рядом. Семью в тайгу? Не гоже.... Я понимаю душу землепашца, но! Не спеши! Свой лес убереги – ещё пригодится. Сейчас обустрой казённый дом, переберись в него с семьёй, а что дальше делать – время покажет. А землю, что присмотрел, распахивай, засевай…. Миром поможем, если своих сил не хватит. По закону тебе полагается не более пятнадцати десятин земли на мужскую душу семьи, но от власти мы далеко…. Решай сам… Препон ставить не будем.

«Не спеши». Легко сказать…

Прошло два года.

Пётр обустраивал свой дом и усадьбу у ключа Светлого – так он назвал приглянувшийся весёлый родничок – вёрстах в десяти вверх по Курыну. Хорошее, светлое место, и близлежащие поляны вполне сгодятся под распашку. Из брёвен плота вышел большой дом. «В таком доме можно жить и многодетной семьёй. Если потребуется, то и перегородки поставить можно. Одно не совсем удобно – подрастают сыновья и их надо обучить грамоте…. Но и это вопрос разрешимый – недалеко от посёлка есть деревня со школой. Там живут молокане – большие специалисты по изготовлению телег, саней и бондарной посуды. Можно с кем-то из них договориться о постое ребятишек на время учёбы. Есть ещё школа в окружной станице – Екатериновке, это ещё вёрст на десять-пятнадцать дальше. Но об этом будем думать через год-два, а сейчас главное – обустроиться на новом месте, перевезти сюда ребятишек, Алёну, которая носит под сердцем ещё одного ребятёнка». Так думал Пётр, строя радужные планы на будущее, и эти планы грели сердце переселенца, вселяли новые силы на новые дела. И всё, по прикидкам, получалось складно, всё устраивало.

Но одной тёмной дождливой осенней ночью в незавершённый дом пожаловали «гости».

- Будем переночевать, хозяин, – сказал один верховой вышедшему на стук Петру. – Мы люди хороший…

- Входите, – только это и мог ответить Пётр. По говору он понял, что «гость» не русский. Но, кто? Эвенки – те на оленях ездят… Ладно, посмотрим, что это за «люди хороший» … На всякий случай заряженная берданка – тоже, кстати, приобретённая в Сретенске – стоит за занавеской, всегда под рукой.

Вошли двое. Сняли у порога мокрую одежду, прошли в дальний угол, и до утра их не было слышно.

- Мы долго не моги… Утром уйдём. Платим спирт.

Переночевали.

На рассвете, как только ночные «гости» покинули усадьбу, Пётр верхом поскакал в посёлок, разыскал атамана и объяснил ситуацию.

- Вот об этом я тебя, Пётр Анисимович, и предупреждал. Это спиртоносы – китайцы. Они переправляют спирт из Китая и торгуют им на северных золотых приисках. А не был ли среди них человек со шрамом через щёку?

- Не знаю, но один всё время прикрывал лицо воротником…

- Значит, опять объявился мой «крестничек». Опять промышляет на этом берегу. Не пошла ему наша наука впрок. По Гурану теперь не ходит, сменил тропу…. Достанем и тут. Не сильно напугали?

- Нет. А что от них можно ожидать?

- Да кто же это знает? Но семью перевозить туда я не советую. Тем более в зиму. Летом тебя на заимке вряд ли кто побеспокоит. Летом эти торгаши переночуют под любым кустом, а зимой… Зимой будут на ночлег проситься, если мы не отучим их от твоего гостеприимства. Надо сделать так, чтобы они и к тебе дорогу забыли… Видно, прознали, нехристи, что начались работы по строительству большой железной дороги…. И тут куш сорвать хотят. Будет больше народа в наших лесах – будет больше навар у этих деляг. Значит, бу-

дет больше хлопот и у нас – границу надо беречь. Так что, Пётр Анисимович, остерегаться надо сильнее, дабы не случилось какой неприятности.

После этого Пётр решил: будет дом на Светлом местом летнего пребывания семьи, а после уборки урожая жить надо в посёлке. Да и Алёне не будет скучно, и детишкам веселее.

Шибко понравилась Петру местная природа. Особенно нравится ему здесь осенью, когда пшеница уже в амбаре, овощи с огорода – в подполье, сено – в скирдах, и появлялись уже не минуты, а часы свободного от работы времени. Он любит подниматься на вершину ближайшей высокой сопки и до головокружения взирать на таёжные дали. Внизу, словно разноцветное тёплое одеяло, сшитое Алёной к Покрову прошлой осенью, простирается ширь из тёмно-зелёных лоскутков сосновых островов и золотисто-коричневых дубняков, белых берёзовых рощиц и серебристых, искрящихся на солнце, полосок рек, бежевых болотистых марей и редких серо-фиолетовых заплат в зиму вспаханных крестьянских наделов. После летнего, густого и липкого от запахов, пьянящего и склоняющего к дремоте воздуха, сейчас во всю силу лёгких не может надышаться свежим, прохладным, бодрящим бальзамом. Воздух настолько прозрачен, что с высоты сопки окрестности просматриваются на десятки вёрст, и только густота хрустальной сини определяет степень удалённости ориентиров. Небо без единого облачка невероятно глубоко и необъятно. Яркое, но уже не жгучее солнце ровно льёт свой свет на округу. От этой благодати в душе начинает просыпаться детское чистое желание подняться высоко – высоко и улететь куда-нибудь, словно перелётная птица, в неизведанное и манящее, где нет забот и болезней, власти и законов. Как ни любил Пётр северное Поморье, как ни хвалил родные места, а вынужден признаться себе, что, проехав на поезде почти всю Россию, только в Приамурье он увидел широту и могущественность земли русской. Смущаясь невольно нахлынувших чувств, Пётр спускается к жилью, берёт корзину и идёт в ближайшую рощу собирать грибы.

Грибную «охоту» Пётр любит также как и рыбалку…. С грибами всё просто – здесь растут такие же грибы, как и в Поморье: боровики, подосиновики, обабки, лисички и прочие… а, вот с рыбой – тут порой не всё бывает ясно. Щука, карась, налим – знакомые породы, а если попадалась неизвестная, то приходилось обращаться к Тихону-толмачу – тот о зверье и рыбном народе знал всё. Со временем и Пётр научился отличать кету от горбуши, ленка от тайменя, хариуса от чебака…

Он уходит с вершины сопки потому, что знает: от этой красоты, безбрежности и покоя, станет немного грустно… Грустно оттого, что в тенистых, укромных уголках осени прячутся довольство, усталость и грусть. Грусть…. А может быть, она возникает от накатывающей волны воспоминаний родного Поморья? Нет, куда бы ни закинула тебя судьба, а места, в которых родился, не забываются…

После таких осенних походов внутри возникает трепетная, всеобъемлющая любовь ко всему живущему на земле. Тело и душа разомлевают, словно после хорошей бани, а в голову идут только хорошие мысли, строятся красивые планы на будущую жизнь.

Пётр никак не мог наработаться на своей заимке, на своей земле. Зиму переживал в посёлке, как больной – с таким нетерпением и неприкаянностью. Но лишний раз зимой ста-

рался на заимку не наведываться, чтобы не показывать туда дорогу не прошеным гостям. Но, как только сходил с полей снег, он перевозил семью из посёлка и целыми днями – с утра до ночи пропадал в поле, лесу, на речке. Пахота, сев, сенокос, заготовка дров, листа для овец, ловля рыбы. Редкими днями его можно было увидеть на заимке – это случалось только при большом недомогании, либо по просьбе Алёны.

- Отдохни, Петруша, присмотри за детками, а я схожу в Благовещенск. Бумазеи надо купить на рубахи ребятишкам – совсем обносились, да и нам с тобой к празднику обнову какую-никакую справить надо. Вон и нитки с лентами заканчиваются, а в посёлок переберёмся, опять за машинку казачки усадят, опять надо девкам наряды шить, а казакам кители кроить да шаровары лентами обшивать. Отдохни дома, а я за два дня обернусь.

И уходила одна или с заранее договорившимися женщинами. В город пешком за семьдесят с лишним вёрст. Шли не торной дорогой, а сопками – так ближе. Шли и по пути собирали ягоды или грибы – всё, что можно продать на базаре в Благовещенске. Только по большим церковным праздникам Пётр мог позволить себе такую роскошь, как запрячь пару коней и всей семьёй выехать в город на ярмарку, сходить в церковь, а попутно и сделать закупки керосина, соли, сахара да скобяных товаров.

Не раз, коротая долгие зимние вечера с Алёной, вспоминая свою прежнюю жизнь в Поморье, добрым словом вспоминали и бывшего поручика Дмитрия Филипповича Огородникова.

- Вот, Алёнушка, в жизни-то как получилось, да…. Встретился одним утром добрый человек и перекроил всю нашу судьбу, да…. Обучил меня грамоте, дал сердечное напутствие на переезд аж на другой край страны. С грамотой и свет я увидел, и Рассею-матушку посмотрели. Теперь, когда есть своя земля, когда двор полон скотины, когда дети обуты-одеты, когда труд даёт хорошую прибыль, разве это не жизнь?! Вот как бывает…. Вот что сделала всего одна встреча…. Видно, планида нас полюбила…

Они отписали родственникам в Олонецкую губернию письмо с приглашением без боязни переселяться на эти места. А если Огородников не передумал, то и он с семьёй найдёт здесь приют.

Жизнь наладилась. Правда, иногда, а в последнее время всё чаще, беспокоили вооружённые шайки то с левой стороны Амура, то с правой. Но какое лето без мух?

Алёна принесла ещё дочку и сына.

Не думал, не гадал Пётр, что с Огородниковым, с человеком, который благословил его семью на переезд в другую жизнь, который принял сердечное участие в его судьбе, свидится только в тридцать восьмом году в лагерном пункте возле Тахтамыгды на стройке БАМа. Трудно было узнать бывшего поручика в исхудавшем, обросшем узнике. Но они признали друг друга. Узнали и до самого расстрела Петра Анисимовича Бутузова старались держаться вместе и не могли наговориться.

- Ненужным человеком оказался я на этой земле, – говорил Дмитрий Филиппович. – При старом режиме выгнали из армии, хотя ничего противоправного я не совершил. Осудили, унизили, лишили каких-либо перспектив…. Новой власти я служить не мог, так как считаю, если раз присягнул на верность царю-батюшке, то на вторую клятву в верности

морального права не имею. Вот за это и попал в подозрение Советам. Сейчас обвинили в принадлежности к партии троцкистов, хотя в политику я никогда не лез. И чем отличается троцкизм от марксизма – меня не интересует. Мои интересы, Пётр Анисимович, в последние годы сузились до интересов семьи. Все восемь лет ссылки в Олонецкую губернию – в ваши места – я страшно переживал за родных и после всех заварух считал, что главный мой долг перед близкими – обеспечить достойную жизнь жене и деткам. Большую вину я чувствовал перед ними…. Выросли дети, определились в жизни, и вот – опять арест, опять ссылка... Только теперь жизнь не у доброй старушки Лукерьи Ильиничны, а в бараке за колючей проволокой и конвоем с собаками. Воистину: не исповедимы пути господни. Меня взяла контора, когда ещё называлась ГПУ. По тем временам могли и расстрелять. Расстрелять без вины…

- Расстрелять могут и теперешние…. Как их? ... НКВД. За этим дело не станет, – со вдохом сказал Пётр Анисимович.

- Да, это понятно…. А как вы прожили эти годы? Над вами-то за что изголяются? Или тоже не поладили с новой властью?

- Я-то, Дмитрий Филиппович, и со старой не ругался, и даже благодарен ей был – при ней на ноги семья-то встала, свет в окошке увидела. И с новой властью не ругался. Я же не казак. Это наши казачки шумели: кто за красных, кто за белых, а потом-то часть из них вынуждена была с семьями уйти в Китай, а кто на фронт – в Сибирь. Нас – крестьян – больше волнуют вопросы земельные да погодные: быть урожаю или недород ожидать? А власть-то она сегодня одна, а завтра может и перевернуться-то. Не нашего ума это дело. Так жили и живём. Считай, до тридцатого года-то жили и работали на себя. Жилось-то, по-первости, конечно, трудно, но потом выправились. Детей подняли…. Двух сыновей оженил…. В городе живут…. Третий-то холостякует…. Дочка на выданье…. Внуки есть – четверо. Только хорошо жить начали…. Жатку-американку себе купил…. Хотел даже на речке свою мельницу поставить-то, но не успел…. А, может быть, это и хорошо, что не поставил…. Поселковая группа пособничества Советской власти много и настойчиво агитировала вступить в колхоз…. Да…. С этого-то всё и началось…. Долго наши казаки сопротивлялись этим колхозам, но, как говорится, плетью-то обуха не перешибёшь. После всех передряг, которые, как казалось, меня не касались, записали в кулаки… Урожай, что потом и кровью полит обильно, из амбара вычистили до зёрнышка, а земельку – то отобрали…. Сколько сил было положено на её подъём?! Не щадил ни себя, ни лошадей… Готовую забрали…. А какой я эксплуататор, если ни одного стороннего работника никогда не нанимал? Если всё, что у меня было, заработано вот этими руками, руками моей семьи? Антисоветской деятельностью – в чём обвинили – не занимался…. И когда ею заниматься, если светового дня не хватало с делами по хозяйству управиться? И что это за деятельность – ни сном, ни духом не ведаю. Суд был скорый и суровый…. Вот и оторвали меня от семьи, от земли…. От жизни…

- Да, да… Печально всё это…. Ты, брат, прости, что подбил твою семью на переезд из родного края. Тогда не думали, что такое может случиться. Думали только о хорошем…. За дымкой дней раздавлены лежат равнины…. Россия, Россия, Россия – мессия грядущего дня….

- Что вы говорите, Дмитрий Филиппович?

- Это я так…. вспомнил…. А тогда в вашем Онежье мы хорошие строили планы.

- Да что об этом говорить? И обижаться никто не обижается. А, скажи мне, дорогой Дмитрий Филиппович: куда же подевался-то мой тёзка, которого я должен благодарить, как ты говорил, за жизнь на Дальнем Востоке?

- Столыпин? Убили Петра Аркадьевича…. Убили в присутствии царя…. Русскому народу хорошо жить никогда, наверное, не дадут…. Не давали и не дадут…. Убьют, отравят, предадут во имя «великой» идеи. Из века в век…. Кому-то это, по-видимому, очень надо…. Только об этом нашем разговоре, Пётр Анисимович, никто не должен знать.

- Само собой…. Нам же ещё жить….

Не знал тогда Пётр Анисимович, что жить ему осталось не больше двух месяцев. Не знал и того, что вслед за ним, как дети кулака, пошли по лагерям и три его сына, работавших в Благовещенске в Лензатоне.

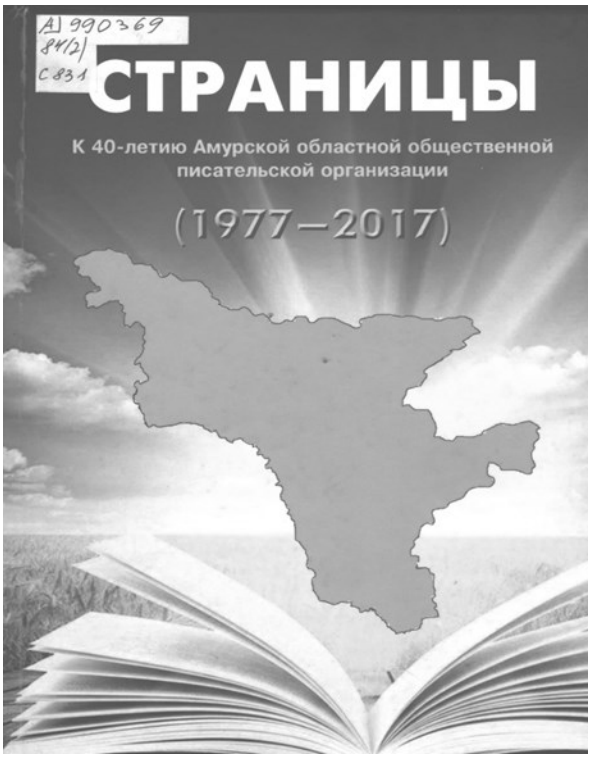
Старший сын, как и его отец, не вернётся из лагерей; средний погибнет где-то на Полтавщине в годы отечественной войны, а младший умрёт уже в послевоенные годы от туберкулёза.

Стоит заимка до сих пор, невзирая на все неурядицы, происходившие в стране.

Сколько же подобных заимок сгорело от лесных пожаров, сколько их порушено на топливо, сколько вывезено хапугами в селения для дворовых нужд?! А эта перестояла лихие времена, когда отбирали земли у частников в колхозную собственность…. А потом и сами колхозы ушли в небытие, а новые фермеры долгие годы не могли набрать сил для обработки дальних полей. Стоит…. Только уже не колхозники и охотники находят здесь приют…. Выкупил земли частный предприниматель, проживающий в городе…. хозяйствует. А в доме на ключе Светлом постоянно живёт его работник. Охраняет усадьбу и ухаживает за скотом. Более века прошло над заимкой и через неё…. Стоит…

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Книга издана к 40-летию Амурской областной общественной писательской организации (1977–2017) на средства муниципального гранта в сфере культуры и искусства города Благовещенска в номинации «Благовещенск – столица Приамурья» при дополнительной финансовой поддержке ООО «Издательско-полиграфический комплекс «ОДЕОН».



Составители И.Д. Игнатенко и В.Г. Лецик вспоминают основные этапы становления и развития организации. Приводят сведения обо всех членах Союза писателей России, которые состояли раньше и состоят в настоящее время в Амурской областной общественной писательской организации, а также о членах Амурского отделения Союза российских писателей. Более шести десятков имён амурских литераторов – как ныне здравствующих, так и ушедших из жизни. О каждом из них дана краткая биографическая справка с приложением перечня основных публикаций и подборки стихотворений или небольшого прозаического произведения.

Книга «Страницы» Амурской областной общественной писательской организации Союза писателей России – победитель конкурса краеведческих изданий «Мой край» XI межрегиональной издательской выставки «Амурские книжные берега» в номинации «Образ Малой Родины» (2018).